

E-ISSN 2713-0622

РОССИЙСКИЙ ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

TOM
vol. **6 № 2 / 2026**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 6 № 2
2026

Тематический выпуск
«Антропология преступного поведения»
*Научный редактор: Мартысюк П. Г.,
доктор философских наук, доктор культурологии,
доцент*

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 6 № 2
2026

Thematic Issue
"Anthropology of Criminal Behavior"
*Scientific Editor: Martysyuk P. G.,
Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Cultural Studies),
Associate Professor*

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 6 № 2 2026

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддерживать молодое поколение ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК (К3) при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

С 2025 года включен в «Белый список» научных журналов (2 уровень).

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – А. Н. Великих, Г. Н. Голядкин.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues

Vol. 6 № 2 2026

“Russian Journal of Deviant Behavior” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal psychology and security psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Since 2025, it has been included in the “White List” of scientific journals (level 2).

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – A. N. Velikikh, G. N. Golyadkin.

Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи ФНЦ ПМИ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В. – доктор психологических наук, доцент, начальник управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, академик РАО (Россия, Москва)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Енгальчев В. Ф. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики государственного университета им. К.Э. Циолковского (Россия, Калуга)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лельчицкий И. Д. – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никитина МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе – начальник научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Шихнабиева Т. Ш. – доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ "Институт содержания и методов обучения" (Россия, Москва)

Editor-in-chief

Rean A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University, Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center for PMI (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department for the Organisation of Research, Editorial and Publishing Activities, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology) (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Education (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Engalychev V. F. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Head of the Research Center for Forensic Science and Criminalistics of the State University. K.E. Tsiolkovsky (Russia, Kaluga)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)

Ilakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work at the St. Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lechitsky I. D. – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Director of the Institute of Teacher Education and Social Technologies, Head of the Department of Social Work and Pedagogy, Tver State University (Russia, Tver)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Utyuganov A. A. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of Research – Head of Research Center of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Shikhnabieva T. Sh. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Content and Methods of Education (Russia, Moscow)

Содержание

Тематический выпуск «Антропология преступного поведения»

Слово научного редактора

- Мартысюк П. Г.** Проблема преступного поведения и пути ее решения в системе социально-гуманитарного знания..... 196

Антропология девиантного поведения

- Мартысюк П. Г.** Девиативные особенности бытийствования личности в контексте нравственной антиномии общественного и индивидуального..... 200
- Балахонский В. В.** Феномен преступности: историко-теоретические и антропологические аспекты изучения..... 212
- Бабосов Е. М., Баньковская Ю. Л.** Сетевые конфликты как сущностная характеристика девиантного поведения: социально-антропологический ракурс исследования..... 226

Психологические исследования девиантного поведения

- Шаранов Ю. А., Меркушева О. В.** «Ныряющее сознание» сотрудников полиции на транспорте (о пользе концептуальной метафоры)..... 240
- Злоказов К. В., Пивоварова Т. В.** Личность рецидивиста в контексте представлений о преступлении и наказании: криминально-психологическое исследование..... 253
- Нго Н. В.** Правило пяти «нет»: профилактика киберпреступлений, совершаемых методом социальной инженерии, в свете современной поведенческой психологии Республики Вьетнам..... 288
- Галанина Н. А., Пеева О. Д., Кабанова Т. Н., Костина Е. В.** Связь легитимизированной агрессии с ценностными ориентациями у лиц с аффективными расстройствами..... 299
- Денисова О. А., Леханова О. Л., Михайлова А. В.** Виктимность школьников как антропологическая основа профилактики девиантных рисков..... 315

Криминологические исследования девиантного поведения

- Бавсун М. В., Стебенева Е. В.** Коррупционное преступное поведение в контексте антропологического подхода..... 329

Правовое противодействие девиантному поведению

- Терещенко Т. Г.** Антикоррупционная политика государства: философско-доктринальное осмысление и правовое регулирование понятийного аппарата..... 342
- Власова Е. Л., Фидель П. М.** Девиантные практики остановки и стоянки транспортных средств: нормы КоАП РФ и меры противодействия..... 358

Contents

Thematic Issue *«Anthropology of Criminal Behavior»*

Scientific editor note

- Martysyuk P. G.** The problem of criminal behavior and its solutions in the system of social and humanitarian knowledge..... 196

Anthropology of deviant behavior

- Martysyuk P. G.** Deviative features of the existence of an individual in the context of moral antinomy between social and individual..... 200
- Balakhonsky V. V.** The phenomenon of crime: historical, theoretical and anthropological aspects..... 212
- Babosov E. M., Bankovskaya Yu. L.** Network conflicts as an essential characteristic of deviant behavior: a socio-anthropological perspective on the research..... 226

Psychological research of deviant behavior

- Sharanov Yu. A., Merkusheva O. V.** “Diving consciousness” of transport police officers (on the usefulness of the conceptual metaphor)..... 240
- Zlokazov K. V., Pivovarov T. V.** Recidivist personality in the context of crime and punishment perceptions: a criminological and psychological study..... 253
- Ngo N. V.** Preventing social engineering crimes: Vietnam’s experience with the “5-NOs” rule and its alignment with modern behavioral psychology..... 288
- Galanina N. A., Peeva O. D., Kabanova T. N., Kostina E. V.** The relationship between legitimised aggression and values in persons with affective disorders..... 299
- Denisova O. A., Lehanova O. L., Mikhailova A. V.** Victimization of schoolchildren as an anthropological basis for the prevention of deviant risks..... 315

Criminological research of deviant behavior

- Bavsun M. V., Stebeneva E. V.** Anthropological approach to corrupt criminal behavior..... 329

Legal counteraction to deviant behavior

- Tereshchenko T. G.** State’s anti-corruption policy: a philosophical and doctrinal analysis and the legal regulation of the conceptual framework..... 342
- Vlasova E. L., Fidel P. M.** Deviant practices involving stopping and parking vehicles: provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and countermeasures..... 358

Проблема преступного поведения и пути ее решения в системе социально-гуманитарного знания

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается **тематический выпуск** «Российского девиантологического журнала» **«Антропология преступного поведения»**, посвященный осмыслению преступления и преступника через призму теорий, разрабатываемых в предметном поле культурологии, психологии и педагогики, социологии и философии, уголовно-правовых наук. Если говорить об антропологии как учении о человеке, его природе, поведении

и существовании в мире, то для специальных наук, изучающих преступное поведение человека, данная трактовка представляется чрезмерно расширенной. Да и в рамках самой философской мысли с ее теоретическими абстракциями высокого ранга обобщений человек не может присутствовать целиком. При всем этом в рамках философского, культурологического и социологического дискурсов открываются новые грани исследования глубинной экзистенциальной природы человека, включающей в себя и различного рода трансформации девиантного типа.

Проблема девиации как отклонения или в большинстве случаев нарушения общественной и культурной нормы в настоящее время не является лишь только прерогативой психологической науки. Активная разработка данной проблемы ведется и в рамках философской, культурной и социальной антропологии. В этом плане интерес представляет статья *«Девиативные особенности бытийствования личности в контексте нравственной антиномии общественного и индивидуального»*, открывающая рубрику **«Антропология девиантного поведения»**. В ней предпринимается попытка введения в научный оборот термина «девиативность». В представленном исследовании девиативность рассматривается в качестве сущностной черты бытийствования личности, проявляющейся в ее способности сохранять аксиологический потенциал на фоне отклонения от общепринятой социальной нормы. В статье также намечаются культурологические перспективы последующего исследования феномена девиативности применительно к автономным культурным формам, сохраняющим жизнеспособность на фоне конфронтации с общественной парадигмой.

В статье *«Феномен преступности: историко-теоретические и антропологические аспекты изучения»* исследуются методологические, историко-теоретические и антропологические аспекты научного осмысления преступности как социального явления. Акцент делается на онтологических, антропологических и методологических подходах к изучению проблемы преступности, представленных современными исследованиями в области социологии, психологии и криминологии.

В статье *«Сетевые конфликты как сущностная характеристика девиантного поведения: социально-антропологический ракурс исследования»* особое внимание уделяется противоречивой природе информационно-коммуникационных технологий, непосредственно влияющих на систему ценностей и этических норм пользователей сетей, их мировосприятие и миропонимание. Сетевой конфликт рассматривается авторами сквозь призму девиантного поведения и его специфики, проявляющейся в агрессии, намеренном искажении сведений и подрыве социальных устоев в пространстве сети. Конечной целью работы является концептуально-теоретическое исследование социально-антропологического модуса сетевых конфликтов как способа проявления девиантного поведения.

Рубрика **«Психологические исследования девиантного поведения»** включает пять статей. Статья *«„Ныряющее сознание“ сотрудников полиции на транспорте (о пользе концептуальной метафоры)»* посвящена исследованию механизмов познания опасных явлений сотрудниками полиции на транспорте. Одним из путей решения данной проблемы, по мнению авторов статьи, выступает концепция «потокowego сознания», эмпирического и трансцендентального сознания в контексте общего понимания потока как состояния погружения в деятельность. Важным в содержании статьи представляется раскрытие особенностей профессиональной деятельности сотрудников полиции на транспорте на основе методологических подходов, разработанных глубинной психологией и феноменологией. Благодаря возможностям психоанализа раскрываются природа целостного сознания и его способность к трансцендированию. Что касается «потоковой культуры», то она должна выполнить функцию воспроизводства порядков служебной деятельности и помочь выявить критерии отклонения наблюдаемого объекта от установленного порядка.

Следующая статья *«Личность рецидивиста в контексте представлений о преступлении и наказании: криминально-психологическое исследование»* посвящена исследованию личности рецидивиста в контексте представлений о преступлении и наказании. Исследование ставит своей целью восполнение недостатка информации о роли представлений о преступлении и наказании, а морально-правовая оценка преступного поведения и его регуляции, позволяет развить субъектно-деятельностный подход к изучению личности рецидивиста, дополняя новые сведения об уровне антиобщественных представлений и социально-психологической дезадаптации в группах рецидивистов, совершающих насильственные и корыстные преступления. Оригинальность статьи заключается в переосмыслении и частичном дополнении традиционных методологических подходов, а также в постановке и последующей реализации самой цели исследования, сводящейся к теоретическому описанию субъективных представлений о преступлении и наказании как составляющих личности рецидивиста, а также эмпирической оценке их уровня в зависимости от количества рецидива.

В статье *«Правило „5 НЕТ“: профилактика киберпреступлений, совершаемых методом социальной инженерии в свете современной поведенческой психологии Республики Вьетнам»* рассматривается правило, демонстрирующее поведенческую модель профилактики киберпреступлений, используемую в Республике Вьетнам в целях предупреждения преступных посягательств с использованием методов социальной инженерии.

В свою очередь статья *«Связь легитимизированной агрессии с ценностными ориентациями у лиц с аффективными расстройствами»* посвящена описанию результатов эмпирического исследования легитимизированной агрессии и ценностных ориентаций, на основе выборки лиц с аффективными расстройствами и условной нормы. В сопоставительном исследовании был проведен поиск связи между легитимизацией агрессии и ценностными ориентациями, являющимися регуляторами агрессивного поведения.

Рубрику завершает статья *«Виктимность школьников как антропологическая основа профилактики девиантных рисков»*. В ней авторы ставят перед собой цель представить данные о состоянии виктимности школьников в аспекте ее рассмотрения как антропологической основы профилактики небезопасного поведения и девиантных рисков. Теоретической основой анализа выступают представления о виктимности как отклонении от норм безопасного поведения и как о дезадаптивном стиле реагирования. Статья включает эмпирическое исследование, в основу которого лег методологический подход разведочной кластеризации. Итоговые результаты показали, что возрастные особенности уязвимости определяют не линейный рост виктимности с возрастом, а изменение структуры риск-маркеров.

Рубрику **«Криминологические исследования девиантного поведения»** представляет статья *«Коррупционное преступное поведение в контексте антропологического подхода»*. Изучая деструктивную направленность человеческой природы, авторы приходят к мысли о ее фактической неизменности. Порочные стороны человеческой натуры по-прежнему остаются традиционными желаниями и пороками, с которыми всегда пыталось бороться государство. Целью представленного исследования является определение сущности антропологии коррупционного преступного поведения через анализ специфики криминологического механизма совершения деяний коррупционной направленности с учетом трансформации современного общества. Предпринятый криминологический анализ коррупционного преступного поведения с позиций антропологии обогащает научные знания о сущности коррупции как феномене современного общества и вносит вклад в противодействие коррупционным преступлениям.

Рубрика **«Правовое противодействие девиантному поведению»** включает две статьи. В статье *«Антикоррупционная политика государства: философско-доктринальное осмысление и правовое регулирование понятийного аппарата»* на основе обобщения данных, полученных из научных (доктринальных), исторических, нормативных источников, предлагается авторская трактовка понятия «антикоррупционная политика государства». Одним из направлений выработки искомого понятия выступает анализ государственной концептуальной антикоррупционной модели, объединяющей вокруг себя соответствующих субъектов. Автор убежден в том, что содержание понятия «антикоррупционная политика государства» способно устранить терминологические расхождения в понимании антикоррупционной политики.

Тематический номер журнала завершает статья *«Девиантные нарушения остановки и стоянки транспортных средств: нормы КОАП РФ и меры противодействия»*. Среди всевозможных правонарушений авторы статьи сосредоточены на исследовании умышленного нарушения правил остановки и стоянки транспортных средств (неправомерная парковка). Умышленное нарушение правил остановки и стоянки транспортных

средств представляет собой распространенную форму девиантного поведения, сопряженную с пренебрежением как правовыми нормами, так и общественными интересами. Авторы статьи приходят к заключению, что специфика девиантного парковочного поведения не сводится к единичному акту, а может приобретать устойчивый, повторяющийся характер, особенно при расчете на низкую вероятность наказания.

Редакция журнала выражает надежду, что читатели найдут на страницах издания много интересной и полезной информации, ориентирующей на дальнейший интеллектуальный поиск.

**Научный редактор тематического выпуска
профессор кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор философских наук, доктор культурологии, доцент
П. Г. Мартысюк**

УДК 177.7

Девиативные особенности бытийствования личности в контексте нравственной антиномии общественного и индивидуального

Павел Григорьевич Мартысюк

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
Pr_martis64@mail.ru

ORCID: 0009-0001-6811-3808

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема бытийствования личности в условиях зависимости от общественной морали. Коллективная мораль оказывает непосредственное влияние на существование личности в обществе, организуя и направляя ее функции на реализацию общепринятых культурных установок. Потребность и способность личности выстраивать свое поведение в противовес общественным предписаниям порождает бытийственные девиации конструктивной и деструктивной направленности. **Методы.** При написании статьи была использована следующая методология. *Психоаналитический подход* способствует исследованию девиативных особенностей поведения субъекта исходя из скрытых мотивов и бессознательных процессов. Допускается, что отдельные проблемы, препятствующие принятию установок общественной морали, обусловлены иррациональной стороной бессознательного, функционирующего вне зависимости от рационального сознания. *Проблемный подход* высвечивает противостояние индивидуального и общественного начал в морали, влияющих на решение конкретных этических проблем. В рамках нормативной этики, определяющей правила поведения субъекта в общественном пространстве, получают закрепление следующие методы: *сравнительно-аналитический метод* применяется для сопоставления различных этических систем, подходов к оценке конкретного нравственного действия; *контекстуальный метод* позволяет дать объективную оценку тому или иному нравственному решению исходя из выбранного контекста. **Результаты.** Установлено, что нравственное бытийствование личности в определенном социальном пространстве имеет неоднозначный характер, это объясняется ее сложной психической организацией, выстроенной на внутриличностном конфликте, обусловленном взаимодействием иррациональных (бессознательных) и рациональных (сознательных) сторон личности, а также ограниченных возможностей индивидуальной морали на фоне коллективных нравственных установок, принятых в обществе. Переосмысление общественных устоев нередко приводит к возникновению девиативных проявлений бытийствования личности в культуре, имеющих как разрушительную, так и созидательную направленность.

Ключевые слова

бытийствование, девиация, нравственность, общество, сознание, бессознательное, личность, творчество

Для цитирования: Мартысюк, П. Г. (2026). Девиативные особенности бытийствования личности в контексте нравственной антиномии общественного и индивидуального. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 200–211.

Original paper

Deviative features of the existence of an individual in the context of moral antinomy between social and individual

Pavel G. Martysyuk

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

Pr_martis64@mail.ru

ORCID: 0009-0001-6811-3808

Abstract

Introduction. The article examines the problem of the existence of an individual in the context of dependence on social morality. Collective morality has a direct influence on an individual's existence within society, organising and directing its actions towards the realisation of generally accepted cultural norms. An individual's need and ability to structure its behaviour in opposition to social norms give rise to existential deviations of both constructive and destructive nature. **Methods.** The following methodology was used in writing the article. **The psychoanalytic approach** facilitates the study of deviant features of an individual's behaviour based on hidden motives and unconscious processes. It is accepted that certain problems, which hinder the acceptance of societal moral norms, are determined by the irrational aspect of the unconscious, which functions independently of rational consciousness. **The problem-based approach** highlights the opposition between the individual and societal principles in morality, which influence the solution of specific ethical problems. Within the framework of **normative ethics**, which defines the rules of conduct for individuals in the public sphere, the following methods are established: **the comparative-analytical method** is used to compare various ethical systems and approaches to evaluating a specific moral action; **the contextual method** enables an objective assessment of a particular moral decision, based on the chosen context. **Results.** It has been established that the moral existence of an individual within a specific social space is of an ambiguous nature, which is explained by its complex psychological organisation, built upon an intrapersonal conflict arising from the interaction between the irrational (unconscious) and rational (conscious) aspects of an individual, as well as the limited scope of individual morality against the backdrop of collective moral attitudes accepted within society. Re-evaluation of social foundations often leads to the emergence of deviative manifestations of an individual's existence within culture, which have both destructive and constructive orientations.

Keywords

existence, deviance, morality, society, consciousness, unconscious, personality, creativity

For citation: Martysyuk, P. G. (2026). Deviative features of the existence of an individual in the context of moral antinomy between social and individual. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 200–211.

Введение

Вводное замечание. Полагаем, есть необходимость во введении в научный оборот термина «девиативность» и производных от него понятий. В широком смысле девиативность – свойство отдельных форм сущего сохранять свою автономность в условиях внешней зависимости от целостной системы бытия. Применительно к личности девиативность – сущностная черта бытийствования личности, проявляющаяся в ее способности сохранять аксиологический потенциал на фоне отклонения от общепринятой социальной нормы.

Проблема девиативного бытийствования личности является значимой для большинства социальных и гуманитарных наук: этики, психологии, социологии, культурологии и др. В рамках социологии необходимо упомянуть Э. Дюркгейма, который ввел в научный оборот понятие «аномия» как объяснительный принцип девиации. Согласно этому принципу девиация есть результат нарушения существующей общественной стабильности, основанной на признании установленной системы ценностей. Эти стабильность и равновесие достигаются с помощью соблюдения социальных правил, благодаря которым люди знают, что следует ожидать от других и чего ждут от них. Жизненный опыт людей более или менее соответствует ожиданиям, связанным с социальными нормами. В периоды кризиса и радикальных социальных перемен жизненный опыт в меньшей степени соответствует идеалам, воплощенным в социальных нормах. Прежде установленный социальный порядок разрушается по причине экономических и политических кризисов, урбанизации, демократизации, маргинализации и т. д., провоцирующих нестабильность и дезорганизацию. В дальнейшем перед обществом вновь ставится задача восстановления порядка в виде целостной организованной социальной системы.

Вместе с социальным порядком происходит и восстановление социальной нормы. Социальная норма в данном случае выступает своеобразной культурной формой жизни человека. Согласно воззрениям Георга Зиммеля, «каждая культура принимает те или иные формы, в которые облекается жизнь и без которых немислимо какое-либо духовное бытие. Эти формы претендуют на длительность, даже больше того, на вневременность» (Зиммель, 1995, с. 12).

Если говорить о культурной девиации в ее отдельных проявлениях, то она по большей части происходит из индивидуальных мировоззренческих установок, не согласующихся с общепринятыми духовными ориентирами современного общества. Это наводит на мысль о том, что на переломных этапах развития общества по мере усиления волюнтаризма в культуре происходит ослабление «общепринятых мировоззренческих парадигм, что порождает неопределенность и размытость понятия “норма”, применяемого к культурным регулятивам» (Мартысюк, 2024, с. 18).

Сама по себе социальная система имеет внутренний потенциал развития, сокрытый в механизмах ее эволюции и самоорганизации. В своем естественном порыве она стремится к космизации, что в конечном итоге приводит к обретению ею гармонии, уравновешенности, целостности и завершенности. В противовес космизации девиация демонстрирует хаотическую направленность, заключенную в деструктивном разрушительном начале. Во избежание разрушения социальной системы актуальность обретает синергичная установка, уравнивающая разнонаправленные процессы в целях поддержания целостности искомой системы.

Наряду с социологическим и культурологическим подходами в исследовании феномена девиации применительно к личности отдельно стоят антропология и психология. С ними связан ряд теорий отклоняющегося (девиантного) и преступного (делинквентного) поведения личности, акцентирующих внимание на физиологических, психических и поведенческих особенностях отдельно взятой личности. В этом смысле интерес представляет антропологическая концепция итальянского исследователя Ч. Ломброзо, выводящая истоки преступного поведения индивида из его физиологической природы.

В психоаналитической традиции феномен девиации рассматривается в разрезе глубинных механизмов и внутренних конфликтов, проистекающих из сферы бессознательного. По З. Фрейду, девиация является следствием конфликта между бессознательными влечениями «Оно» и социальными ограничениями, проистекающими из «сверх-Я». Фрейд связывает отклоняющееся от нормы поведение человека с конфликтом между сексуальным влечением, энергетическими началами человека, характеризующими его природу, и культурой как совокупностью соответствующих норм и ограничений.

Важным с позиции этического осмысления девиативных особенностей бытийствования личности представляется учение ближайшего сподвижника К. Юнга – Э. Нойманна. На фоне дискредитации старой этики Э. Нойманн закладывает основы новой этики, демонстрирующей непростой переход от коллективизма к индивидуализму. Традиционная этика не способна сковать, усмирить и трансформировать деструктивные силы. В новой этике и ее возможностях допускается решение проблемы устранения противоречий между сознанием и подсознанием (Нойманн, 1999).

Новые этические ориентиры, изначально идентифицированные как девиативные, не только влияют на состояние психики и нравственности отдельно взятой личности. Со временем они способны приобретать общекультурный масштаб. При этом новые вариации культуры не накладываются на старые, а вырабатывают новые мировоззренческие парадигмы.

Описание исследования

Представление о добре и зле в контексте антиномии общественного и индивидуального в морали

Под бытийствованием личности принято понимать существование и активное участие личности в бытии. Сам факт ее существования в неизменном порядке предполагает порождение способов и механизмов выстраивания приемлемых уровней взаимодействия с внешним бытием. Проецируя свое собственное «Я» вовне с последующей попыткой закрепления в бытии, субъект стремится к реализации конкретных целей и творческих замыслов, нередко сводящихся к изменению внешнего мира в соответствии с собственными ценностными предпочтениями.

Проявление девиации в бытийствовании личности проявляется в индивидуальном действии, сводящемся к нарушению установленного общественного порядка. Волеизъявление, исходящее от субъекта действия, позволяет устанавливать собственные критерии оценивания реальности и следовать им в противовес действующим в обществе культурным и нравственным регулятивам. Подобного рода усилие в процессе своего раскрытия способно оказывать как негативное, так и положительное влияние на состояние общества в конкретный отрезок времени.

Девиативность бытийствования личности определяется ее взаимодействием с социальным бытием, закрепленным в системе аксиологических координат. Именно в силу социально-ценностной оценки действий людей общество регулирует их поведение посредством нравственных отношений, предъявляет к людям моральные требования, ставит перед ними определенные цели, которым они должны следовать. Особое место в аксиологической сфере общества отводится этическим категориям «добро» и «зло». Действие, отвечающее нравственным требованиям, представляется добром, в то время как противоречащее им – злом. Оценка бытийствования личности, опосредованная категорией «зло», определяет диапазон девиативности (от девиантности к делинквентности).

Моральные установки, определяющие характер того или иного действия, в религиозных учениях основывались на дуальном принципе морали. Попытка разделения добра и зла

на ранних этапах зарождения общественной морали решалась переводом абстрактных нравственных категорий в систему сконструированных образно-символических форм. В процессе эволюции морали дуальная категория «добро» и «зло» становится проблемой духовного мира отдельно взятого человека,

В упрощенных этико-философских и религиозных системах проблема добра и зла, как правило, решается в метафизической плоскости, по сути вне экзистенцирующей личности. Окончательная победа зла достигается в последней схватке со злом. В неклассических философских учениях фундаментальные этические категории утрачивают свою первоначальную смысловую цельность, растворяясь в полифонии частных смыслов.

В социальном преломлении нравственные ориентиры не обладают однозначной природой. Они функционируют в обществе, соотносясь с характерными для его бытия противоречиями и законами развития. Неважно, на каких принципах – добра или зла – выстраивается и в последующем функционирует общество. Само по себе добро и зло, представленное в исторической перспективе, не подрывает основ жизнедеятельности общества, но большей частью выявляет уровень его духовной зрелости.

Состояние нравственности личности непосредственно зависит от нравственного состояния общества. «Нравственный или безнравственный характер наклонностей роковым образом обуславливается данным складом социальной жизни и изменяющимися потребностями существования» (Летурно, 2007, с. 97). Несмотря на нравственный прогресс общества, связь личности с предшествующими периодами общественного развития полностью не прерывается. «Раз врезавшись в человеческое сознание, нравственные или безнравственные наклонности изменяются и, в особенности, вовсе исчезают лишь с большим трудом. Вот почему наиболее существенные из особенностей дикарской морали встречаются снова на более поздних стадиях умственной эволюции. Однако и они претерпевают постепенные изменения, причем одни из них крепнут, усиливаются, другие ослабевают или идеализируются, принимают более чистый характер» (Летурно, 2007, с. 199).

В процессе эволюции общества отклонение от ранее установленных социальных норм поведения носит неизбежный характер. К тому же сама девиация на каждой стадии общественного развития обретает различные формы выражения. В средневековом религиозном обществе это различные виды ереси и свободомыслия, научных предположений, разрушающие сложившиеся религиозные догматы. В политической жизни это борьба с оппозицией, в хозяйственной – с инициативой, противоречащей установленному порядку.

В эволюции морали особое место занимает проблема согласования ее общих и частных форм. По большей части эта проблема касается и индивидуального в морали. На ранних этапах развития общества этический негативизм в его индивидуально-личностном проявлении в полной мере не распознается его выразителем в силу зависимости от общественных нравственных установлений. Лишь на более поздних этапах развития общества индивид вырабатывает свое собственное нравственное мерило. Отсюда возникает конфронтация между обществом и личностью, способной выделиться из общественной среды. При этом обретая возможную независимость от общества, личность не способна разорвать с ним генетические связи, что, в свою очередь, отражается на ее нравственном состоянии. Порой та или иная коллективная установка способна опустить человека на низший иррациональный уровень подсознания. Среди людской массы отдельный человек бессознательно опускается на низший моральный и интеллектуальный уровень – на тот, который всегда лежит за порогом сознания и готов обнажиться, едва будет воспринят сигнал совместного пребывания в толпе (Юнг, 2023, с. 24). В различные времена сохраняет силу влияние культурной традиции на сознание индивида, идентифицирующего свое мировоззрение с принятой коллективной установкой.

Состояние общественной слепоты и ложных смыслов может быть воспринято личностью как должное и позитивное. В этом случае опасность состоит в том, что «массовая психология, отвергая в принципе значение отдельной личности, лишает эго последней опоры и чувства уверенности в себе» (Нойманн, 1999, с. 85). В итоге личность перестает быть собой, так как активно впитывает и проживает идеалы, навязанные ей обществом. В этой ситуации попытка заявить о своей автономности в рамках общественной морали идентифицируется как девиация.

Коллективная установка способна в определенной ситуации нейтрализовать намерения личности вне зависимости от ее позитивной или негативной направленности. Первостепенным во все времена являлось поддержание жизнеспособности общества. Утверждение частной истины в противовес общепринятой представляло собой опасность для существования общества определенного типа.

Отказ от частного в пользу всеобщего на разных этапах существования общества представлялся спасительным. «Ограничиваясь исключительно человеком, – писал Георг Зиммель, – XIX век создал понятие общества как подлинную реальность жизни, а индивидуум стал рассматриваться как простой продукт скрещивания социальных сил или как фикция подобно атому. С другой стороны, именно теперь выдвигается требование растворения личности в обществе, так как подчинение ему есть нечто абсолютное, заключающее в себе нравственное и всякое иное долженствование. Лишь на пороге XX столетия широкие слои интеллектуальной Европы стали объединяться на новом основании мировоззрения: понятие жизни выдвинулось на центральное место, являясь исходной точкой всей действительности и всех оценок – метафизических, психологических, нравственных и художественных» (Зиммель, 1909, с. 17).

Растворение личности в обществе и превращение ее в ту или иную общественную функцию, по мнению Г. Зиммеля, отнюдь не укрепляет общественный порядок. «Общественное целое далеко не всегда выступает как созидательное начало. В большей мере оно проявляет себя как начало разрушительное. Примером тому может служить толпа, направляемая природными инстинктами или групповой психологией. Носителем созидательного, творческого начала выступает как раз личность, формирование и развитие которой неразрывно связано с дифференциацией общества и обретением ею свободы выбора» (Зиммель, 1909, с. 5).

На основании изложенного напрашивается следующий вывод. Общественные установки не всегда в состоянии сбалансировать и гармонизировать человеческую природу. Они не способны устранить внутриличностные противоречия, обусловленные противостоянием сознательного и бессознательного. «Человек живет, устремленный к будущему, а будущее – это всегда скрытая угроза для самого прочного обладания. И от этой угрозы, которая связана с его временной структурой, человек не может никоим образом освободиться» (Аббаньяно, 1998, с. 186).

Нередко возможности выхода из сложившейся ситуации для личности открываются через ослабление индивидуальных нравственных установок. Благодаря снижению потенциальной ценностной планки становится возможным совпадение частной и коллективной мировоззренческих установок.

Проблему противостояния добра и зла следует отнести к разряду вечных проблем, которые всегда стояли перед человеческим родом. Данная проблема проявляется как в индивидуальном сознании отдельно взятого человека, так и в общественном сознании. Никто не стоит по ту сторону добра и зла, иначе человек прекратил бы свое бытие в этом мире. Как и любой природный процесс, жизнь заключается в сбалансированности противоположностей. Устранение противоположностей приводит к разрушению нравственных основ общества. Ницшеанская установка на преодоление добра и зла бросает вызов прежней общественной морали

с ее механизмами сдерживания и ограничения (Ницше, 2024). Будучи воспринятой в ее буквальном понимании, она утрачивает мировоззренческие основания, по сути, выступая лишь частным выражением культуры декаданса. При этом не следует забывать о естественных причинах возникновения, развития и функционирования сущего. В данной ситуации речь идет о природе, культуре, обществе, представляющих собой системные образования.

Бытийствующим формам сущего присущи противоположные начала, в непрестанной борьбе уравнивающие друг друга. Нарастание противостояния противоположностей чревато разрушением отдельных проявлений существующего, что способно привести к нарушению целостности и упорядоченности самого системного образования.

Деструктивная форма девиации бытийствующей личности в социальном измерении

Девиантные формы поведения личности существуют в обществе и по большей части являются отражением его противоречивой природы. При этом они играют не только разрушительную, но и созидательную роль. К такому выводу приходит американский социолог Э. Шур в работе «Наше преступное общество». «Проблема преступности, – считает он, – один из важнейших аспектов социальной политики. Главный источник преступности – очевидное противоречие между провозглашенными идеалами равных прав и возможностей, с одной стороны, и упорным сохранением неравенства в главных областях нынешней социальной системы, деморализация молодежи и подростков. Этому во многом способствуют социальная структура общества, характерные для него духовные и социальные ценности...» (Шур, 1977, с. 9).

В общепринятом понимании девиативность нравственного бытийствования личности обнаруживается в неприятии ею норм общественной морали и, как следствие, в совершении антиобщественных действий. Негативная сторона девиативного поведения личности в ее социально-оценочном измерении может быть связана с двумя моментами: с отсутствием индивидуального конструктивного преобразовательного усилия, направленного на усовершенствование общества, неспособностью гармонизировать свою духовную природу. Необходимо осознать бессознательные конфликты и научиться управлять ими. При этом девиативное поведение личности в его негативном проявлении имеет пространственно-временное измерение вследствие трансформации общественной морали в процессе эволюции самого общества.

Исследуя девиативные проявления сознания индивида, Ф. Полан считал, что в первоначальном виде склонность к некоторым удовольствиям, которые сами по себе не составляют зла и даже до известной степени положительны, со временем становится злом вследствие злоупотребления ими. Мысль о порочном находит твердую опору в том, что льстит той или другой нашей склонности, и уже потому нам приятна, что духовно удовлетворяет такую склонность, полное удовлетворение которой разум нам воспрещает (Полан, 1896).

Иррациональная бессознательная установка потенциально содержит преступное поведение. К. Юнг указывал на склонности индивида, которые в силу своей потенции способны перерасти в преступное поведение: «Склонности, которые воплощают антисоциальные элементы в психической структуре человека... подавляются, сознательно и намеренно уничтожаются. Что касается тех склонностей, которые просто вытесняются, они обыкновенно обладают сомнительным характером. Они не столько антисоциальны, сколько неприличны и нарушают социальные условности...» (Юнг, 2023, с. 133).

Со временем вытесненные комплексы бессознательного способны разрушить мир сознания. Неопределенность ситуации, которая возникает в результате вытеснения, приводит к более опасным последствиям, чем аскетизм с его сознательной установкой на подавление. Аскетизм применительно к отдельно взятой личности способен проводиться через коллективные стереотипные установки и различные запреты. Освобождение от них в условиях

ослабления коллективной морали чревато высвобождением подсознательных преступных установок. Можно допустить, что в преступном поведении открывается потаенная сторона истины, не противоречащая метафизическим ориентирам морали, выходящим за пределы контурированных общественных установлений. Будучи изначально представленным в качестве девиации в своем обращении к независимым глубинам морали, девиативное отношение к существующей на данный момент общественной реальности со временем может быть возведено в ранг должного.

Антиномия общественного и индивидуального в морали проистекает из внутриличностной дисгармонии, заниженной самооценки, а также завышенной оценки коллективного начала как первой и последней субстанции.

Опасность со стороны общества порой заключается в том, что оно не позволяет сознательному разуму определить истинный подход к реальности и, как следствие, принять в той или иной ситуации правильное решение.

Нередко идея, будучи конструктивной по своему содержанию, по мере погружения в массовое сознание обретает непредсказуемый и крайне болезненный характер. Подобного рода изменения можно объяснить тем, что внутри массовых процессов часто кроется элемент повышенной эмоциональности, мгновенного распространения идей и снижения личного самоконтроля. Это неотъемлемая часть нашей человеческой природы – стремиться к коллективному опыту, к единству, но при этом мы также рискуем потерять себя (Лебон, 2023).

Важным в преодолении негативной девиации личности представляется момент гармонизации и уравнивания противоположностей. Нередко недостатки, будучи уравновешены достоинствами, выступают как сильные стороны личности. Что же касается усвоения сверхсмыслов, порожденных общественными установлениями, то они должны быть приведены в соответствие с индивидуальным Я. В ином случае способность к самоконтролю не представляется возможной. Не располагая знанием о самом себе, утрачивая способность к самоидентификации, индивид теряет самого себя, пребывая в завораживающем море ложных сверхсмыслов.

Конструктивная форма девиативного бытийствования личности как проявление ее творческой деятельности

Конструктивизм девиативного бытийствования личности может быть рассмотрен по мере возможности выхода за пределы определенного социального хронотопа. Сама по себе культурная парадигма имеет пространственно-временной ограничительный характер, что связано с ее неспособностью в полной мере удовлетворить растущие духовные потребности индивида. Социальные стереотипы нередко стандартизируют сознание личности, всячески препятствуя ее творческому росту. В этом смысле интерес представляет учение Ф. Бэкона об идолах. «Идолы же, которыми одержим дух, бывают либо приобретенными, либо врожденными. Приобретенные вселились в умы людей либо из мнений и учений философов, либо из превратных законов доказательств. Врожденные же присущи природе самого разума, который оказывается гораздо более склонным к заблуждениям, чем чувства... При этом первые два рода идолов искоренить трудно, а эти последние вовсе невозможно. Остается только одно: указать их, отметить и изобличить эту враждебную уму силу, чтобы не произошло так, что от уничтожения старых сразу пойдут новые побеги заблуждений в силу недостатков самой природы ума и в конечном итоге заблуждения будут не уничтожены...» (Бэкон, 1977, с. 73–74).

Однородность и однотипность оценочных подходов к восприятию реальности в меньшей мере способствуют формированию творческой личности. Ее появлению предшествует индивидуальная установка на преодоление внешних социальных и культурных стереотипов.

Одновременно с этим на первый план выходит проблема девиации творческой деятельности субъекта. Конструктивная сторона творческой деятельности раскрывается не только через протест в отношении установленных культурных норм, утративших жизненную способность, но и через способность взаимодействовать с ними, тем самым порождая новые смысловые контексты. В этой ситуации следует говорить о динамике противоречий в их возникновении, балансе и последующем разрушении на новом уровне понимания.

Динамика противоречий на ценностно-этическом уровне непосредственно отражается и на сознании личности. Возникает противопоставление ценностей друг другу или их рассогласование в структурах старого и нового социального и культурного опыта. Противоречие переживается и осознается личностью как трудность выбора и принятия решения. Оно разрешается в процессах рефлексии, переживания неудовлетворенности собой, переосмысления оснований деятельности, нахождения средств реализации новых ценностей. Так ценностные ориентиры становятся выражением изменчивости, динамизма и открытости самой личности. В этой ситуации девиантное поведение обусловлено социальными качествами и свойствами, аморальным образом жизни, деструктивными взаимоотношениями с социальной средой или воздействиями неблагоприятного социального окружения.

Девиативное бытийствование личности не является препятствием для ее преобразовательной творческой деятельности. «В творчестве раскрывается духовная природа человека. В ней осуществляется акт самопревышения, который позволяет творящему любой исторической эпохи выйти за пределы как самого себя, так и за границы данности мира» (Мартысюк, 2025, с. 8). Подлинный талант дорожит свободой. В произведениях он воплощает свои собственные воззрения и впечатления. В подобной ситуации исключается стандартная социальная оценка феномена творящего сознания, принадлежащего исключительно самому себе.

Источником творческого вдохновения выступают различные идеализации: мифологические, религиозные, философские представления, магия, искусство и т. д., которые не способны быть вписаны в единое оценочное суждение. Неизменная изменчивость культурных явлений и даже целых культурных стилей, по мнению Г. Зиммеля, есть результат бесконечной плодотворности жизни. «Моралисты, ценители старого доброго времени, люди строгого чувства, стиля, – писал он, – совершенно правы, жалуясь на все растущую “бесформенность” современной жизни. Но они обыкновенно не замечают того, что происходит не только отмирание традиционных форм, а что причиной смены этих форм является положительный инстинкт жизни...» (Зиммель, 1995, с. 380). «Все бытие выступает как творческое представление сознательного “Я”, а с другой стороны, утверждение этого “Я” представляется абсолютно нравственным поступком» (Зиммель, 1995, с. 382).

Важным представляется разделенность индивидуального в творчестве, включая и его девиативные проявления. Бессознательная идентичность, способная воспринимать девиации в творчестве другого, созвучна с потаенными мыслями и предпочтениями реципиента. Не случайно самые эпатажные, с точки зрения общественного мнения и коллективной морали, проявления искусства во все времена находили и будут находить в дальнейшем своих поклонников.

Заключение

Индивидуально-личностное и социальное целое в равной мере влияют на усовершенствование нравственной и правовой сфер общества. Общество не развивается само по себе вне творчества отдельной личности. Диалектика общественного и индивидуального часто игнорируется в угоду общественному началу, не способному понять и принять специфику индивидуального преобразовательного начала. С точки зрения общественной аксиологической

установки индивидуальное мнение носит неполноценный частный характер. Его истинность или ложность определяются соответствием или несоответствием общественному суждению. При этом, чтобы сохранить аксиологический потенциал частной идеи, ее необходимо уравновесить с общественной установкой в рамках самой же социальной системы.

Способ бытияствования личности в обществе в отдельных случаях воспринимается общественным мнением как девиация или отклонение от нормы. В этом раскрывается суть социального взаимодействия, которое, независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или к терпеливому принятию, всегда соотносится с действием других людей. Стремление к преодолению общественной этической нормы неизменно присутствует в природе бытияствующего субъекта, нацеленного на преобразование общества.

Баланс общественного и индивидуального в морали, несмотря на возможные варианты девиативности как с одной, так и с другой стороны, возможен благодаря обеспечению жизнеспособности морали как целого за счет нивелирования индивидуального и частного. Сохранение целостной природы морали значительно важнее ее частных девиативных проявлений, обреченных на устранение самим ходом истории. Функциональность социальной системы, в первую очередь, определяется ее природосообразностью, подчиненностью естественным закономерностям. Нормативность же имеет искусственный, культуросообразный характер.

Список литературы

- Аббаньяно, Н. (1998). *Введение в экзистенциализм*. Алетея.
- Бэкон, Ф. (1977). *Великое восстановление наук*. В *Сочинения в 2 томах* (Т. 1). Мысль.
- Зиммель, Г. (1909). *Социальная дифференциация: Социологические и психологические исследования* (Н. Н. Вокач и И. А. Ильин, пер.; Б. А. Кистяковский, ред.). М. и С. Сабашниковы.
- Зиммель, Г. (1995). Конфликт современной культуры. В *Культурология XX век: Антология*. Юрист.
- Иванов, О. Е. (2002). *Самосознание как основа метафизики: Опыт введения в философию*. Церковь и культура.
- Кант, И. (1995). *Основы метафизики нравственности. Критика практического разума*. Метафизика нравов. Наука.
- Кант, И. (1999). *Антропология с прагматической точки зрения*. Наука.
- Кассирер, Э. (1998). *Избранное: Опыт о человеке*. Гардарики.
- Лебедев, С. А. (Ред.). (2021). *Философская антропология: жизненный и духовный мир человека*. Академический проект.
- Лебон, Г. (2023). *Психология народов и масс*. (Э. Пименова, пер.) АСТ.
- Летурно, Ш. (2007). *Прогресс нравственности* (Э. Ф. Зауэр, пер.; 2-е изд., стер.). URSS : Ленанд.
- Мартысюк, П. Г. (2024). Трансформация концепта культурной девиации в контексте общественного развития. *Человек. Культура. Образование*, (2), 10–24. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-10>
- Мартысюк, П. Г. (2025). Истоки культуротворческой деятельности. В Ю. В. Аманацкий, В. В. Балахонский, С. И. Ладушкин и др. (Ред.), *Творческая деятельность: истоки и пути самоопределения* (с. 8–38). Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Ницше, Ф. (2024). *По ту сторону добра и зла*. АСТ.
- Нойманн, Э. (1999). *Глубинная психология и новая этика. Человек мистический*. Академический проект.
- Нордау, М. (2024). *Вырождение*. АСТ.

- Полан, Ф. (1896). *Психология характера* (Р. И. Сементковский, ред.; пер. с фр. Ф. Павленков).
 Фромм, Э. (1994). *Анатомия человеческой деструктивности*. Республика.
 Шаронов, В. В. (1997). *Основы социальной антропологии*. Лань.
 Шур, Э. М. (1977). *Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке* (Ю. А. Неподаев, пер.; В. Н. Кудрявцев, ред.). Прогресс.
 Юнг, К. Г. (2023). *Психология западной религии*. АСТ.

References

- Abban'yano, N. (1998). *Vvedenie v ekzistencializm*. Aletejya.
 Bekon, F. (1977). *Velikoe vosstanovlenie nauk. V Sochineniya v 2 tomah* (T. 1). Mysl'.
 Zimmel', G. (1909). *Social'naya differenciatsiya: Sociologicheskie i psihologicheskie issledovaniya* (N. N. Vokach i I. A. Il'in, per.; B. A. Kistyakovskij, red.). M. i S. Sabashnikovy.
 Zimmel', G. (1995). *Konflikt sovremennoj kul'tury. V Kul'turologiya XX vek: Antologiya*. Yurist.
 Ivanov, O. E. (2002). *Samosoznanie kak osnova metafiziki: Opyt vvedeniya v filosofiyu. Cerkov' i kul'tura*.
 Kant, I. (1995). *Osnovy metafiziki npravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov*. Nauka.
 Kant, I. (1999). *Antropologiya s pragmaticheskoy točki zreniya*. Nauka.
 Kassirer, E. (1998). *Izbrannoe: Opyt o cheloveke*. Gardarika.
 Lebedev, S. A. (Red.). (2021). *Filosofskaya antropologiya: zhiznennyj i duhovnyj mir cheloveka*. Akademicheskij projekt.
 Lebon, G. (2023). *Psihologiya narodov i mass*. (E. Pimenova, per.) AST.
 Leturno, Sh. (2007). *Progress npravstvennosti* (E. F. Zauer, per.; 2-e izd., ster.). URSS : Lenand.
 Martysyuk, P. G. (2024). Transformatsiya koncepta kul'turnoj deviacii v kontekste obshchestvennogo razvitiya. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, (2), 10–24. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-10>
 Martysyuk, P. G. (2025). Istoki kul'turotvorcheskoy deyatel'nosti. V Yu. V. Amanackij, V. V. Balahonskij, S. I. Ladushkin i dr. (Red.), *Tvorcheskaya deyatel'nost': istoki i puti samoopredeleniya* (s.8–38). Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
 Nicshe, F. (2024). *Po tu storonu dobra i zla*. AST.
 Nojmann, E. (1999). *Glubinnaya psihologiya i novaya etika. Chelovek misticheskij*. Akademicheskij projekt.
 Nordau, M. (2024). *Vyrozhdenie*. AST.
 Polan, F. (1896). *Psihologiya haraktera* (R. I. Sementkovskij, red.; per. s fr. F. Pavlenkov).
 Fromm, E. (1994). *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti*. Respublika.
 Sharonov, V. V. (1997). *Osnovy social'noj antropologii*. Lan'.
 Shur, E. M. (1977). *Nashe prestupnoe obshchestvo: Social'nye i pravovye istochniki prestupnosti v Amerike* (Yu. A. Nepodaev, per.; V. N. Kudryavcev, red.). Progress.
 Yung, K. G. (2023). *Psihologiya zapadnoj religii*. AST.

Информация об авторе

Павел Григорьевич Мартысюк – профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент.

About the author

Pavel G. Martysyuk– Professor of the Department of Philosophy and Sociology at Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 28.05.2026
Одобрена после рецензирования 26.06.2026
Опубликована 30.07.2026

Submitted May 28, 2026
Approved after reviewing June 26, 2026
Accepted July 30, 2026

УДК 343.9.01

Феномен преступности: историко-теоретические и антропологические аспекты изучения

Виталий Витальевич Балахонский

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

Balakhonsky@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3098-2802

Аннотация

В статье исследуются методологические, историко-теоретические и антропологические аспекты научного осмысления преступности как социального явления. **Введение.** Актуальность темы проводимого исследования определяется ее значимостью для обеспечения правопорядка в обществе, организации борьбы с преступностью и минимизации сферы ее проявления. В современной научной литературе недостаточно работ, посвященных изучению теоретических проблем понимания сущности правовой девиантности, что существенно ограничивает возможности правоприменения. Объектом исследования данной статьи выступает социальный феномен преступности. Предметом изучения являются антропологические причины, порождающие преступность. Цель статьи – выяснить природу и сущность антропологической детерминации противоправных девиаций. Реализация этой цели предполагает решение следующих познавательных задач: проанализировать и обобщить историко-теоретические, социологические, криминологические и психологические подходы к раскрытию сущности преступности, предпринятые в научной литературе; выяснить роль биологических и психологических особенностей природы человека в генезисе и воспроизводстве преступных деяний; рассмотреть возможности методологического применения принципа вариативности для изучения особенностей субъектов противоправных действий; раскрыть диалектическую взаимосвязь между детерминацией феномена преступности и формами его проявления как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. **Методы.** Исследование строится на основе конкретизации эвристических возможностей диалектического, феноменологического, системного, исторического и логического методов применительно к специфике изучения правовых девиаций. **Результаты.** В статье обосновывается необходимость выделения двух уровней психологической вариативности субъекта противоправных действий: индивидуальный и массовый. На индивидуальном уровне важным фактором детерминации правовых девиаций выступают конкретные личностно-психологические характеристики их субъекта – индивида. Для выяснения особенностей массового уровня психологической вариативности субъекта противоправных действий требуется большая конкретизация оснований построения их типологии. Учет массовой типологии в процессе определения психологической вариативности субъекта противоправных действий позволяет раскрывать мотивационную связь между поведением правонарушителей и сложившейся в определенном сообществе психологической ориентации на восприятие социальной действительности. Теоретическое значение такого подхода позволяет избежать упрощения и односторонности в понимании сущности и конкретных форм проявления феномена преступления, практическое значение – в возможности его методологического использования в процессе организации правоохранительной деятельности.

Ключевые слова

преступление, антропология, девиация, социум, детерминация, психологическая типизация, этно-психологические особенности

Для цитирования: Балахонский, В. В. (2026). Феномен преступности: историко-теоретические и антропологические аспекты изучения. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 212–225.

Original paper

The phenomenon of crime: historical, theoretical and anthropological aspects

Vitaly V. Balakhonsky

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

Balakhonsky@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3098-2802

Abstract

The article examines the methodological, historical-theoretical and anthropological aspects of the academic analysis of crime as a social phenomenon. **Introduction.** The relevance of the topic under consideration is determined by its significance for maintaining law and order in society, organising the fight against crime, and minimising the scope of its occurrence. Contemporary academic literature lacks sufficient works devoted to the study of theoretical issues concerning the nature of legal deviance, which significantly limits the possibilities for law enforcement. The research object is the social phenomenon of crime. The subject of the study is the anthropological causes that give rise to crime. The article aims to elucidate the nature and essence of the anthropological determinants of unlawful deviance. Achieving this aim involves addressing the following research objectives: to analyse and summarise the historical-theoretical, sociological, criminological and psychological approaches to understanding the nature of crime as presented in the academic literature; to elucidate the role of biological and psychological characteristics of human nature in the genesis and reproduction of criminal acts; to examine the possibilities for the methodological application of the principle of variability in studying the characteristics of perpetrators of unlawful acts; to reveal the dialectical interrelationship between the determinants of the phenomenon of crime and the forms in which it manifests itself at both the individual and societal levels. **Methods.** This study is based on a detailed examination of the heuristic potential of dialectical, phenomenological, systems-based, historical and logical methods as applied to the specific nature of the study of legal deviations. **Results.** The article sets out the case for distinguishing between two levels of psychological variability in individuals who commit unlawful acts: the individual level and the mass level. At the individual level, specific personality and psychological characteristics of the perpetrator – the individual – are key determinants of legal deviance. To elucidate the characteristics of the mass level of psychological variability in perpetrators of unlawful acts, a more detailed specification of the basis for constructing their typology is required. Taking mass typology into account when determining the psychological variability of the perpetrator of unlawful acts makes it possible to reveal the motivational link between the behavior of offenders and the psychological orientation towards the perception of social reality that has developed within a particular community. The theoretical significance of this approach lies in its ability to avoid oversimplification and one-sidedness in understanding the nature and specific manifestations of the phenomenon of crime, whilst its practical significance lies in the possibility of its methodological application in the organisation of law enforcement activities.

Keywords

crime, anthropology, deviance, society, determination, psychological typology, ethno-psychological characteristics

For citation: Balakhonsky, V. V. (2026). The phenomenon of crime: historical, theoretical and anthropological aspects. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 212–225.

Введение

Борьба с преступностью является актуальной задачей любого общества, поэтому она постоянно находится в центре внимания наук соответствующего профиля¹ (Антонян, 2022; Дриль, 2022; Балахонский и др., 2018; Balakhonsky, 2020). История изучения преступности уходит своими корнями в древние времена. Уже в древних государствах, таких как Древний Египет, Вавилон, Древняя Греция и Рим, существовали законы и системы наказаний за совершение преступлений².

Попытки понять, что движет преступником, каковы мотивы совершения правонарушений, предпринимались в истории человечества в течение многих веков, но на научный уровень осмысления они вышли лишь в XVIII в. Значимым этапом в развитии изучения преступности стало появление криминалистики как научной дисциплины. В XIX в. французский лекарь Альфонсо Бертильон разработал систему идентификации преступников по их антропометрическим данным, что стало важным шагом в области криминалистики. Вторым существенным шагом стало создание лабораторий судебной медицины и криминалистики, в которых проводились научные исследования и экспертизы по уголовным делам. Основоположником криминалистики как науки признается венский врач-патологоанатом Ханс Гросс, который создал первый учебник по криминалистике в 1893 г.

С развитием общества и технологий изучение преступности стало более глубоким и многогранным. Современная криминология включает в себя такие аспекты, как социология преступности, психология преступных личностей, криминальная статистика, криминальная политика и многие другие направления.

Одним из первых ученых, сосредоточивших свое внимание на изучении феномена преступности, был французский философ и юрист Чезаре Беккария, который в своей работе «О преступлениях и наказаниях» (Беккария, 2016) рассматривает преступность как социальное явление, неотделимое от любого общества. Многие его идеи имеют большое методологическое значение и не утратили своей актуальности и поныне. Их вполне можно рассматривать в качестве начала применения научного подхода к изучению преступности.

В последующее столетие этот подход получил всестороннее развитие, при этом четко проявился новый аспект выяснения причин преступности, связанный с раскрытием ее природных, генетических детерминант. Наибольшую известность в этом плане получили работы итальянского философа, психиатра и профессора судебной медицины Чезаре Ломброзо (Ломброзо, 2023), обосновывавшего понимание преступности как результата действия природных законов, а не случайного явления. В своих работах Ч. Ломброзо заложил основы нового научного направления, изучающего преступность и ее причины – криминологии, и положил начало острой дискуссии современной криминологии – о приоритете биологических или социальных факторов в детерминации противоправных действий.

¹ Варыгин, А. Н., Громов, В. Г., & Шляпникова, О. В. (2023). *Криминология и предупреждение преступлений: Учебное пособие для СПО* (2-е изд.). Юрайт. <https://urait.ru/bcode/517239>

² Афанасьева, О. Р., Гончарова, М. В., & Шиян, В. И. (2023). *Криминология и предупреждение преступлений: Учебник и практикум* (2-е изд., пер. и доп.). Юрайт.

В современной науке изучение причин преступности и возможностей борьбы с ней привлекает внимание ученых всего мира, для решения этой задачи объединяются усилия криминологов, социологов, философов права, теоретиков и историков права, психологов и антропологов (Кондратюк, 2001; Кузин, 2020; Balakhonskaya, 2022; Sutherland & Cressey, 1960).

В ряду интересных и научно-содержательных исследований, посвященных изучению преступности, можно выделить несколько концептуальных подходов, получивших наибольшую научную известность.

Одним из них является теория аномии социолога Роберта Мертон. В основе ее концепции лежит утверждение, что преступность возникает из-за несоответствия между общественными целями и средствами их достижения. Люди, которые не могут достичь общепринятых целей легальными путями, могут обращаться к преступности (Мертон, 2006).

Внимание многих криминологов и социологов привлекла теория социального контроля Трэвиса Хирши. В соответствии с ней уровень преступности непосредственно коррелируется с уровнем социального контроля, который осуществляется обществом над индивидом. Ослабление социального контроля может стимулировать противоправные деяния (Hirschi, 2002).

Новый подход к пониманию сущности и причин преступности предложил французский социолог Эмиль Дюркгейм, который в своей теории маргинализации рассматривает преступность как результат отчуждения и социальной изоляции индивида от общества. Он поясняет, что люди, чувствующие себя маргинализированными, могут обращаться к преступности как способу установить свою идентичность (Дюркгейм, 1995).

Несомненный научный интерес представляет также позиция американского социолога и криминолога Эдвина Сатерленда, предложившего трактовать преступление не с криминологической, а с чисто социологической позиции – как «симптом социальной дезорганизации», а процесс воспроизводства преступности – как результат социализации индивида в криминальных микрогруппах общества. Чем больше индивид подвергается негативным влияниям и ассоциациям с преступными элементами, тем более вероятно, что он сам станет преступником (Sutherland & Cressey, 1960).

Данные концепции и научные работы этого профиля других авторов вносят большой вклад в научное осмысление феномена преступности и помогают выяснить, какие меры можно принять для ее минимизации.

Борьба с преступностью не может быть эффективной без ясного научного понимания сущности данного социального феномена, форм и видов его проявления и причин возникновения и воспроизводства в обществе. Это определяет особую актуальность данной тематики в комплексном, междисциплинарном подходе к ее изучению, объединяющем познавательные усилия криминологии, социологии, психологии, философии и теории права (Пристенский, 2006).

Объектом исследования данной статьи выступает социальный феномен преступности.

Предметом изучения являются антропологические причины, порождающие преступность.

Цель статьи – выяснить природу и сущность антропологической детерминации противоправных девиаций.

Реализация этой цели предполагает решение следующих познавательных задач:

- 1) проанализировать и обобщить историко-теоретические, социологические, криминологические и психологические подходы к раскрытию сущности преступности, предпринятые в научной литературе;
- 2) выяснить роль биологических и психологических особенностей природы человека в генезисе и воспроизводстве преступных деяний;
- 3) рассмотреть возможности методологического применения принципа вариативности для изучения особенностей субъектов противоправных действий;

4) раскрыть диалектическую взаимосвязь между детерминацией феномена преступности и формами его проявления как на индивидуальном, так и на общественном уровнях.

Методы

Для решения заявленных задач данной статьи представляется необходимым использовать следующие основополагающие методы научного исследования:

1) диалектический метод, направленный на выяснение причин возникновения и воспроизводства преступности в обществе, выявление существенных и необходимых оснований ее функционирования, определение важных тенденций ее изменения и эволюции;

2) системный метод, позволяющий подойти к изучению преступности с позиции взаимосвязи составляющих ее элементов и рассмотреть данный социальный феномен в качестве элемента более широкой системы, какой в данном случае выступает само общество;

3) феноменологический метод, дающий возможность описания и обобщения опыта восприятия преступности в научном сознании.

Любое научное исследование невозможно без привлечения общенаучной методологии, представленной такими методами, как анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и моделирование.

В проводимом нами исследовании эти методы будут выполнять следующие познавательные задачи:

- теоретический анализ и синтез направлен на изучение историко-теоретических аспектов феномена преступности, которые призваны не только выделить ее важные элементы и формы репрезентации в научной литературе, но и обобщить данные исследуемых источников;

- индукция позволит осуществить эвристическое восхождение от конкретики проявления преступности к выяснению его общих характеристик, а дедукция даст возможность выяснить место данного явления в структуре социума;

- метод абстрагирования выступает основой формирования понятийно-терминологического аппарата статьи (абстракция отождествления) и выделения в качестве объектов изучения атрибутивных характеристик феномена преступности (изолирующая абстракция);

- метод логического моделирования представляет собой основу формирования теоретических представлений о сущности преступности.

Как и в любом научно-теоретическом исследовании, методологическую основу статьи составляет единство исторического и логического эвристических подходов: исторический подход позволяет исследовать объект в его эволюции и развитии, а логический подход определяет возможность выявления общих закономерностей социальной репрезентации феномена преступности.

Результаты

Феномен преступности представляет собой социальное явление, включающее в себя многообразные виды правонарушений, охватывающих убийства, кражи, хулиганство, мошенничество, насилие и т. п. Сущность феномена преступности состоит в общественно опасном нарушении правовых норм, осуществляемых индивидами (вне зависимости от их пола, возраста, национальности, вероисповедания и политической ориентации), их группами и объединениями, этническими общностями, государствами.

В научной литературе нет расхождения во мнениях относительно таких субъектов преступности, как индивиды, их объединения, преступное сообщество в целом (Решетников, 1965; Никодимов & Бурмистров, 2024). Относительно этнических общностей, народов, государств подобное единство понимания отсутствует.

Основными причинами этого являются неоднородность и доходящие до противоположности различия мировоззренческих, политических, культурно-правовых и антропологических характеристик субъектов, выступающих элементами подобных сложнейших социальных образований.

Можно ли выделить обобщенную характеристику социальных феноменов, включающих в себя элементы, диаметрально противоположные по своим ментальным, психологическим и поведенческим основам? Может ли народ или все государство отвечать за коллективно совершенные деяния?

Общепринятого мнения по этому поводу нет. Самые многообразные позиции в этом споре представляется возможным объединить в две различные тенденции.

Первая тенденция характерна для общей социокультурной парадигмы российской цивилизации, исходящей из особой значимости каждого народа в человеческой истории и проводящей четкую дифференциацию между народом и его правительством. В соответствии с подобными установками народ не отвечает за действия своего государства, а государства несут за его представителей непосредственную ответственность.

Вторая тенденция сложилась в западной мировоззренческой парадигме и строилась на основе равной ответственности народа и правительства за проводимую государственную политику. Исходя из подобной установки во время войн, проводимых западными странами, использовалась практика массового уничтожения населения страны противника (ковровые бомбардировки городов во время Второй мировой войны, сжигание США напалмом населенных пунктов во время войны во Вьетнаме, планирование руководством современной Украины, переориентировавшейся на западные аксиологические стандарты, уничтожать по 50 тысяч русских в день, и т. д.).

Разрешение противоречия двух указанных тенденций возможно путем реализации антропологического подхода к исследованию, предполагающего выяснение антропологических основ феномена преступности, связанных с психологией человека, социокультурной средой его социализации и деятельности, особенностями человека как социального существа (Латыпова и др., 2024; Молчанова и др., 2022). Важным принципом антропологического подхода к пониманию человека выступает, таким образом, рассмотрение преступности как результата взаимодействия всех факторов, определяющих его мировосприятие и деятельность.

Ведущую роль в генезисе и воспроизводстве преступных деяний играют биологические и психологические особенности природы человека. Современные исследования в области юридической психологии (Пегги & Селин, 2025; Пономарев, 2022) позволяют утверждать, что генетическая наследственность, тип и особенности характера, специфика мировосприятия, химический дисбаланс в мозге способны продуцировать агрессивное поведение, ведущее к нарушению норм права и представляющее определенную опасность для окружающих и общества в целом.

Исследование антропологических аспектов феномена преступности сталкивается с рядом проблем, связанных с недостаточной разработанностью в современной науке вариативной типологии психических качеств субъекта противоправных деяний. Действительно, форма и степень общественной опасности правонарушений и преступлений непосредственно связана с психологическими особенностями их субъекта, с типом его мировосприятия.

В этом плане можно выделить два уровня психологической вариативности субъекта противоправных действий: индивидуальный и массовый.

На индивидуальном уровне важным фактором детерминации правовых девиаций выступают конкретные личностно-психологические характеристики их субъекта – индивида. Выяснение таких характеристик правонарушителя, как жадный или щедрый, умный или глупый,

простой (бесхитростный) или хитрый, добрый или злой, рациональный или эмоциональный и т. п., позволяет не только определить некоторые антропологические факторы мотивации противоправных действий, но и понять особенности форм девиации на индивидуальном уровне.

Однако такие качественно обобщенные характеристики личности способны осуществить лишь первоначальный подход к выяснению специфики правовой девиации на индивидуальном уровне и в конкретике сложившейся ситуации. Следующим шагом в выяснении антропологических аспектов феномена преступности должен быть выход на новый, массовый уровень обобщения, связанный с учетом социально-психологической типизации коллективного субъекта правонарушения.

В отечественной научной литературе представлено не так много попыток выявить принципы подобной типизации. Характерным примером обобщенного подхода к этому вопросу можно считать монографию Б. Н. Миронова «Историк и социология», в которой автор предлагает дифференцировать мировосприятие человека на три типа: мифологическое, традиционное и рациональное, что позволяет ему выделить ряд важных психологических особенностей, характерных для каждого из этих типов (Миронов, 1984). Подобный подход представляет определенный методологический интерес, поскольку отражает соответствующие антропологические реалии, но его эвристическая эффективность недостаточно высока в силу тривиальности его оснований.

Для выяснения особенностей массового уровня психологической вариативности субъекта противоправных действий требуется большая конкретизация оснований построения их типологии. Интересное и недостаточно оцененное в современном научном сознании основание психологической типизации предложил Л. Н. Гумилев, который в подобном качестве рассматривал восприятие людьми социального времени. В соответствии с его классификацией существуют три типа ощущения людьми времени, что и определяет конкретные формы их поведения. Л. Н. Гумилев выделяет три основные формы поведения людей.

Первую форму он называет «пассеизм». Человек, ее представляющий, чувствует себя продолжателем дела своих предшественников, которое он в меру своих сил и способностей развивает. Действия и поведение подобных людей отличается целеустремленностью, стремлением преодолеть все трудности и преграды, стоящие на их пути.

Вторая форма – «актуализм». Для ее представителей характерно стремление жить сегодняшним днем, без оглядки на прошлое или будущее, их не сдерживает в своих действиях, в том числе противоправных, ни сила социокультурных традиций, выработанных в социуме, ни страх будущих наказаний.

Третья форма – «футуризм». Люди подобного склада игнорируют не только прошлое, но и настоящее ради будущего. Яркими представителями такого психологического типа в преступном сообществе являются террористы, готовые пожертвовать собственной жизнью ради достижения политических целей в будущем (Гумилев, 2021).

Учет массовой типологии в процессе определения психологической вариативности субъекта противоправных действий позволяет раскрыть мотивационную связь между поведением правонарушителей и сложившейся в определенном сообществе психологической ориентации на восприятие социальной действительности. Впрочем, следует отметить, что подобные выводы могут быть сформулированы лишь при интерпретации взглядов Л. Н. Гумилева, делающей главный упор именно на психологической вариативности мотивации субъектов противоправных действий, в то время как у автора основными доминантами социальных действий выступают факторы биосферы. К недостаткам рассматриваемой типологии можно отнести слабое раскрытие самих психологических характеристик форм поведения.

Иной подход к изучению психологической вариативности субъекта противоправных действий можно найти в публикациях А. Шубина, в основе которого лежит дифференциация чисто психологических особенностей и установок индивида, детерминирующая в своих основах отношение человека к правовой реальности. В концепции А. Шубина выделяются следующие социально-психологические типы, имеющие отношение к правовой девиантности:

1) «анархист», для которого характерно стремление не принимать систему государственной власти и стараться не иметь с ней дела, жить по своим законам, игнорируя законы, навязываемые обществом;

2) «фашист», отличающийся агрессивностью, стремлением постоянно продуцировать силовую или психологическую экспансию против других. Для него характерна неразборчивость в формах правовых девиаций и вера в то, что он выше других, и потому ему многое дозволено в отношении низших;

3) «патерналист», привыкший подчиняться старшим в иерархии сообщества, к которому он принадлежит, и одновременно покровительствовать младшим;

4) «либерал», способный постоять сам за себя, прекрасно знающий свои права и большой мастер их отстаивать в противоположность общественным интересам;

5) «прагматик», которому свойственно принятие решений, выгодных сию минуту, что представляет собой полное вытеснение стратегии тактикой регуляции собственного поведения (Шубин, 1992).

Автор допускает, что в одном человеке могут соединяться несколько указанных типов.

Общим для всех указанных типологий является их разработка на основе принципа вариативности, который требует четкого разграничения в рамках единой классификации различных вариантов поведения субъекта в зависимости от его психологических особенностей и установок на отношение к правопорядку. Подобный эвристический принцип представляется методологически перспективным для исследования антропологических аспектов феномена преступности.

Преступность может быть как следствием индивидуальных характеристик человека, так и результатом влияния различных внешних социальных факторов, таких как особенности социализации личности, стечение жизненных обстоятельств, социокультурная специфика сложившейся исторической ситуации.

Антропологический подход к изучению феномена преступности для своей методологической завершенности нуждается в привлечении к процессу исследования закономерностей этнопсихологической типизации субъектов противоправного действия. Необходимость этого обосновывал еще Г. Лебон, который писал: «Без предварительного знания душевного склада народа история его кажется каким-то хаосом событий, управляемых одной случайностью. Напротив, когда душа народа нам известна, то жизнь его представляется правильным и фатальным следствием из его психологических черт» (Лебон, 2025).

Необходимость учета факторов этнопсихологической типизации актуализировалась в условиях современности вследствие резкого увеличения миграционной преступности. Вместе с тем следует констатировать, что данный вопрос до сих пор не получил серьезного научного осмысления, и изучение психологической специфики, характерной для людей тех или иных национальностей, проходит по периферии современных научных исследований. Научное изучение этого вопроса сталкивается с серьезными политическими, идеологическими, религиозными, нравственными и чисто научными трудностями, среди которых следует выделить сложность предмета и неразработанность методологии исследования. Несмотря на это, интерес к данной проблеме проявился давно.

Конкретизацию подобного интереса мы можем обнаружить уже в работах Н. И. Костомарова, который пытался выделить особенности русского национального характера и пришел к выводу, что его главной чертой выступает соединение крайностей – «простоты и первобытной свежести народа» с «азиатской изнеженностью и византийской расслабленностью» (Костомаров, 2011). Конечно, подобную попытку нельзя считать удачной, слишком абстрактной выступает выделенная автором особенность, но сама попытка заслуживает внимания и интереса.

Стремление Н. И. Костомарова обнаружить в истории специфику этнопсихологической типизации продолжил в философии Н. А. Бердяев, который также предложил характеризовать особенности психотипа русского народа через его противоречия. В его интерпретации определяющими выступают такие черты русского национального характера, как уважение государственности и анархизм, деспотизм и свободолюбие, национализм и всечеловечность, жестокость и болезненная сострадательность и т. п. (Бердяев, 2021).

Этот методологический подход впоследствии получит культурологическую интерпретацию в работах Д. С. Лихачева, который писал: «Черт русского национального характера очень много. Существование их непросто доказать. Особенно если каждой черте противостоят как некие противовесы и другие черты: щедрости – скупость (чаще всего неоправданная), доброте – злость (опять-таки неоправданная), любви к свободе – стремление к деспотизму и т. д.» (Лихачев, 1990).

Несмотря на диалектическую привлекательность данного подхода, он представляется методологически неперспективным, поскольку подобную противоречивость легко можно обнаружить в поведении любого народа (Vykov et al., 2018). Национализм и космополитизм, доброта и жестокость, свободолюбие и покорность являются мотивами действий представителей всех наций и народностей мирового человеческого сообщества.

Гораздо больший методологический интерес представляет предложенный В. А. Артамоновым концептуальный подход к выявлению специфики национального характера, состоящий в «культурологическом обобщении данных, полученных в результате анализа следующих источников: языка, мифологии, героев, идеалов, ценностных ориентаций, трудовых навыков, фольклора, национального искусства, наблюдения за поведением воинских соединений, толпы, отдельных лиц в экстремальных ситуациях и в аффекте (в том числе в состоянии опьянения), предрассудков, стереотипов поведения, а также опросов и тестов» (Артамонов, 1990).

В результате применения такой методологии автор выделяет следующие черты национального характера русского народа, определяющие его специфику: долготерпение, национальную терпимость, общительность, покаянность, пассивность-исполнительность, широту души, халатность-беспечность, доверчивость, максимализм, патриотизм (Артамонов, 1990).

Мы не будем оценивать адекватность перечисленных качеств социально-психологическим реалиям, важно отметить лишь саму методологическую возможность проведения научного поиска в данном направлении.

Следует констатировать, что в каждом этносе изначально генетически заложен весь возможный спектр психологических черт характера, но специфика условий конкретно-исторического бытия каждого народа продуцирует актуализацию отдельных психологических особенностей, которые в дальнейшем закрепляются в наследственно-генетических формах воспроизводства в последующих поколениях, актуализированных обстоятельствами жизни этноса черт его этнопсихологической специфики. Генезис этнопсихологических особенностей закрепляется в дальнейшем социальными факторами, действие которых выражается в формировании наиболее благоприятных условий для существования в этносе людей определенных психологических типов, что ведет к постепенному увеличению их количества и позволяет

на этом основании говорить об определенном психологическом эталоне, характерном для представителей того или иного народа или отдельных социальных слоев в рамках того или иного народа.

Методологическое признание принципиальной возможности выяснения этнопсихологической специфики открывает новые перспективы для изучения антропологических аспектов исследования феномена этнической преступности.

Предпринятый нами экскурс в область этнической психологии свидетельствует о целесообразности и эвристической перспективности включения в антропологический аспект изучения феномена преступности социально-культурной специфики жизни этноса, оказывающей детерминирующее влияние на поведение индивида в социуме, особенностей его мировосприятия, типичных психологических реакций на действия окружающих в складывающейся жизненной ситуации. Нарушение социокультурных норм, традиций и правил способно продуцировать совершение преступлений.

На основании этого возможно сделать вывод о том, что исследование антропологических основ преступности требует реализации широкого междисциплинарного подхода, интегрирующего в себе комплексные методы биологических, психологических, исторических, социальных и юридических наук, комплексно тематизирующих проводимое исследование и в своем единстве позволяющих не только выяснить причины преступности, но и разработать эффективные стратегии ее предупреждения и борьбы с ней.

Можно отметить определенную диалектическую взаимосвязь между детерминацией феномена преступности и формами его проявления как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Конкретизацией таких взаимосвязей выступают следующие статистические закономерности:

- 1) индивидуальные преступные девиации могут иметь как природно-антропологические, так и социальные детерминанты;
- 2) единство природно-антропологических и общественных детерминант является атрибутом правовых девиаций социальных субъектов на всех уровнях их социальной иерархии (включая само государство как аппарат управления обществом);
- 3) действенность природно-антропологических и социальных детерминант на уровне общества реализуется через особенности менталитета и общественной психологии этноса, идеологию общества и социокультурную специфику сложившейся исторической ситуации;
- 4) индивидуальный уровень правовых девиаций обуславливает существование феномена преступности на уровне общества; в свою очередь, правовые девиации на уровне общества и государства находят отражение в индивидуальных правонарушениях.

Сформулированная диалектическая взаимосвязь между детерминацией феномена преступности и формами его проявления как на индивидуальном, так и на общественном уровне позволяет лучше понять механизмы воспроизводства подобного социального явления, следовательно, найти те методы и средства, которые могут позволить снизить и минимизировать уровень преступности в обществе.

Безусловно, нельзя отрицать ответственности народа за действия государства (так, фашизм пришел к власти в Германии путем демократических выборов, за него проголосовал немецкий народ, который впоследствии в своей массе поддерживал преступную политику фашистского режима). Однако эта ответственность не может быть одинаковой. Правовая оценка соответствующих деяний предполагает учет степени и конкретных форм участия субъектов в рассматриваемых действиях. В любом случае данную проблему еще только предстоит изучить в последующих исследованиях в области социальных наук.

Возникают вопросы: как может реализовываться ответственность государства в сфере права? В нарушении каких правовых норм можно обвинять государство?

Преступление, субъектом которого выступает само государство, как правило, получает достаточную легальность и легитимацию во внутреннем законодательстве, что исключает возможность нарушения его правовых норм. В этом случае речь может идти лишь о нарушении норм международного права, которое формируется через межгосударственные договоры и соглашения.

В исторической ситуации первой четверти XXI в. правовая сила межгосударственных договоров и соглашений была минимизирована политикой западных стран, которые пошли на подмену правового статуса подобных документов на статус правил.

Основные различия между правом и правилами состоят в следующем:

1) право имеет юридическую силу, правила подобной силы не имеют, они могут иметь лишь рекомендательный характер и устанавливаться различными социальными субъектами, в том числе государствами, по отношению к другим государствам;

2) соблюдение норм права обязательно для всех (в равной мере и для тех, кто эти нормы разработал и принял), правила не предполагают подобной обязательности и всеобщности в регуляции деятельности, они могут адресоваться другим и не распространяться на собственных создателей;

3) правовые нормы обладают стабильностью в течение определенного временного периода, правила могут меняться очень быстро;

4) правовые нормы носят эксплицитно выраженный, документально оформленный характер, правила могут формироваться стихийно, выражаться имплицитно и не иметь документальной фиксации;

5) правовые нормы действуют на всем правовом поле деятельности общества, правила регулируют лишь отдельные формы социальной деятельности.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что антропологический аспект социального феномена преступности отражает взаимосвязь между человеческой природой, общественными структурами и культурными нормами, которые определяют поведение людей в обществе. Это свидетельствует о необходимости использования антропологического методологического инструментария для научного изучения преступной девиантности через призму ее биологических, социальных, культурных и социально-исторических детерминаций.

Антропологический подход в криминологии не сводится к установлению личности жертвы преступления, как это практикуется в различных видах криминалистических экспертиз, он предполагает рассмотрение феномена преступности в контексте широкого спектра социальных взаимодействий, связанных с нормами, ценностями, структурами и формами жизнедеятельности общества. Преступность может быть результатом как индивидуальных характеристик личности, так и влияния общественной среды, культуры и исторических условий.

Методологическое значение антропологического подхода раскрывается также в том, что он позволяет понять, какие факторы и механизмы влияют на возникновение преступных действий, как общество реагирует на преступность и каким образом преступность влияет на общество в целом. Изучение антропологических аспектов преступности помогает лучше выяснить ее природу, причины и последствия, а также разрабатывать эффективные стратегии предупреждения и борьбы с преступностью.

Таким образом, антропологический феномен преступности представляет собой сложное явление, которое требует комплексного анализа с учетом различных аспектов человеческой природы и общественных структур, взятых в их неразрывном единстве и взаимобусловленности.

Современная криминология, вооруженная антропологическими подходами к изучению феномена преступности, предполагающими выяснение взаимосвязи генетических, физиологических, психологических и социальных детерминант правовых девиаций, получает возможность играть все более важную роль в предотвращении преступности, выявлении ее причин и разработке эффективных методов борьбы с ней. Исследование преступности и эволюции форм ее проявления всегда выступает актуальной задачей правовой науки и является необходимым компонентом при формировании политики общественной безопасности и правосудия.

Список литературы

- Антонян, Ю. М. (2022). Преступность: понятие и типология. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, (6), 62–70. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_6_62
- Артамонов, В. А. (1990). Национальный характер и история. В *Стили мышления и поведения в истории мировой культуры* (с. 54–81). Московский государственный университет.
- Балахонский, В. В., Кудин, В. А., Олейников, В. С., & Джегутанов, Б. К. (2018). *Правосознание и его роль в жизни общества*. Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Беккария, Ч. (2016). *О преступлениях и наказаниях*. Инфра-М.
- Бердяев, Н. А. (2021). *Смысл истории*. Амрита.
- Гумилев, Л. Н. (2021). *Этногенез и биосфера земли*. АСТ.
- Дриль, Д. А. (2022). *Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею*. Инфра-М.
- Дюркгейм, Э. (1995). *Социология: Ее предмет, метод, предназначение*. Канон.
- Кондратюк, Л. В. (2001). *Антропология преступления: (Микрокриминология)*. НОРМА.
- Костомаров, Н. И. (2011). *Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях: очерк*. Нобель Пресс.
- Кузин, Н. Н. (2020). Философия права: специфика репрезентаций онтологических оснований и гносеологического статуса. *Инновации. Наука. Образование*, (22), 2017–2022.
- Латыпова, Э. Ю., Клейн, М. С., & Гильманов, Р. Э. (2024). Антропологические подходы к изучению преступности: история и современное состояние. *Oeconomia et Jus*, 1, 95–109. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-1-95-109>
- Лебон, Г. (2025). *Психология народов и масс*. Субъект.
- Лихачев, Д. С. (1990). О национальном характере русских. *Вопросы философии*, 4, 3–6.
- Ломброзо, Ч. (2023). *Преступление: Новейшие успехи науки о преступнике*. Анархисты (В. С. Овчинский, предисл.). ИНФРА-М.
- Ломброзо, Ч. (2023). *Человек преступный*. Родина.
- Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. АСТ : АСТ Москва : Хранитель.
- Миронов, Б. Н. (1984). *История и социология* (с. 122–131). Наука.
- Молчанова, М. В., Стремоухова, И. В., Плетнев, А. В., & Балахонский, В. В. (2022). Философия и социология права: вопросы предметной репрезентации и специфики понимания правовых явлений в системе социальных отношений. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 11(5-1), 157–164. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.72.65.019>
- Никодимов, И. Ю., & Бурмистров, И. А. (2024). *Неформальные отношения в системе криминогенной детерминации*. Дашков и К.

- Пегги, А., & Селин, Н. (2025). *Криминальная психология: Как эксперты составляют психологический портрет убийцы и находят неочевидные связи между уликами*. Эксмо: БОМБОРА.
- Пономарев, С. Б. (2022). Биологический фактор в этиологии преступного поведения. Трансформация научной парадигмы. *Научный вестник Омской академии МВД России*, 28(4), 290–297.
- Пристенский, В. Н., & Балахонский, В. В. (2006). Онтология права как его антропология. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4, 443–447.
- Решетников, Ф. М. (1965). *Современная американская криминология*. Юридическая литература.
- Шубин, А. (1992). *Гармония истории: Введение в теорию исторических аналогий* (с. 307–310). СП РИСО : Паломник.
- Balakhonskaya, L. V., Gustokashina, A. A., & Balakhonsky, V. V. (2022). 'Newstalgia' as digital marketing communication strategy. In *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS 2022)* (pp. 134–141). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769130>
- Balakhonsky, V. V., Shipunova, O. D., Strelchenko, V. I., ... [et al.] (2020). Political consciousness formation in the modern global world. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9, 1116–1122. <https://doi.org/10.6000/1929-4409.2020.09.130>
- Bykov, I. A., Balakhonskaya, L. V., Gladchenko, I. A., & Balakhonsky, V. V. (2018). Verbal aggression as a communication strategy in digital society. In *Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS 2018)* (pp. 12–14). IEEE. <https://doi.org/10.1109/COMSDS.2018.8354954>
- Hirschi, T. (2002). *Causes of delinquency*. Transaction Publishers.
- Sutherland, E. H., & Cressey, D. R. (1960). *Principles of criminology*. Lippincott.

References

- Antonyan, Yu. M. (2022). Prestupnost': ponyatie i tipologiya. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, (6), 62–70. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_6_62
- Artamonov, V. A. (1990). Nacional'nyj harakter i istoriya. V *Stili myshleniya i povedeniya v istorii mirovoj kul'tury* (s. 54–81). Moskovskij gosudarstvennyj universitet.
- Balahonskij, V. V., Kudin, V. A., Olejnikov, V. S., & Dzhegutanov, B. K. (2018). *Pravosoznanie i ego rol' v zhizni obshchestva*. Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Bekkariya, Ch. (2016). *O prestupleniyah i nakazaniyah*. Infra-M.
- Berdyaev, N. A. (2021). *Smysl istorii*. Amrita.
- Gumilev, L. N. (2021). *Etnogenez i biosfera zemli*. AST.
- Dril', D. A. (2022). *Prestupnost' i prestupniki. Uchenie o prestupnosti i merah bor'by s neyu*. Infra-M.
- Dyurkgejm, E. (1995). *Sociologiya: Ee predmet, metod, prednaznachenie*. Kanon.
- Kondratyuk, L. V. (2001). *Antropologiya prestupleniya: (Mikrokriminologiya)*. NORMA.
- Kostomarov, N. I. (2011). *Domashnyaya zhizn' i nrvy velikorusского народа v XVI i XVII stoletiyah: ocherk*. Nobel' Press.
- Kuzin, N. N. (2020). Filosofiya prava: specifika reprezentacij ontologicheskikh osnovanij i gnoseologicheskogo statusa. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*, (22), 2017–2022.
- Latypova, E. Yu., Klejn, M. S., & Gil'manov, R. E. (2024). Antropologicheskie podhody k izucheniyu prestupnosti: istoriya i sovremennoe sostoyanie. *Oeconomia et Jus*, 1, 95–109. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-1-95-109>
- Lebon, G. (2025). *Psihologiya narodov i mass*. Sub"ekt.
- Lihachev, D. S. (1990). O nacional'nom haraktere russkih. *Voprosy filosofii*, 4, 3–6.

- Lombrozo, Ch. (2023). *Prestuplenie: Novejschie uspekhi nauki o prestupnike. Anarhisty* (V. S. Ovchinskij, predisl.). INFRA-M.
- Lombrozo, Ch. (2023). *Chelovek prestupnyj*. Rodina.
- Merton, R. (2006). *Social'naya teoriya i social'naya struktura*. AST : AST Moskva : Hranitel'.
- Mironov, B. N. (1984). *Istoriya i sociologiya* (s. 122–131). Nauka.
- Molchanova, M. V., Stremouhova, I. V., Pletnev, A. V., & Balakhonskij, V. V. (2022). Filosofiya i sociologiya prava: voprosy predmetnoj reprezentacii i specifiky ponimaniya pravovyh yavlenij v sisteme social'nyh otnoshenij. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 11(5-1), 157–164. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.72.65.019>
- Nikodimov, I. Yu., & Burmistrov, I. A. (2024). *Neformal'nye otnosheniya v sisteme kriminogennoj determinacii*. Dashkov i K.
- Peggi, A., & Selin, N. (2025). *Kriminal'naya psihologiya: Kak eksperty sostavlyayut psichologicheskij portret ubijcy i nahodyat neochevidnye svyazi mezhdu ulikami*. Eksmo : BOMBORA.
- Ponomaryov, S. B. (2022). Biologicheskij faktor v etiologii prestupnogo povedeniya. Transformaciya nauchnoj paradigmy. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*, 28(4), 290–297.
- Pristenskij, V. N., & Balakhonskij, V. V. (2006). Ontologiya prava kak ego antropologiya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4, 443–447.
- Reshetnikov, F. M. (1965). *Sovremennaya amerikanskaya kriminologiya*. Yuridicheskaya literatura.
- Shubin, A. (1992). *Garmoniya istorii: Vvedenie v teoriyu istoricheskikh analogij* (s. 307–310). SP PICO : Palomnik.
- Balakhonskaya, L. V., Gustokashina, A. A., & Balakhonsky, V. V. (2022). 'Newstalgia' as digital marketing communication strategy. In *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS 2022)* (pp. 134–141). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769130>
- Balakhonsky, V. V., Shipunova, O. D., Strelchenko, V. I., ... [et al.] (2020). Political consciousness formation in the modern global world. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9, 1116–1122. <https://doi.org/10.6000/1929-4409.2020.09.130>
- Bykov, I. A., Balakhonskaya, L. V., Gladchenko, I. A., & Balakhonsky, V. V. (2018). Verbal aggression as a communication strategy in digital society. In *Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS 2018)* (pp. 12–14). IEEE. <https://doi.org/10.1109/COMSDS.2018.8354954>
- Hirschi, T. (2002). *Causes of delinquency*. Transaction Publishers.
- Sutherland, E. H., & Cressey, D. R. (1960). *Principles of criminology*. Lippincott.

Информация об авторе

Виталий Витальевич Балахонский – профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, профессор.

About the author

Vitaly V. Balakhonsky – Professor at the Department of Philosophy and Sociology at Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Philosophy), Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 14.06.2026

Одобрена после рецензирования 06.07.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted June 14, 2026

Approved after reviewing July 06, 2026

Accepted July 30, 2026

УДК 101.8:316.3(043.3)

Сетевые конфликты как сущностная характеристика девиантного поведения: социально-антропологический ракурс исследования

Евгений Михайлович Бабосов

Государственное научное учреждение

«Институт социологии Национальной академии наук Беларуси»

(Минск, Республика Беларусь)

babosov@yandex.ru

Юлия Леонидовна Баньковская

Белорусский государственный университет

(Минск, Республика Беларусь)

BankouskayaYL@bsu.by

ORCID: 0000-0001-9287-7261

Аннотация

Введение. Актуальность социально-антропологического ракурса исследования сетевых конфликтов продиктована противоречивой природой развития информационно-коммуникационных технологий. Особую значимость обретает прояснение специфики воздействия информации на систему ценностей и этических норм пользователей сетей, их мировосприятие и миропонимание. Раскрытие многогранности феномена «сетевой конфликт» сквозь призму девиантного поведения ориентировано на выявление специфики проявления агрессии, намеренного искажения сведений и подрыва социальных устоев в пространстве сети. Символический капитал выступает в качестве значимого ресурса, инициирующего социокультурные трансформации и становление новой формы электронно-опосредованного дискурса, создает благоприятные условия для управления общественными процессами, что является обязательным условием понимания специфики ведения современных военных действий. Цель работы – концептуально-теоретическое исследование социально-антропологического модуса сетевых конфликтов как способа проявления девиантного поведения. Интенсификация конфликтов в данном контексте является способом отражения настроений различных социальных групп, тогда как деструктивное применение информационного оружия ориентировано на формирование ценностно-смыслового образа существующих общественных проблем. Вследствие этого символические конструкции обретают военную и экономическую мощь, видоизменяя сферу деятельности людей, усложняя геополитический вектор разворачивания противоречий. **Методы исследования.** Методология сетевого и синергетического подходов обладает значительным эвристическим потенциалом при исследовании данного феномена, поскольку позволяет анализировать неустойчивые, многомерные и противоречивые процессы, характерные для современной турбулентной социальной реальности, способствует выявлению

специфики сетевого взаимодействия индивидов, детерминированной структурной организацией сети. **Результаты.** Основные результаты исследований демонстрируют, что сети расширяют возможности для распространения неverified сведений, трансформации каналов трансляции информации и механизмов ее интериоризации личностью. Вторгаясь во все сферы человеческой жизни и нивелируя пространственно-временные границы, неконтролируемое потребление ложных сведений приводит к эскалации конфликтов. В связи с этим выявление сущностных признаков сетевых конфликтов становится основанием для поиска и принятия эффективных решений, направленных на сохранение безопасности развития и существования общества и государства.

Ключевые слова

сетевой конфликт, девиантное поведение, сознание, манипулирование, информация

Для цитирования: Бабосов, Е. М., Баньковская, Ю. Л. (2026). Сетевые конфликты как сущностная характеристика девиантного поведения: социально-антропологический ракурс исследования. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 226–239.

Original paper

Network conflicts as an essential characteristic of deviant behavior: a socio-anthropological perspective on the research

Evgeny M. Babosov

State Scientific Institution “Institute of Sociology
of the National Academy of Sciences of Belarus”
(Minsk, Republic of Belarus)
babosov@yandex.ru

Yulia L. Bankovskaya

Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)
BankouskayaYL@bsu.by
ORCID: 0000-0001-9287-7261

Abstract

Introduction. The relevance of a socio-anthropological approach to the study of online conflicts stems from the contradictory nature of the development of information and communication technologies. It is particularly important to clarify the specific ways in which information influences the value systems and ethical norms of online users, as well as their perception and understanding of the world. Exploring the multifaceted nature of the phenomenon of “online conflict” through the prism of deviant behavior focuses on identifying the specific manifestations of aggression, the deliberate distortion of information and the undermining of social foundations in the online space. Symbolic capital acts as a significant resource that initiates socio-cultural transformations and the emergence of a new form of electronically mediated discourse; it creates favourable conditions for the management of social processes, which is a prerequisite for understanding the specific nature of modern warfare. The research aims to conduct a conceptual and theoretical investigation of the socio-anthropological nature of online conflicts as a manifestation of deviant behavior. In this context, the intensification

of conflicts serves as a means of reflecting the sentiments of various social groups, whilst the destructive use of information weapons is geared towards shaping a value-laden and meaningful representation of existing social problems. Consequently, symbolic constructs acquire military and economic power, transforming the sphere of human activity and complicating the geopolitical trajectory of the unfolding of contradictions. **Research methods.** The methodology of network and synergetic approaches offers considerable heuristic potential for studying this phenomenon, as it enables the analysis of unstable, multidimensional and contradictory processes characteristic of today's turbulent social reality and helps to identify the specific nature of network interactions between individuals, which is determined by the structural organisation of the network. **Results.** The main findings of the research demonstrate that networks expand the possibilities for the dissemination of unverified information, transforming the channels through which information is transmitted and the mechanisms by which it is internalised by the individual. By encroaching on all spheres of human life and erasing spatial and temporal boundaries, the uncontrolled consumption of false information leads to the escalation of conflicts. In this regard, identifying the essential characteristics of online conflicts forms the basis for seeking and adopting effective solutions aimed at safeguarding the security of the development and existence of society and the state.

Keywords

online conflict, deviant behavior, consciousness, manipulation, information

For citation: Babosov, E. M., Bankovskaya, Yu. L. (2026). Network conflicts as an essential characteristic of deviant behavior: a socio-anthropological perspective on the research. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 226–239.

Введение

В современном мире информационно-коммуникационные технологии глубоко интегрированы в повседневную жизнь. Сетевые конфликты, возникшие как следствие их развития, приводят к трансформации традиционных способов ведения противоборств и представляют серьезную угрозу стабильному развитию общества. Государства часто оказываются уязвимыми перед разрушительной силой информационных атак, поэтому защита информационного пространства и обеспечение безопасности его функционирования становятся приоритетными задачами социального развития. Сетевые конфликты в этом контексте приобретают форму отклоняющегося поведения, подрывающего основы общественного согласия и гармонии. Традиционные способы сдерживания агрессии и регулирования споров в сетях оказываются малоэффективными. Понимание сетевого конфликта как формы нарушения социальных норм позволяет разработать более качественные социальные и правовые механизмы регулирования противоречий. Кроме того, тенденции цифровизации и сетевизации общества порождают новые угрозы экзистенциального характера. В сетевом пространстве границы правил, официально установленных и фактически сформированных в данном обществе, размываются из-за открытости, анонимности самой среды. Таким образом, «многие новые проблемы, возникающие в связи с глобальной цифровизацией, настолько серьезны, что заставляют думать о том, что мы стоим перед лицом экзистенциального вызова. Некоторые современные мыслители в связи с этим говорят об антропологической революции, другие – об антропологической катастрофе, третьи – о том, что это и первое, и второе одновременно» (Лекторский, 2022, с. 18).

Главная опасность сетевых конфликтов кроется в их скрытом влиянии на происходящие процессы. Они формируют идеальные условия для незаметного управления массовым сознанием и общественным мнением, создают атмосферу политической напряженности, недоверия и нестабильности, тем самым провоцируя массовые беспорядки, приводят к невозможности

принятия адекватных и эффективных управленческих решений в ситуации дестабилизации общественного развития. Основные средства проявления сетевых конфликтов – искажение данных, фальсификация фактов и усложнение процесса проверки достоверности новостей. В результате глобальная интернет-среда превращается в крайне нестабильное пространство, которое регулярно используется для кибернетических ударов и распространения радикального контента. Сетевой конфликт приобретает выраженное социально-антропологическое измерение, поскольку изменение архитектуры коммуникативного взаимодействия людей влияет на сущность человека, его убеждения.

Описание исследования

Развитие сетевых технологий трансформировало природу конфликтов в современном обществе. «Социальные сети, помимо того, что являются средством коммуникации, все больше становятся средством манипулирования общественным мнением, а также инструментом политической борьбы и устранения конкурентов посредством дискредитации и даже определенным карательным инструментом привлечения к уголовной ответственности» (Берестовой, 2025, с. 148–149). Сеть выступает не просто техническим средством передачи данных, но становится фундаментальным способом бытия современного человека. Сетевая культура обуславливает специфику функционирования социальной реальности, предопределяя особенности возникновения и протекания конфликтов, вызванных структурной организацией сети.

Сетевым противоборствам присущи следующие специфические признаки:

- иллюзия безнаказанности, проявляющаяся в физической удаленности и анонимности человека в интернете. Данное восприятие создает у пользователей ложное чувство отсутствия ответственности за распространение недостоверных данных. Люди нередко совершают необдуманные действия под влиянием имеющихся заблуждений, совершенно недооценивая информацию критически. Сетевому конфликту присуще ослабление механизмов внешнего сдерживания противоречий. В физическом мире поведение человека регулируется не только законами, но и при помощи общественного осуждения и порицания, непосредственной угрозы осуществления определенных действий. В сетевой среде субъект находится в состоянии психологической отстраненности от проблемы, что приводит к снижению уровня ответственности, поскольку он убежден в собственной недостигаемости, и это провоцирует его на совершение действий, которые он никогда не совершил бы при личном общении. Человек действует «по первому же призыву из социальных сетей, даже не задумываясь о правильности своего поступка» (Медовкина, 2020, с. 13);

- искажение восприятия ситуации, состоящее в поверхностном и фрагментарном понимании проблем на фоне дезинформации, что делает пользователей уязвимыми перед множеством разнородных сведений, получаемых ими из разных источников. Реальные смыслы транслируемых сообщений часто сокрыты за множеством ярких, но второстепенных деталей, которые отвлекают сетевых пользователей от осмысления сущности проблемы. Это позволяет внедрять нелегальный контент, осуществлять хищение личных данных. «Человек утрачивает контроль над своим личным пространством. В большинстве случаев информация о нем может быть очень быстро распространена среди большого числа людей» (Eginli & Tas, 2018, p. 86). Использование ложных сведений для провоцирования конфликта выступает формой проявления девиантного поведения. Манипулятор сознательно нарушает правило предоставления истинной информации ради достижения своих целей. Возможность бесконечного тиражирования и искажения текстов создает среду, где истина становится релятивной. Это превращает сеть в орудие разрушения общественного доверия и манипулирования поступками людей. «Спамеры способны внедрять в ленту новостей пользователей недобросовестную рекламу,

заниматься распространением нелегального контента, внедрением в компьютеры пользователей вредоносных программ, а также получать доступ к личной информации пользователя» (Красовская & Гуляев, 2021, с. 97). Более того, снижается уровень критического осмысления проблемной ситуации;

– бесконтактность, состоящая в том, что сетевой конфликт нивелирует географические и темпоральные границы. Противоборство перемещается в символическое пространство, где время трансляции информации стремится к мгновенности. В противостояние вовлечены представители разных государств, не имеющие непосредственного физического контакта. Это общая тенденция, когда «обмен ударами идет на дальних дистанциях, без опасного сближения, провоцирующего лобовое столкновение» (Манойло, 2017, с. 45). Глобальные сети размывают национальные границы, снижая уровень ответственности участников конфликта за дестабилизацию обстановки в других странах. Беспрепятственный мгновенный доступ к информации приводит к эскалации противоречий, вовлекая в них даже те группы, которые не имеют к проблеме непосредственного отношения. Данный конфликт может не наносить прямого физического ущерба, но он будет разрушительно воздействовать на мировоззрение и поведение разных социальных общностей. Другая сторона воспринимается не как живой человек, а как совокупность знаков на экране, что облегчает переход к реализации действий деструктивной направленности;

– наличие теневых инициаторов конфликта. Реальные организаторы противоборства часто остаются скрытыми. Они используют информацию исключительно как инструмент манипулирования общественным мнением. «Информационно-психологическое воздействие основывается на некритическом восприятии информации объектами воздействия, оно направлено на эмоциональную сферу сознания» (Касюк, 2021, с. 23). Более того, даже если субъект выступает под своим именем, отсутствие прямого зрительного контакта создает иллюзию невидимости. Это приводит к исчезновению при передаче информации обратной связи, поскольку человек не видит негативных эмоций, которые причинены его действиями, следовательно, не испытывает сочувствия к оппоненту. При этом действующие правовые нормы оказываются бессильны остановить эскалацию напряженности;

– децентрализованность, открытость и динамичность сети. Сетевые структуры обладают способностью к мгновенному переструктурированию своих элементов, поскольку сеть представляет собой «набор узлов, связанных одним или более типом отношений» (Marin & Wellman, 2011, р. 11). Данный конфликт лишен статики, поскольку он разворачивается как непрерывный процесс трансформации взаимосвязей между акторами. Это делает сеть устойчивой к исчезновению отдельных узлов, но крайне чувствительной по отношению к информационному воздействию;

– доступность для радикально настроенных групп и возможность вовлечения в конфликт множества социальных общностей. Противостояние выходит за границы действий профессиональных армий, перетекая в социальную, экономическую и политическую плоскости. Открытость сети позволяет маргинальным и экстремистским сообществам использовать ее платформы для трансляции своих идей. Информационная среда заменяет собой традиционную модель военных действий, предоставляет возможность для привлечения граждан всего мира, благодаря чему расширяются возможности для присоединения новых дополнительных ресурсов. «Если прежде каждый актор сосредотачивался на своем ресурсе, то сегодня акторы пытаются расширить свою ресурсную базу за счет других, ранее не характерных для них ресурсов, и привлекают непрофессионалов для использования ресурсов» (Лебедева, 2017, с. 109);

– асимметрия сил, проявляющаяся в том, что в условиях сетевого конфликта даже небольшое государство со слабым вооружением способно нанести значительный ущерб мощной и высокоразвитой в области техники, технологий стране.

Сетевой конфликт представляет собой, прежде всего, противоборство смыслов и интерпретаций. Противостояние обретает возможность реального воплощения только тогда, когда оно попадает в информационное поле. Применение информационно-технического и информационно-психологического оружия порождает новые возможности для оказания влияния на экономическое и социально-политическое пространство безопасности функционирования личности и государства.

Одним из наиболее значимых последствий разворачивания сетевых конфликтов является изменение жизненного мира человека. Информация становится важным ресурсом, трансформирующим структуру повседневности. Сетевые конфликты оказывают деструктивное влияние на разные аспекты человеческого существования. На когнитивном уровне они приводят к трансформации системы взглядов, представлений, убеждений и верований посредством манипулирования информационными потоками. На поведенческом уровне происходит модификация моделей деятельности людей вследствие воздействия сетевых норм и ценностей, например, «буллинг проявлялся в большей степени как социальное манипулятивное поведение при посещении чатов» (Sontag et al., 2011, p. 394). В рамках социального уровня осуществляется установление новых типов связей, при которых традиционная солидарность замещается временными сетевыми коалициями. Таким образом, структура жизненного мира человека преобразуется при возникновении сетевого общества, которое приводит к формированию нового вида социальных связей, основанных на алгоритмизации и формализации взаимодействия людей.

Преобладание поверхностных и быстротечных контактов в сети содействует нарушению внутренней целостности человеческой личности. Опираясь на идеи французского философа и социолога Ж. Бодрийяра, можно отметить, что формируется так называемая гиперреальность, являющаяся символическим пространством, в котором осуществляется тотальный контроль и происходит распад общества на разрозненные фрагменты, утрачиваются его традиционные ценности и нормы. Мыслитель обращает внимание на то, что данное новое пространство деятельности человека характеризуется «переплетением сфер, связей, центров и структур, сетью контроля и блокировки – все то, что окружает нас со всех сторон и благодаря чему мы, все мы, оказываемся молчаливым большинством» (Бодрийяр, 2000, с. 59).

В условиях современных сетевых конфликтов зарождаются принципиально новые методы управления общественным мнением. Информация превращается в символический капитал, в котором находят отражение устремления и ценности участников конфликта. Она оказывает все возрастающее воздействие на человеческую психику, поскольку изменяются его убеждения и модель поведения, искажается восприятие реальности. Опираясь на концепцию австрийского философа и социолога А. Шюца, жизненный мир можно рассматривать как сферу, упорядочивающую дорефлексивный опыт человека, на основании которого выстраиваются его взгляды и воззрения на социальные процессы, события и явления. Мыслитель утверждал, что «это тот мир, который я воспринимаю либо непосредственно органами чувств, либо с помощью разнообразных инструментов; о котором я знаю, что он воздействует на меня непосредственно, и на который я сам могу воздействовать – с помощью инструментов или без них» (Шюц, 2008, с. 74). Проекты человеческой активности, являющиеся следствием индивидуальных желаний, потребностей и сомнений человека, служат основанием для конструирования социальной реальности посредством наличного опыта, которому присуще «специфическое напряжение сознания, а именно бодрствование, выражающееся в полном внимании жизни; специфическое *erosche*, а именно “приостановка” сомнения; преобладающая форма спонтанности, а именно рабочая операция...; специфическая форма испытывания своего Я (работающее Я как тотальное Я); специфическая форма

социальности (общий интерсубъективный мир коммуникации и социального действия); специфическая временная перспектива» (Шюц, 2003, с. 17–18).

С приходом сетевого общества и новых типов социальных взаимосвязей устоявшаяся структура жизненного мира подвергается значительным изменениям. Компьютерно-опосредованная реальность приводит к возникновению абсолютно нового формата общения, при котором участники лишены возможности восприятия телесности друг друга. Результатом нивелирования визуальных образов выступает появление ориентации на мысленную реконструкцию представления о собеседнике посредством наделения его как присущими ему чертами, так и качествами других участников сетевого взаимодействия. Данная ситуация приводит к возникновению у человека дуальности переживания собственного Я, ибо, с одной стороны, он видит в Другом реальную личность с имеющимися у нее нормами, ценностями, интересами, потребностями, сформировавшимся мировоззрением и представлениями о событиях, происходящих в обществе, а с другой – воспринимает его просто как носителя сетевой маски, наличие которой обеспечивает ему анонимность. Как отмечает американский исследователь Дж. Сулер, в интернете человек может применять разные модели поведения, например, он может оставаться самим собой, выступать от лица некой группы, придумывать полностью вымышленного персонажа или сохранять анонимность (Suler, 2000, р. 152–158). Вариативность данных моделей предоставляет ему широкие возможности для сокрытия или маскировки своих реальных негативных качеств и создания привлекательного, но несуществующего имиджа.

Деперсонализация межличностного взаимодействия людей часто приводит к образованию двойственного эффекта, поскольку благодаря ей возможно как снижение уровня остроты конфликта, так как у большинства сетевых пользователей отсутствует глубокая личная заинтересованность в эскалации противоречий, так и обострение противоборства, ибо существует вероятность многократного расширения зоны географического охвата пространства противостояния, обусловленная структурой сети, вследствие присоединения к ней новых элементов посредством оказания на них психологического манипулятивного воздействия. Анонимность, асинхронность общения, дезинформация и предоставление деструктивного контента приводят к возникновению у многих сетевых пользователей ощущения абсолютной вседозволенности. По этой причине в ситуации кризиса люди достраивают в своем воображении недостающие детали конфликта, формируя иллюзорные образы и приписывая им выдуманные характеристики. Возникает так называемая проектосфера, синтезирующая в единое целое личный опыт жизненного мира человека с установками, имеющимися у социальных групп, с которыми субъект себя идентифицирует и которые являются для него значимыми. Специфика взаимодействия данных проектосфер в форме конфликта или гармоничного сосуществования является отражением сложной, многогранной и поливариативной реакции человека на происходящие социальные процессы и явления.

Поскольку интенциональные акты сознания имплицитно содержат конфликтные устремления актора, то можно говорить о детерминированности поведения и действий человека при эскалации противоречий. Сетевизация порождает принципиально новую социальную реальность, которая, по мнению Ж. Бодрийяра, «гиперреальная, неуловимая, опирающаяся не на закон, репрессии и насилие, а на внедрение моделей и на убеждение / разубеждение – социальность, и он отвечает на ее вызов ничем иным, как гиперреальным же действием» (Бодрийяр, 2000, с. 59). Главная трудность в разрешении сетевых конфликтов заключается в том, что они изначально формируются на ментальном уровне, влияют на формирование представлений человека о конфликтной ситуации, манипулируют общественным мнением, привлекают внимание к проблеме различных социальных общностей, затрагивают ценностные ориентиры и нормы людей, приводя к их трансформации. Для функционирования сетей присуще

наличие механизмов подражания. Если в определенном сообществе агрессивный тон становится нормой, новые участники быстро принимают и адаптируют к себе данную модель поведения, чтобы не утратить свою принадлежность к социальной группе. Таким образом, отклонение становится внутригрупповой нормой, противопоставленной правилам поведения, принятым в обществе.

Преднамеренные действия общественных объединений, ориентированные на обострение противоборства, становятся основным средством воздействия на массовое и индивидуальное сознание людей. В ситуации конфликта в сетях начинают все чаще применяться способы психоактивного целенаправленного деструктивного влияния на психику людей в целях их побуждения к определенным действиям, таким как шантаж, угрозы и запугивание. Таким образом продуцируются условия для информационного взрыва. «Это создает угрозу социальной опасности, связанной с использованием технологий искусственного изменения поведенческих реакций человека и влияния на его свободу волеизъявления» (Даирбекова & Полуян, 2024, с. 63).

Сетевое отклоняющееся поведение многогранно. Оно может проявляться на уровне как межличностных, так и групповых отношений. Межличностная сетевая травля становится одной из наиболее распространенных форм девиантного поведения, заключающегося в систематическом унижении достоинства личности. Отсутствие временных и пространственных границ создает условия для того, чтобы такая травля была круглосуточной и вездесущей, лишая пострадавшего чувства безопасности даже в собственном доме. На групповом уровне конфликт перерастает в столкновение социальных общностей. Особенностью сетевого пространства является создание особого пространства смыслов, внутри которого любая мысль, противоречащая мнению большинства, воспринимается как враждебная. Это приводит к полному отказу от признания прав Другого, что вызывает радикализацию ситуации и эскалацию конфликта.

Информация выступает одним из наиболее значимых символических ресурсов, предопределяющих экономическое и технологическое развитие государства. Фрагментарное, ложное или неполное предоставление сведений приводит к тому, что сетевые пользователи не могут критически и целостно оценить ситуацию, вследствие чего подлинная сущность проблемы остается недоступной для понимания. Арсенал средств, используемых в рамках сетевого конфликта, постоянно расширяется. В настоящее время применяются не только технологии символического капитала, но и материально-технические средства воздействия на сеть. Тем не менее основным инструментом, предопределяющим направленность развертывания конфликта, пути его эскалации, по-прежнему остается информация. «Особенностью информационного общества... является то, что количество информации достигло такого объема, что ни один здоровый человек не способен не то что осваивать этот объем, а даже более-менее в нем ориентироваться. Но именно этот не воспринимаемый человеческим сознанием объем информации дает одно из главных преимуществ... превращает информацию в мусор» (Коровин, 2014, с. 79–80).

Специфика сетевых конфликтов заключается в активном использовании скрытых манипуляций, которые не дают возможности людям объективно исследовать и оценить сущность проблемной ситуации, а также истинные мотивы, цели и ресурсы конфликтующих сторон. Более того, сетевые пользователи часто даже не осознают, что стали объектом целенаправленного воздействия. У них сохраняется иллюзия того, что их точка зрения сформирована ими абсолютно самостоятельно, без давления с другой стороны, что в данном противостоянии они защищают исключительно свои личные интересы.

Сущность сетевых конфликтов глубоко антропологична, так как объектом воздействия становится сам человек, его сознание, воля, ценности, нормы, представления и убеждения.

Информационное пространство интернета выступает глобальной ареной, на которой разворачиваются экзистенциальные конфликты. Качественные характеристики информационного оружия, состоящие в его универсальности, анонимности и глобальности, делают его инструментом тотального воздействия на общественное мнение. Выявление этих характеристик является необходимым основанием для разработки мер по стабилизации социального развития государства и обеспечения безопасности существования личности. Социально-антропологический ракурс исследования подразумевает, что защищенность людей в сетевой среде напрямую зависит от их психологической устойчивости и направленности на критическое осмысление ситуации.

В сетевых противостояниях информация трансформируется в действенное оружие, целенаправленно применяемое сетевыми пользователями для разжигания и эскалации конфликта. По своей разрушительной силе оно вполне сопоставимо с оружием массового поражения, так как оно способно кардинально менять общественные умонастроения и управлять поведением и действиями огромных масс людей. Как отмечает российский исследователь С. И. Макаренко, такое оружие представляет собой «средства информационного воздействия на технику и людей с целью решения задач воздействующей стороны, и специфичные способы их применения» (Макаренко, 2016, с. 295). По нашему мнению, к данной категории относятся также орудия, применяемые для вмешательства и изменения работы программного обеспечения, кража данных, представляющих ценность для личности и государства, распространение ложных сообщений, которые влияют на восприятие и понимание конфликтной ситуации.

В соответствии со сферой применения информационного оружия следует обозначить такие его разновидности, как информационно-техническое оружие, включающее высокотехнологичные радиоэлектронные устройства и комплексы; информационно-программное оружие, ориентированное на создание специализированных цифровых механизмов, нацеленных на обеспечение безопасности данных; и информационно-психологическое оружие, заключающееся в использовании специальных психотехник для оказания определенного направленного деструктивного влияния на ментальность людей.

Непрерывное расширение зоны информационного влияния открывает беспрецедентные возможности для манипулирования индивидуальным сознанием и поступками людей. Это достигается посредством конструирования искаженного, иллюзорного образа возникшей конфликтной ситуации. Эффективность подобных манипуляций напрямую зависит от системы ценностей человека, его ментальных характеристик, умения выстраивать причинно-следственные связи и мыслить рационально, а также от его навыков фильтрации потребляемых сведений.

Последствием применения информационного оружия становится сужение границ личной свободы. При этом возникает парадоксальная ситуация, когда человек совершенно не осознает внешнего давления, попытки управлять его действиями. Он убежден, что на его суждения никто не влиял, тогда как на самом деле его социальная и гражданская позиция была сформирована искусственно сгенерированными фейками. Спецификой реализации сетевых конфликтов является то, что противоборство выстраивается не на основании достоверных фактов, а посредством искусственно созданного образа проблемной ситуации. Недостаточность данных и их произвольная интерпретация погружают общество в эпоху постправды, результатом которой является усиление контроля над поведением множества социальных общностей. Человек, не замечая, как определенные группы навязывают ему выгодный им ракурс понимания проблемы извне, пребывает в полной уверенности, что владеет подлинной информацией. «Постправда – это состояние современного общества, которое в действительности имеет меньшую ценность, чем вызываемые ими эмоции и состояние людей, общества.

Аксиологически это означает, что субъективное – эмоции, наблюдения, поведение, личные убеждения – выглядят значимее, чем объективное – факты и явления» (Красовская и др., 2019, с. 79). Общественное мнение теперь формируется на откровенной фальсификации данных, распространении неподтвержденных фактов и появлении противоречивых слухов. «Правовая природа фейковых новостей заключается в недостоверности, но при этом обладает сенсационными признаками» (Кузьменко & Попова 2020, с. 123). Самое опасное проявление дезинформирования состоит в том, что даже после официального разоблачения и доказательства ложности переданных данных их первоначальный психологический эффект на аудиторию устранить практически невозможно. Значительное число сетевых пользователей продолжает игнорировать последующие опровержения ранее прочитанных сообщений.

Казалось бы, свобода выбора источников информации и плюрализм мнений должны снижать уровень зависимости человека от навязываемых ему суждений, создавая ситуацию невозможности манипулирования его действиями. Однако, как утверждает Э. Паризер, в сетевом пространстве существует «пузырь фильтров», согласно которому искусственный интеллект упраздняет любые сведения, которые не соответствуют вкусам и предпочтениям конкретного пользователя. В результате люди потребляют исключительно те данные, которые подтверждают их уже сформировавшееся мнение по рассматриваемому вопросу (Паризер, 2012).

Следствием использования информационного оружия становится кризис духовной сферы общества. Как подчеркивал английский социолог Э. Гидденс, «ценности и нормы во многом определяют образ общественной жизни и манеру поведения представителя данной культуры» (Гидденс, 2005, с. 34). Происходит систематическое ущемление социально значимых интересов и потребностей человека. «Законность означает способность правительства регулировать поведение в пределах своей компетенции. В контексте Интернета это означает способность правительства регулировать поведение своих граждан (а возможно, и других людей) в сети» (Lessig, 1999, p. 19). Деструктивное применение интернета приводит к нарушению принципов государственного суверенитета, поскольку позволяет внешним силам напрямую влиять на решения, затрагивающие интересы других стран. «Если “демократичность” процедуры выборов или избранных на их основе органов власти не подтверждена международными институтами, то возникает вопрос о легитимности избранных институтов власти, что может привести к международным санкциям» (Плющ, 2017, с. 9). В результате суверенное государство утрачивает свою независимость. Таким образом, сетевые конфликты приводят к утрате доверия к общественным институтам, поскольку часто направлены на дискредитацию органов управления, являют собой угрозу стабильного функционирования жизненного пространства личности, так как постоянное пребывание в состоянии стресса и взаимной вражды негативно воздействует на психику человека, делая его более внушаемым и усиливая склонность к необдуманным поступкам.

В условиях сетевых угроз усиливается значимость формирования сетевой культуры, представляющей совокупность ценностей, норм и практик, сформировавшихся в символическом пространстве. Она может выступать и как инструмент, используемый для дестабилизации общества, и как средство обеспечения национальной безопасности. В целях сохранения устойчивости развития сетевого пространства необходимо осуществить следующие меры:

- сформировать цифровую грамотность, проявляемую в выработывании навыков критического оценивания потоков информации. Преодоление девиантного поведения в сети требует не только разработки технических запретов, но и проведения глубокой воспитательной работы;

- развивать сетевую этику, заключающуюся в отказе от манипуляций и приверженности к качественной информации. Необходимо внедрение в систему образования программ

по обучению нормам и правилам поведения в сети, которые бы помогли сформировать ответственность пользователей за транслируемую ими информацию;

- создавать культурные артефакты в сетевом пространстве, способствующие формированию комфортной и безопасной среды, в которой человек осознает последствия своих действий;

- разработать политико-правовые меры для защиты национальных интересов в ситуации возникновения сетевых конфликтов. Правовое регулирование должно быть направлено не на ограничение свободы слова, а на пресечение действий, нарушающих безопасность развития других граждан и государства. Неотвратимость наказания за распространение заведомо ложной информации является важным сдерживающим фактором. Кроме того, необходимы защита национальных границ в киберпространстве, создание сегментов сети, устойчивых к внешнему воздействию, формирование и реализация договоренностей по противодействию кибератакам на межгосударственном уровне.

Заключение

Сетевые конфликты как форма отклоняющегося поведения – это серьезный вызов, предъявляемый современной цивилизацией личности и государству. Они представляют собой сложный, многофакторный феномен, укорененный в социально-антропологических основаниях современного общества. Трансформация жизненного мира человека, изменение характера коммуникаций и появление новых видов информационного оружия требуют разработки стратегий защиты. Деструктивное воздействие информации на систему ценностей и норм человека, его ментальность, приводящее к манипулированию сознанием личности, содействует ее дезориентации в условиях современной нестабильно развивающейся социальной реальности. Подобные процессы провоцируют обострение существующих социальных противоречий и ведут к развязыванию все новых противостояний в пространстве сети. Сложность разработки универсальных механизмов регулирования сетевых конфликтов обусловлена спецификой организации сети, ее децентрализованностью, открытостью, анонимностью.

Для предотвращения деструктивного влияния сетевых конфликтов на функционирование общества необходимы переосмысление происходящих социальных трансформаций и качественное совершенствование имеющихся этических норм и ценностей в сети. Признание сетевой агрессии и манипуляции девиацией позволяет нам перейти от пассивного наблюдения к активному созиданию безопасного сетевого пространства. Только благодаря пониманию человеком его личной ответственности за предоставляемую информацию и развитие культуры общения возможно избежать деструктивных последствий эскалации сетевых конфликтов. Формирование сетевой культуры и реализация правовой стратегии развития в области информационной безопасности являются основанием для устойчивого функционирования государства в условиях глобальной нестабильности. Для успешного противодействия сетевым угрозам необходимы развитие партнерства между государствами в области информационных технологий, базирующегося на принципах доверия и взаимопонимания, создание возможностей для осуществления межкультурного диалога, ориентированного на поиски компромисса и взаимопонимания между его участниками, формирование медиакультуры благодаря обучению сетевых пользователей навыкам критического анализа и осмысления ситуации, работы с разнообразными источниками данных, что является важнейшим условием предотвращения эскалации противоречий.

Список литературы

- Берестовой, А. Н. (2025). Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет». *Российский девиантологический журнал*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Бодрийяр, Ж. (2000). *В тени молчаливого большинства, или Конец социального* (Н. В. Суслов, пер.; К. В. Жвакин, ред.). Издательство Уральского университета.
- Гидденс, Э. (2005). *Социология* (А. В. Берков и др., пер.; 2-е изд., выполн. по 4-му англ. изд., полностью перераб. и доп.). Едиториал УРСС.
- Даирбекова, Ж. М., & Полуян, А. Ю. (2024). Деструктивное и манипулятивное влияние социальных сетей. *Системная инженерия и информационные технологии*, 6(1), 59–66. <https://doi.org/10.54708/2658-5014-SIIT-2024-no1-p59>
- Касюк, А. Я. (2021). Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 1, 22–34. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
- Коровин, В. М. (2014). *Третья мировая сетевая война*. Питер.
- Красовская, Н. Р., & Гуляев, А. А. (2021). К вопросу о контроле фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в интернете. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 5(1), 96–99. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-1-96-99>
- Красовская, Н. Р., Гуляев, А. А., & Юлина, Г. Н. (2019). Фейковые новости как феномен современности. *Власть*, 27(4), 79–82. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6589>
- Кузьменко, Ю. А., & Попова, О. В. (2020). Фейковая пропаганда как инструмент дезинформации общества и борьба за их распространение. *Право и государство: теория и практика*, 10, 122–125. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_10_122
- Лебедева, М. М. (2017). "Идеальный шторм" как результат "гибридизации" мировой политики. В *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений* (с. 97–111). Горячая линия-Телеком.
- Лекторский, В. А. (2022). Глобальная цифровизация как антропологический вызов. В *Человек и системы искусственного интеллекта* (стр. 18–29). Юридический центр.
- Макаренко, С. И. (2016). Информационное оружие в технической сфере: терминология, классификация, примеры. *Системы управления, связи и безопасности*, 3, 292–376. <https://doi.org/10.24411/2410-9916-2016-10311>
- Манойло, А. В. (2017). Гибридизация мировой политики. В *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений* (стр. 44–96). Горячая линия - Телеком Москва.
- Медовкина, Л. Ю. (2020). Особенности евразийской модели сетевой войны. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 32, 7–19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.7>
- Паризер, Э. (2012). *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* (А. Шириков, пер.). Альпина Бизнес Букс.
- Плющ, А. Н. (2017). *Социально-психологические механизмы информационного влияния*. Аспект-Поліграф.
- Шюц, А. (2008). Некоторые структуры жизненного мира. *Вопросы социальной теории*, 2, 72–87.
- Шюц, А. (2003). О множественности реальностей. *Социологическое обозрение*, 3(2), 3–34.
- Eginli, A. T., & Tas, N. O. (2018). Interpersonal Communication in Social Networking Sites: An Investigation in the Framework of Uses and Gratification Theory. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 8 (2), 81–104. <https://doi.org/10.12973/ojcm/2355>

- Lessig, L. (1999). *Code: And other laws of cyberspace*. Basic Books.
- Marin, A., & Wellman, B. (2011). Social network analysis: An introduction. In J. Scott & P. J. Carrington (Eds.), *The SAGE handbook of social network analysis* (pp. 11–25). SAGE.
- Sontag, L. M., Clemans, K. H., Graber, J. A., & Lyndon, S. T. (2011). Traditional and cyber aggressors and victims: A comparison of psychosocial characteristics. *Journal of Youth and Adolescence*, 40(4), 392–404. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9575-9>
- Suler, J. (2000). Psychotherapy in cyberspace: A 5-dimensional model of online and computer-mediated psychotherapy. *CyberPsychology & Behavior*, 3(2), 151–159. <https://doi.org/10.1089/109493100315996>

References

- Berestovoj, A. N. (2025). Uголовно-pravovoe protivodejstvie obshchestvenno opasnym proyavleniyam subkul'tury v seti «Internet». *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Bodriyyar, Zh. (2000). *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo* (N. V. Suslov, per.; K. V. Zhvakina, red.). Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Giddens, E. (2005). *Sociologiya* (A. V. Berkov i dr., per.; 2-e izd., vypoln. po 4-mu angl. izd., polnost'yu pererab. i dop.). Editorial URSS.
- Dairbekova, Zh. M., & Poluyan, A. Yu. (2024). Destruktivnoe i manipulyativnoe vliyanie social'nyh setej. *Sistemnaya inzheneriya i informacionnye tekhnologii*, 6(1), 59–66. <https://doi.org/10.54708/2658-5014-SIIT-2024-no1-p59>
- Kasyuk, A. Ya. (2021). Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie v informacionnom protivoborstve. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, 1, 22–34. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
- Korovin, V. M. (2014). *Tret'ya mirovaya setevaya vojna*. Piter.
- Krasovskaya, N. R., & Gulyaev, A. A. (2021). K voprosu o kontrole fejkov, dipfejkov, fejkovyh akkauntov v internete. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 5(1), 96–99. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-1-96-99>
- Krasovskaya, N. R., Gulyaev, A. A., & Yulina, G. N. (2019). Fejkovyie novosti kak fenomen sovremenosti. *Vlast'*, 27(4), 79–82. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6589>
- Kuz'menko, Yu. A., & Popova, O. V. (2020). Fejkovaya propaganda kak instrument dezinformacii obshchestva i bor'ba za ih rasprostranenie. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 10, 122–125. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_10_122
- Lebedeva, M. M. (2017). "Ideal'nyy shtorm" kak rezul'tat "gibridizatsii" mirovoy politiki. In *Gibridizatsiya mirovoy i vneshney politiki v svete sotsiologii mezhdunarodnykh otnosheniy* (pp. 97–111). Goryachaya liniya-Telekom.
- Lektorskiy, V. A. (2022). Global'naya cifrovizatsiya kak antropologicheskij vyzov. V *Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta* (str. 18–29). Yuridicheskij centr.
- Makarenko, S. I. (2016). Informacionnoe oruzhie v tekhnicheskoy sfere: terminologiya, klassifikatsiya, primery. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti*, 3, 292–376. <https://doi.org/10.24411/2410-9916-2016-10311>
- Manojlo, A. V. (2017). Gibridizatsiya mirovoy politiki. V *Gibridizatsiya mirovoy i vneshney politiki v svete sociologii mezhdunarodnykh otnoshenij* (str. 44–96). Goryachaya liniya - Telekom Moskva.
- Medovkina, L. Yu. (2020). Osobennosti evrazijskoj modeli setевой vojny. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 32, 7–19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.7>
- Parizer, E. (2012). *Za stenoy fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas?* (A. Shirikov, per.). Al'pina Biznes Buks.

- Plyushch, A. N. (2017). *Social'no-psihologicheskie mekhanizmy informacionnogo vliyaniya*. Aspekt-Poligraf.
- Shyuc, A. (2008). Nekotorye struktury zhiznennogo mira. *Voprosy social'noj teorii*, 2, 72–87.
- Shyuc, A. (2003). O mnozhestvennosti real'nostej. *Sociologicheskoe obozrenie*, 3(2), 3–34.
- Eginli, A. T., & Tas, N. O. (2018). Interpersonal Communication in Social Networking Sites: An Investigation in the Framework of Uses and Gratification Theory. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 8 (2), 81–104. <https://doi.org/10.12973/ojcm/2355>
- Lessig, L. (1999). *Code: And other laws of cyberspace*. Basic Books.
- Marin, A., & Wellman, B. (2011). Social network analysis: An introduction. In J. Scott & P. J. Carrington (Eds.), *The SAGE handbook of social network analysis* (pp. 11–25). SAGE.
- Sontag, L. M., Clemans, K. H., Graber, J. A., & Lyndon, S. T. (2011). Traditional and cyber aggressors and victims: A comparison of psychosocial characteristics. *Journal of Youth and Adolescence*, 40(4), 392–404. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9575-9>
- Suler, J. (2000). Psychotherapy in cyberspace: A 5-dimensional model of online and computer-mediated psychotherapy. *CyberPsychology & Behavior*, 3(2), 151–159. <https://doi.org/10.1089/109493100315996>

Информация об авторах

Евгений Михайлович Бабосов – доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси, главный научный сотрудник отдела социологии государственного управления ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси».

Юлия Леонидовна Баньковская – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета.

About the authors

Evgeny M. Babosov – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Chief Researcher of the Department of Sociology of Public Administration at the State Scientific Institution “Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus”.

Yulia L. Bankovskaya – Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies at Belarusian State University.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 02.06.2026

Одобрена после рецензирования 03.07.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted June 02, 2026

Approved after reviewing July 03, 2026

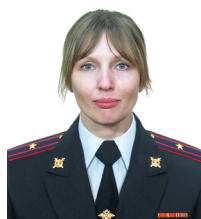
Accepted July 30, 2026

УДК 159.9:316.624

«Ныряющее сознание» сотрудников полиции на транспорте (о пользе концептуальной метафоры)

Юрий Александрович Шаранов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
niospba@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9758-8220**Ольга Владимировна Меркушева**

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
olya-let@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9318-2848**Аннотация**

Введение. В статье исследуются механизмы познания опасных явлений сотрудниками полиции на объектах транспортной инфраструктуры, выявляется методологическая необходимость обращения к современному синтезу научных подходов, в том числе к «трудной проблеме сознания» (Г. В. Акопов, Т. Хондерич, А. Ревонсуо, Д. И. Дубровский, Дж. Миллер и др.). **Методологической основой** проводимого исследования выступает концепция «потокowego сознания», эмпирического и трансцендентного сознания в контексте общего понимания потока как состояния погружения в деятельность. В статье предпринимается попытка раскрыть феномен трансцендентирующего сознания и «позиции познания ситуации над потоком». Специфика службы на объектах транспортной инфраструктуры требует от сотрудника особого типа внимания, воображения и мышления, связанных с сознательной поисковой деятельностью, познанием опасных явлений, полимодальностью восприятия ситуаций, оценкой рисков и угроз. При этом «потокковая культура» выполняет функции воспроизводства нормативного порядка служебной деятельности, помогает выявлять рисковое поведение наблюдаемого объекта по критериям отклонения от установленного порядка. **Целью работы** выступает исследование процесса трансформации метафорического конструкта «ныряющее сознание» как диалектической совокупности структур психологической архитектуры личности, служебного опыта сотрудников, позволяющего прогнозировать и оценивать пассажиров с точки зрения критериев рискованного или угрожающего поведения посредством механизмов воображения и «пристального взглядывания в глубины своей личности». **В результате** проведенного теоретического исследования авторы приходят к пониманию, что трансцендентность (М. Мамардашвили и др.) обеспечивает сопряжение эмпирического и трансцендентного сознания, выход личности за пределы реальности для оценки уровня угрозы и воспроизводства системы порядков. Осмыслить трансцендентность (С. Л. Катречко) способна только психологически свободная личность при наличии опыта трансцендирования в символически насыщенном потоке сознания.

Ключевые слова

поток, потоковое сознание, потоковая культура, полимодальность восприятия, трансцендентное сознание, ныряющее сознание

Для цитирования: Шаранов, Ю. А., Меркушева, О. В. (2026). «Ныряющее сознание» сотрудников полиции на транспорте (о пользе концептуальной метафоры). *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 240–252.

Original paper

“Diving consciousness” of transport police officers (on the usefulness of the conceptual metaphor)

Yuri A. Sharanov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
niospba@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9758-8220

Olga V. Merkusheva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
olya-let@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9318-2848

Abstract

Introduction. The article provides an analysis of the mechanisms that enable police officers to recognise hazardous situations at transport infrastructure facilities, and highlights the methodological need for a contemporary synthesis of scientific approaches, including those addressing the “hard problem of consciousness” (G. V. Akopov, T. Honderich, A. Revonsuo, D. I. Dubrovsky, G. Miller et al.). **The methodological basis** of the study is the concept of “stream of consciousness”, encompassing both empirical and transcendental consciousness within the context of a general understanding of the flow (stream) as a state of deep immersion in an activity. The article presents an attempt to elucidate the phenomenon of transcendental consciousness and the “position of conscious understanding of a situation beyond the flow”. The specific nature of service at transport infrastructure facilities requires police officers to possess a particular kind of attention, imagination and way of thinking, involving conscious vigilance and the ability of recognising hazardous events as well as poly-modal perception of situations and the assessment of risks and threats. At the same time, “flow culture” contributes to ensuring routine service activities, and helps to identify risky behaviour in observed objects according to criteria of deviation from accepted norms. **The research aims** to examine the process of transformation of the metaphorical construct “diving consciousness” as a dialectical complex of structures of personal psychological architecture, and service experience of police officers, making it possible to predict and assess passengers in terms of criteria related to risky or threatening behaviour through the mechanisms of imagination and “close examination of the inner depths of personality”. As a result of the theoretical research, the authors conclude that transcendence (M. Mamardashvili et al.) facilitates the integration of empirical and transcendental consciousness, as well as the person’s ability to transcend beyond reality in order to assess the level of threat and reproduce the system of norms. Only a psychologically free person with transcendental experience within a symbolically rich stream of consciousness is capable of realising transcendence (S. L. Katrechko).

Keywords

flow, stream of consciousness, flow culture, poly-modality of perception, transcendental consciousness, diving consciousness

For citation: Sharanov, Yu. A., Merkusheva, O. V. (2026). “Diving consciousness” of transport police officers (on the usefulness of the conceptual metaphor). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 240–252.

Введение

Стимулом для (само)развития науки, появления в ней новых методологических принципов и положений (трансдисциплинарный подход, транстемпоральность, трансперсональность, принцип системной детерминации и т. д.), как правило, выступают несколько групп ситуаций. Первая – это незавершенные или воспринимаемые таковыми противоречивые познавательные ситуации, понятия, концепции или теории. Вторая группа ситуаций относится к завершенным, когда проблема структурирована, пришла к своему конечному пункту, но при этом возник эффект избыточности полученной информации, который переживается как потребность в продолжении исследования. В нашем случае стремление «закрыть гештальт», связанное с процессом исследования атрибутивных механизмов познания рисков и угроз сотрудников полиции на транспорте (Меркушева, 2025b, с. 96–97), привело к появлению новых вопросов, ответы на которые открывают сферу междисциплинарных теорий, в том числе теории потока Михая Чиксентмихайи, и различных отечественных и зарубежных теорий сознания и познания.

Понятие «поток» пришло в психологию из художественной литературы и философии и ассоциируется с речным потоком¹ (Грушицкая, 2019). Именно метафоричность теории потока вдохновила нас на формулирование понятия «ныряющее сознание». В настоящее время концептуальная метафора вновь востребована, ее роль как когнитивного механизма заключается в том, что она позволяет осмыслить абстрактные понятия в науке, придать краткость, ясность и выразительность новым мыслям (Лакофф & Джонсон, 2004). При этом метафора не только формирует представление об объекте, но и предопределяет способ и стиль мышления о нем (Скопич, 2013, с. 2).

Потоковое сознание буквально и одновременно метафорично, оно допускает взаимопревращение феноменологического и эмпирического. За многие годы активного использования теория потокового сознания доказала высокую конструктивность и свойства конвергентности. Она допускает обращение не только к метафорам, но и к известным в научной психологии категориям, понятиям, диагностическим процедурам, по сути дела, ко всем концепциям и исследовательским практикам личности как динамической системы. Не со всеми положениями теории потока Михая Чиксентмихайи в пространстве психологического дискурса можно безоговорочно согласиться, но с тем, что эта теория стимулирует дальнейшие научные исследования феномена психики, сознания, личности и деятельности, вряд ли будет спорить любой профессиональный психолог.

Согласно утверждениям Михая Чиксентмихайи, в основе потока лежит состояние оптимального переживания человека, его полного слияния со своим делом, поглощенность им, когда он не ощущает времени, самого себя, когда вместо усталости (утомления) возникает постоянный прилив энергии и удовольствия от деятельности. Для того чтобы понять, что человек находится в состоянии потока, М. Чиксентмихайи выделил в своих работах ряд

¹ См. Розанов В. В. Пишет о «потоке сознания» как новой художественной форме в трилогии («Уединенное» и два короба «Опавших листьев»).

признаков. Для понимания сущности понятия «ныряющее сознание» эти признаки имеют системообразующее значение. Первый признак – включенность субъекта в структурированную деятельность. Субъекту средой, самой деятельностью и логикой той реальности, в которой он действует, задаются четкие цели, решаемые задачи, обратная связь для быстрой корректировки цели (Чиксентмихайи, 2011). Ощущение полной концентрации на задаче, полного контроля за происходящим и потоком времени усиливает и делает более яркими проявления индивидуальности субъекта. При этом внутренний конфликт между «хочу» и «надо» отсутствует. Рабочий ритм становится ровным и естественным, что в долгосрочной перспективе снижает накопленный стресс и уменьшает риск выгорания.

Второй признак – поток не только помогает субъекту лучше выполнять задачи, но и усиливает у него общее чувство благополучия, переживания удовлетворенности и счастья. Постоянное столкновение с субъективно оптимальными трудностями дает ощущение роста и улучшения навыков, стимулирует уверенность в своих способностях и перспективах.

Третий признак – полный контроль сознания и практика осознанности. Медитация, дыхательные техники, практики работы с измененными состояниями сознания позволяют сосредоточиться на текущем моменте. Привычка ежедневно уделять 5–10 минут спокойному наблюдению за дыханием или мыслями помогает легче отключаться от внешних и внутренних отвлекающих факторов и «проваливаться» в работу.²

Среди признаков потока Михай Чиксентмихайи отдает приоритет контролю сознания. При этом он ставит перед собой задачу понять, как работает сознание и каковы границы его контроля.

Действительно, для того чтобы управлять потоковым сознанием, принципиально важным является представление о том, когда и каким образом возникает такое оптимальное состояние сознания, как рождаются его внутренняя упорядоченность (целостность) и личностный смысл, выступающие конституирующей характеристикой личности и деятельности (Леонтьев, 1975).

Для наших рассуждений принципиально важным является идея о том, что именно процесс достижения структурной целостности сознания, личности и деятельности, ее цели, задачи, условия среды и результаты деятельности выступают условием и средством процесса структурирования сознания и переживания личностью своих собственных границ. В свою очередь, структурная целостность сознания позволяет субъекту овладеть собственными мыслями и чувствами, концентрировать внимание на выполнении текущей задачи, отсекая все не относящиеся к данному процессу факторы. Такое умение личности контролировать и управлять состояниями собственного сознания развивается за счет совершенствования профессионального опыта, физических, сенсорных навыков, решительности и силы воли, способности мышления оперировать абстрактными категориями, образами и символами, в том числе посредством механизмов апперцепции, овладения техниками медитации и йоги.

Вместе с тем включение личности в потоковое пространство профессиональной деятельности несет определенные риски. «Пойманный в ловушку социального контроля» субъект профессиональной деятельности сознательно теряет власть над собой, так как вынужден передавать часть своей свободы «внешней силе», с которой заключается социальный контракт. Более того, профессиональная карьера сотрудника полиции на транспорте начинается с процесса осознанной постановки собственного сознания, опосредованного структурой, содержанием, ролями, ценностями, смыслами и идеалами служебной деятельности, под внешний контроль. В целях упорядочения состояния потока и осознанного контроля своих переживаний и действий субъект также должен овладеть алгоритмами, правилами, инструкциями, стандартами,

² Ауробиндо, Ш. (1972). *Собрание сочинений: В 30 томах*. Sri Aurobindo Ashram.

стереотипами и шаблонами деятельности, которые оказывают системообразующее влияние на его «потокное сознание», восприятие окружающей реальности и в конечном счете определяют качество и надежность результатов деятельности. При этом строго регламентированная служебно-профессиональная деятельность также может адекватно выражать сущность личности, особенности процесса ее самореализации, влиять на качество ее жизни в целом. Одним словом, профессиональная деятельность сотрудника полиции, как и любая другая социально значимая сфера активности личности, содержит потенциал развития и совершенствования ее субъектных качеств. Вместе с тем деятельность сотрудника полиции на транспорте обладает выраженной спецификой, так как служит обеспечению безопасности пассажиров на железнодорожных вокзалах, водных и воздушных объектах транспортной инфраструктуры. Очевидно, что скопление большого количества пассажиров требует от сотрудника особых качеств внимания, наблюдательности и высокого уровня полимодальности восприятия, т. е. способности одновременно воспринимать, обрабатывать информацию из множества источников (модусов) для создания по отдельным признакам целостного образа человека и группы людей, оценивать и прогнозировать их намерения с точки зрения угрозы безопасности и принимать профессиональное решение, не допуская превращения ситуаций в опасные явления.

Проведенные исследования атрибуции познания ($n = 203$) позволили выявить основные параметры, определяющие эффективность функционирования сотрудников в рамках распознавания опасных явлений и недопущения их перехода в акты незаконных вмешательств, которые выражены пятью основными компонентами: 1) социально-перцептивным, выявляющим выраженность у сотрудника таких качеств, как наблюдательность, восприимчивость, понимание эмоций других людей, развитая коммуникация; 2) когнитивным, позволяющим оценить уровень владения знаниями об актуальных рисках и угрозах; 3) мотивационным, определяющим доминирующее стремление сотрудника к успеху и бдительности; 4) деятельностным, позволяющим оценить степень готовности к принятию решений, осуществлению анализа и прогнозирования действий при наступлении рисков и угроз, а также самоопределению себя как профессионала; 5) управленческим, выявляющим организационный и управленческий потенциал сотрудника. Совокупность данных параметров определила уровень выраженности атрибуции познания опасных явлений сотрудниками: у 20,3 % – на высоком уровне; у 65,1 % – на среднем; у 14,6 % – на низком. При этом социально-перцептивный компонент выражен на высоком уровне у 8,5 % сотрудников; на среднем – у 81,5 %; на низком – у 10 %; когнитивный компонент выражен на высоком уровне – у 24 %; на среднем – у 57 %; на низком – у 19 %; мотивационный компонент на высоком уровне выражен у 28 %; на среднем – у 60 %; на низком – у 12 %; деятельностный компонент на высоком уровне – у 34%; на среднем – у 58 %; на низком – у 8 %; управленческий компонент выражен на высоком уровне у 7 %; на среднем – у 69 %; на низком – у 24 % респондентов (Меркушева О. В., 2025).

Сложившаяся культура выполнения профессионально-служебных задач сотрудниками полиции на транспорте со временем вырабатывает определенные механизмы, предотвращающие нарушение установленного порядка, а включение в поток компенсирует дефицит некоторых образований служебного опыта, помогает сотрудникам поверить, что они полностью контролируют происходящее. По сути дела, только в потоковой культуре служебной деятельности и существует возможность обнаружить рисковое или угрожающее состоянию безопасности поведение отдельного гражданина или группы людей по признакам смыслового противоречия и отклонению от установленного порядка, который присутствует в сознании сотрудников в виде знания, образа порядка, определенной «когнитомы» сознания (К. В. Анохин, 2021), апперцепции как свойства восприятия и познания истины через призму собственного опыта (Шабанов, 2023). Представление о том, какими способами контролировать собственное

сознание, также является составным элементом потоковой культуры и потокового переживания служебно-профессиональной деятельности сотрудников полиции на транспорте. Сам факт включенности сотрудника в континуум потокового сознания в целях поддержания устойчивого контроля за порядком и безопасностью сопровождается его бессознательным стремлением если не остановить, то хотя бы замедлить непрерывную динамику пространства и времени, сократить избыточность многообразия взаимодействия между людьми, которые пользуются инфраструктурой на объектах транспорта. Со временем технологическая основа функции контроля за порядком преобразуется в состояние динамической интеграции разума, воли, чувств сотрудника, действующего изнутри этого потокового состояния времени и пространства. При этом общее качественное пространство субъекта деятельности соответствует его эмоциональному пространству, масштабу пространства разума (ментальному пространству), пространству воли и соответствующих им субъектных качеств, обладающих содержанием, формой и энергией. Напомним, что пространство есть неотъемлемая трансцендентальная категория человеческого сознания, неизменно присущая нашему восприятию и познанию всех окружающих материальных объектов, тогда как трансцендентальная категория времени целиком относится к внутренней деятельности сознания и предопределяет последовательность чередования процессов сознания (в том числе восприятия и воображения). При этом известное понятие И. Канта «трансцендентальное», которое имплицитно присутствует в наших рассуждениях, отражает феномен трансцендентализма как определенной традиции и способа мышления, как выражение антропологического начала всех возможных размышлений о бытии, космосе и человеке (Бурханов, 2000, с. 7).

Потоковое сознание личности повышает возможности сотрудника адекватно воспринимать, понимать, оценивать и принимать решение во времени и пространстве. Одновременно понижаются пороги различения, повышается когнитивная пластичность восприятия (выделение фигуры из фона) и целенаправленного поведения. Другими словами, в субъективной реальности как части потоковой деятельности технологические связи замещаются связями органическими, персонифицированными и, как следствие, в самом своем процессе получают возможность творчески преобразовывать как свое настоящее состояние, так и последующие факторы самодетерминации. Если исходить из наличия у человека изначальной активности и творческой интенции (Рубинштейн, 2002), можно предположить, что человек способен произвольно творить свой внутренний мир в дополнительных пространственных и временных измерениях. Правда, при этом придется ответить на вопрос: «А в логике работы механизмом сознания что делать с неосознаваемыми явлениями?» Действительно, по мнению представителей интроспективной психологии, сфера сознания не может включать в себя неосознаваемые феномены. Для того чтобы объяснить осознаваемый опыт, нужно выйти за его пределы, так как дело еще и в диапазоне сознания по отношению к неосознаваемым и другим его характеристикам. Подразумевается также, что степень синкретичности – осознанности личностью этой двойственности позиций является источником возникновения права (и способности) личности выбирать, к какому из полюсов примыкать. С позиций эволюционного подхода к природе психики, синкретичность в настоящем контексте отражает наличие диалектического единства структуры осознания и неосознаваемого (Гаврилова, 2015)³.

Точно так же с позиций эволюционной, мультисубъектной теории личности, сознания и деятельности следует подходить и к пониманию структуры, функциям и механизмам «ныряющего сознания», под которым подразумевается диалектическая совокупность личного и служебно-профессионального опыта сотрудника полиции, позволяющего получать объективное

³ Синкретичность сознания, а именно мышления и восприятия у детей, рассматривается в работах отечественных и зарубежных психологов, таких как Л. С. Выготский, Ж. Пиаже, Э. Клапаред и др.

и достоверное знание о психологии людей, их намерениях, прогнозировать их поведение за счет применения уже отработанной модели знания, привычных методов и способов выполнения служебных задач на объектах транспорта. Вместе с тем абсолютной изначальной целостности, целесообразности, имманентной заданности сознания и поведения сотрудников полиции на транспорте не существует. Каждодневные служебные задачи вызывают к жизни свои специфические особенности переживания, набор методов и способов организации, свою индивидуальную и коллективную логику действий, что порождает свои достижения и ошибки. Множественность объектов и полимодальность процесса включенного наблюдения стимулируют механизмы адаптации психики к сложности когнитивного контроля сознания. В свою очередь, контекстное восприятие, трансцендентальный метод познания и наблюдение запускают процессы анализа, сопоставления и выявления специфики поведения пассажиров, особенностей проявления их вербальных и невербальных различий. Наличие средств технического наблюдения, в том числе с использованием элементов искусственного интеллекта, только помогают осуществлять быстрый сбор и оценку моделей поведения пассажиров, сравнивать с имеющимися в памяти сотрудника вторичными образами и стимулами, подходящими под оценку адекватного, нерискового, а значит, и не угрожающего состоянию безопасности поведения.

Подобного рода сопряжение когнитивных, эмоциональных и поведенческих измерений опыта сотрудника составляет так называемое эго-синтонное состояние потока сознания, процессы перцепции, познания и когнитивного контроля осуществляются сотрудником именно из этого внутреннего пространства. Для того чтобы осознать свое эмоционально-чувственное состояние, затруднения в познании и самоопределении, понять скрытые желания и оценить риски нарушения структуры идентичности, сотруднику достаточно «нырнуть в глубины собственной личности».

Позицию «ныряющего сознания» над потоком деятельности личность занимает в ситуациях появления объектов наблюдения, которые вызывают подозрения, создают иллюзию безопасности и не поддаются быстрому «вскрытию» их подлинной сущности стандартными инструментами психики на основе традиционного опыта личности, находящейся внутри потока самой деятельности. Тем самым трансцендентность сознания как способность субъекта выходить за границы привычного, вызывается не столько процессом саморегуляции субъекта, сколько самой логикой бытия субъекта в мире, т. е. появление новых «мерностей» сознания совпадают с этапами его самодвижения в контексте служебно-профессиональной рациональности (Клочко и др., 2015). Эти этапы фиксируют последовательность восхождения сознания на более высокие уровни системной организации. При этом сознание и многомерный мир человека самодетерминируются в одном процессе взаимодействия с ценностными и смысловыми измерениями культуры правоохранительной деятельности. Иначе, вне состояния трансцендентности сознания, продолжая находиться замкнутым в пространстве субъективного, бытие реальности остается непознанным. По этой причине «непоглощенность» субъекта деятельности текущим временем и пространством собственного функционирования в мире служит одним из источников раздвоения самосознания и мотивов субъекта на процессы поддержания позиции трансцендентного «ныряющего сознания» над потоком деятельности и эмпирического «ныряющего сознания в глубины собственной личности». В последнем случае процесс когнитивного контроля, познания и оценки уровня безопасности осуществляются сотрудником полиции на транспорте именно из этого внутреннего, глубинного пространства.

Для того чтобы осознать свое состояние, трудности познания и самоопределения, понять скрытые желания и оценить риски нарушения структуры идентичности, сотруднику достаточно «нырнуть в глубины собственной личности», тогда как позиция «над потоком»

с помощью трансцендентального метода познания позволяет посмотреть на воспринимаемый объект с другой стороны, с иного ракурса, в ином свете и обнаружить алогизмы в его поведении, с помощью измененной формы сознания достроить образ порядка новыми элементами. При этом могут сохраняться попытки сотрудника полиции доказать самому себе возможности адаптации привычных норм и стереотипов деятельности, достижения баланса между вызовом ситуации и мастерством сотрудников полиции, и это тогда, когда существующий опыт им самим признан уже недостаточным или неподходящим для реальных или кажущихся таковыми новых обстоятельств.

Иными словами, существующий личный и служебно-профессиональный опыт личности как бы выстроил вокруг личности стену субъективизма, за которую она не может заглянуть и увидеть тех подозрительных людей, понять их мотивы, мысли и намерения, оценить новые параметры ситуации. Туда поток сознания доставить личность уже не способен.

Таким образом, переход деятельности в сверхнормативную, а процесса адаптации – в сверх-адаптивную стадию ставит вопросы совладания с новыми обстоятельствами. Эта ситуация требует от субъекта непростой внутренней психической работы для самостоятельного смыслового доопределения и (или) переопределения, выбора стратегий уклонения от привычных ментальных парадигм, выхода из профессиональных автоматизмов восприятия, понимания и оценки, обращения к механизмам интуитивного или спонтанного познания, акцентирования неявных признаков актуальных и потенциальных событий, признаков трансрациональной реальности (Рябушкина, 2023), что может приближать психологические ресурсы субъекта к пределу возможностей. В связи с этим трансцендентная позиция «над потоком» порождает потребность в новых возможностях измененной формы сознания, новом ритме ментальных процессов, опережающей адаптации и напряженном функционировании доминанты сознания (Ухтомский, 2004).

Именно доминанта побуждает человека к проявлению настойчивости, выдержки и воли, стимулирует творческую активность. Однако в позиции «над потоком» выявляется парадоксальная связь состояния доминанты со временем, которое способно сжиматься, замедляться или ускоряться до мгновения. Тем самым доминанта своим движением во времени и пространстве сознания личности способна значительно влиять на цели и характер деятельности. А. А. Ухтомский доказал, что существующий в человеке принцип доминанты «собирает» человека, объединяя и усиливая энергию всех систем (Безденежных, 2004). Основным свойством доминанты является захват в свое подчинение двигательных путей к мышцам, что легко объяснимо необходимостью двигаться для осуществления какой-либо модальности доминанты. И если все человеческое поведение является результатом биологических процессов, то деятельность сознания может быть не полностью детерминирована биологической программой. Известно, что во многих важных аспектах сознание человека является самодостаточным, спонтанным, способным преодолевать генетические инструкции и действовать относительно независимо от них. Можно утверждать, что личность как носитель высших психических функций обладает способностью самодетерминации (Выготский, 2005; Леонтьев, 1975). Отсюда любую динамику психических процессов невозможно рассматривать без учета их источника – свойств субъектности личности и контекстов ее активности. Под контекстами понимается множество ситуаций, которые порождаются ризомной организацией субъекта и полицейской деятельности, когда наряду с известной централизацией взаимодействия личного состава друг с другом служебные контакты могут протекать непосредственно от одного сотрудника к другому, иногда минуя избыточную инстанцию власти и управления. Такая организация обладает большими возможностями к обновлению, проявлению сотрудниками инициативы и творчества и одновременно устойчивости в условиях изменения социально-

психологических условий профессиональной деятельности. При этом сотрудник полиции в такой ризомной организации достигает подлинной субъектности, устремлен к профессиональному самоопределению, возвращает над собой власть и силу, преобразует ее в соответствии со своими интенциями и волей. Для такого субъекта открывается возможность посредством познания законов и механизмов работы сознания, овладения различными психотехниками научиться контролировать поток собственного сознания.

Для сотрудника полиции на транспорте выход за пределы психических или физических возможностей человека может быть типичным или нетипичным фактом, но всегда выход за пределы сознания в изменяющую существование реальность является субъективно экстремальной ситуацией. Трансцендирующее сознание конституируется именно ситуацией экстремальности в контексте переживания угрозы безопасности на объектах транспортной инфраструктуры. Воспринимаемая опасность по-новому тематизирует опыт и структуру сознания личности, актуализирует ее рефлексивный и нормативно-ценностный потенциал, потребность в законе и порядке, предсказуемости событий, устойчивости, уверенности, защищенности от опасности, которые на экзистенциальном уровне переживаются субъектом в сложившейся ситуации. При этом трансцендентное состояние «Я» задает измененную форму сознания, актуализирует установки на процессах непрерывного восприятия и понимания мира вещей, объектов и субъектов с новой точки зрения, в новом свете динамики смыслов служебно-профессиональной деятельности.

Философы рассматривают трансцендентальное как способность «внутренней духовной жизни человека» выходить за пределы чисто внутреннего личного мира «Я» в мир познания «мысленных объективностей» (Франк, 1997), которые имеют статус подлинной реальности. Только такого рода акты трансценденции дают возможность что-то понять, узнать, умственно овладеть конкретным существом реальности, причем не косвенно, опосредованно, а непосредственно. М. Мамардашвили для отображения сущности трансцендентального использует понятия «сдвиг», «смещение», «диссимметрия» (Мамардашвили, 1988).

Известный психолог Карл Густав Юнг утверждал, что психологическая трансцендентная функция возникает из объединения состояний сознательного и бессознательного (Юнг, 2022, с. 98). Для трансцендентной функции характерно активное воображение, работа ассоциаций, при котором происходит взаимодействие «сознательного ума» с образами и аффектами бессознательного на основе механизма эмерджентности, т. е. усиления когнитивных возможностей личности.

Исходя из существующего в психологии мнения, что «наше сознание – это всегда “сознание – о”», т. е. сознание о предметах, объектах познания, находящихся вне его, которые в познании должны отражаться и выражаться (Бердяев, 2003, с. 26). В данном случае речь идет о трансцендентном сознании, которое оперирует тем, что находится вне его, тогда как сознание эмпирическое, наоборот, оперирует только тем, что находится в нем самом и поэтому доступно для операций познания, именно «предмет» или «предметности» (по Э. Гуссерлю), буквально «то, что стоит напротив», так как именно этот эмпирический предмет конституируется сознанием и отличается от трансцендентального предмета или объекта, существующего вне сознания (Гуссерль, 2008, с. 55). Вместе с тем сознание, как правило, работает со знаками и связанными с ними образами. С этими знаками сознание может делать все, что захочет. Однако как сознательное управление эмпирическим сознанием и мышлением, так и механизм перехода от привычного саморегулирования к новому способу саморегулирования трансцендентным сознанием очень непрост и зависит от активности и определенного опыта человека. Появление способности субъекта к самотрансценденции собственного сознания можно приравнять к появлению нового типа причинности. С развитием искусственного интеллекта подобного рода причинности будут неизбежно усиливать свой

потенциал. В результате обладания новым типом причинности, профессиональной компетентностью, деятельностью и саморегуляция опыта субъекта становятся эквивалентными созданию требуемого уровня безопасности социальных и когнитивных сред, определенных организационных форм и устойчивых структур социальных взаимодействий в совместной деятельности сотрудников, нормативных систем, сочетающих личные и групповые интересы.

В каком-то смысле установка личности сотрудника на восприятие, понимание, оценку и соответствующую реакцию в пространстве и времени служебной деятельности требует от него значительных усилий. На языке субъектно-деятельностной теории такое усилие и называется трансцендированием опыта, существующего класса порядка, существующих психических механизмов активности в форме внутренних интенций, направленных к выходу, за пределы предметов, объектов и образов, составляющих символическое состояние безопасности. Внутренней силой трансценденции выступают чувство долга и ответственность, что оказывается значимым для психологической безопасности как самого индивида, так и всего общества.

Наличие вне сознания множества объектов и субъектов, что присуще самой структуре сознания, имманентно полагает существование проблемы интерсубъективности, т. е. признания наличия и другого «Я», существование других сознаний, равноправных моему собственному, и других субъектов индивидуального опыта. Благодаря интерсубъективности появляется возможность постижимости других «субъективных реальностей». Это обуславливается единством по крайней мере некоторых целей, смыслов и интенций других людей, так как мир «моего сознания» является «общим обиталищем человечества» (по Э. Гуссерлю). Тем не менее, по мнению Н. А. Бердяева, для познания именно субъекта, а не объекта-феномена, надо предварительно освободиться как от «зашоренности», так и от ложных установок сознания, так как ложная интенциональность сознания – направленность его на объект, а не на субъект – источник рабства человека» (Бердяев, 2012, с. 382).

При этом разнообразие образов восприятия и сценариев познавательных актов обусловлено развитостью культуры безопасности сотрудников полиции на транспорте, плотностью ценностно-смысловой базы служебной деятельности, а также «аппаратом категориальных схем», интегрирующим диалектический и синергетический подходы (Разумов, 2020), поддерживающим согласование различных креативных состояний субъектов «потока ныряющего сознания» в форме перевода культурного потенциала субъектов деятельности в его активное состояние. Культура индивидуальной и коллективной безопасности сотрудников полиции выступает в качестве мультипликатора способностей личности сотрудника в познании и контроле правовой реальности.

Заключение

Можно сделать следующий вывод: совместное функционирование эмпирического сознания и мышления, способность личности выходить за пределы собственной реальности возможны только потому, что трансцендирующее сознание и мышление являются основными атрибутами личностной активности (Мамардашвили, 1994, с. 6). И это всегда есть особый режим, в котором и осуществляется непрерывное воспроизводство порядка безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, а также юридических, культурных, моральных и иных видов порядков. Тем самым эмпирическое сознание и мышление, а также трансцендирующее сознание и мышление, оба типа сознания и мышления вытекают из особенностей этих видов порядков и режима поддержания безопасности, структурируются ими, направляются на цель соответствующей доминантой. В свою очередь, личность получает возможность открыть для себя свою подлинную сущность, способность понимать и воспроизводить себя в этом мире в качестве субъекта только в пространстве трансцендирующего сознания и мышления. Между тем возникает вопрос, а при каких условиях и возможно ли реально помыслить

свою собственную трансцендентность сознания прозрачного для самого себя в предпосылках собственного мышления (Катречко, 2009). По всей видимости, это можно помыслить только при условии подлинной свободы личности и наличия опыта произвольного трансцендирования в пространстве многомерного и многоуровневого потока сознания, наполненного образами, символами, высокоорганизованными структурами деятельности, традициями, ритуалами и нормами межчеловеческих отношений.

Список литературы

- Анохин, К. В. (2021). Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания. *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*, 71(1), 39–71. <https://doi.org/10.31857/S0044467721010032>
- Безденежных, Б. Н. (2004). *Психофизиологические закономерности взаимодействия функциональных систем при реализации деятельности* [Диссертация доктора психологических наук].
- Бердяев, Н. А. (2003). *О назначении человека: Опыт парадоксальной этики*. АСТ.
- Бердяев, Н. А. (2012). *Опыт эсхатологической метафизики*. Директ-Медиа.
- Бурханов, Р. А. (2000). *Проблема трансцендентального, имманентного и трансцендентного в философии Иммануила Канта* [Автореферат диссертации доктора философских наук].
- Выготский, Л. С. (2005). *Психология развития человека*. Смысл: Эксмо.
- Гаврилова, Ю. В. (2015). Синкретизм как фактор формирования и эволюции социальной реальности. *Гуманитарный вектор*, (2), 29–34.
- Грушицкая, М. А. (2019). Импрессионизм в философской прозе В.В. Розанова (на примере «Уединенного» и «Опавших листьев»). *Идеи и идеалы*, 11(1), 395–405.
- Гуссерль, Э. (2008). *Идея феноменологии: Пять лекций* (Н. А. Артеменко, пер.; И. И. Мавринский, вступ. ст. и коммент.). Гуманитарная Академия.
- Катречко, С. Л. (2009). Трансцендентальная модель сознания как последовательное преодоление субстанционализма (Декарт, Кант, Гуссерль...). В *Ломоносовские чтения: Материалы научной конференции кафедры философии естественных факультетов философского ф-та МГУ* (с. 109–117). МАКС Пресс.
- Клочко, В. Е., Галажинский, Э. В., Краснорядцева, О. М., & Лукьянов, О. В. (2015). Системная антропологическая психология: понятийный аппарат. *Сибирский психологический журнал*, 56, 9–20. <https://doi.org/10.17223/17267080/56/2>
- Лакофф, Д., & Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем* (А. Н. Баранов и А. В. Морозова, пер.; А. Н. Баранов, ред. и предисл.). УРСС.
- Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. Политиздат.
- Мамардашвили, М. (1988). Проблема сознания и философское призвание. *Вопросы философии*, (8), 37–47.
- Мамардашвили, М. К. (1994). Философия и личность. *Человек*, (5), 5–19.
- Меркушева, О. В. (2025a). Представление об атрибуции познания опасных явлений в деятельности сотрудников полиции на транспорте. *Российский девиантологический журнал*, 5(1), 108–116. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-108-116>
- Меркушева, О. В. (2025b). *Психологические особенности атрибуции познания в деятельности сотрудников полиции на транспорте* [Диссертация кандидата психологических наук, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации].
- Разумов, В. И. (2020). Категориальные схемы в междисциплинарных исследованиях. *Вестник Омского университета*, 25(2), 70–74. [https://doi.org/10.24147/1812-3996.2020.25\(2\).70-74](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2020.25(2).70-74)
- Рубинштейн, С. Л. (2002). *Основы общей психологии*. Питер.

- Рябушкина, Т. М. (2023). Трансцендентально-феноменологический анализ сознания: восприимчивость и производительность субъекта как условия возможности опыта. *Вопросы философии*, 6, 104–115. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-6-104-115>
- Скопич, Н. П. (2013). Теория концептуальной метафоры. *Language & Science*, (2). <https://elibrary.ru/jspui/handle/ru-tsu/21294>
- Ухтомский, А. А. (2004). *Доминанта: Статьи разных лет*. Питер.
- Франк, С. Л. (1997). *Реальность и человек*. Республика.
- Чиксентмихайи, М. (2011). *В поисках потока: Психология включенности в повседневность*. Альпина нон-фикшн.
- Шабанов, Л. В. (2023). Апперцепция как предмет психологии. *Ярославский педагогический вестник*, 5 (134), 201–211. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2023_5_134_201
- Юнг, К. Г. (2022). *Динамика бессознательного* (В. Желнинов, пер.). АСТ.

References

- Anohin, K. V. (2021). Kognitom: v poiskah fundamental'noj nejronauchnoj teorii soznaniya. *Zhurnal vysshej nervnoj deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*, 71(1), 39–71. <https://doi.org/10.31857/S0044467721010032>
- Bezdenzhnyh, B. N. (2004). *Psihofiziologicheskie zakonomernosti vzaimodejstviya funkcional'nyh sistem pri realizacii deyatel'nosti* [Dissertaciya doktora psihologicheskikh nauk].
- Berdyayev, N. A. (2003). *O naznachenii cheloveka: Opyt paradoksal'noj etiki*. AST.
- Berdyayev, N. A. (2012). *Opyt eskhatologicheskoy metafiziki*. Direkt-Media.
- Burkhanov, R. A. (2000). *Problema transtsendental'nogo, immanentnogo i transtsendetnogo v filosofii Immanuila Kanta* [Avtoreferat dissertatsii doktora filosofskikh nauk].
- Vygotskij, L. S. (2005). *Psihologiya razvitiya cheloveka*. Smysl: Eksmo.
- Gavrilova, Yu. V. (2015). Sinkretizm kak faktor formirovaniya i evolyucii social'noj real'nosti. *Gumanitarnyj vektor*, (2), 29–34.
- Grushitskaya, M. A. (2019). Impressionizm v filosofskoy proze V.V. Rozanova (na primere «Uedinen-nogo» i «Opavshikh list'ev»). *Idey i idealy*, 11(1), 395–405.
- Gusserl', E. (2008). *Ideya fenomenologii: Pyat' lekcij* (N. A. Artemenko, per.; I. I. Mavrinskij, vstup. st. i komment.). Gumanitarnaya Akademiya.
- Katrechko, S. L. (2009). Transcendental'naya model' soznaniya kak posledovatel'noe preodolenie substancionalizma (Dekart, Kant, Gusserl'...). V *Lomonosovskie chteniya: Materialy nauchnoj konferencii kafedry filosofii estestvennykh fakul'tetov filosofskogo f-ta MGU* (s. 109–117). MAKS Press.
- Klochko, V. E., Galazhinskij, E. V., Krasnoryadceva, O. M., & Luk'yanov, O. V. (2015). Sistemnaya antropologicheskaya psihologiya: ponyatijnyj apparat. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 56, 9–20. <https://doi.org/10.17223/17267080/56/2>
- Lakoff, D., & Dzhonson, M. (2004). *Metafor, kotorymi my zhivem* (A. N. Baranov i A. V. Morozova, per.; A. N. Baranov, red. i predisl.). URSS.
- Leont'ev, A. N. (1975). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Politizdat.
- Mamardashvili, M. (1988). Problema soznaniya i filosofskoe prizvanie. *Voprosy filosofii*, (8), 37–47.
- Mamardashvili, M. K. (1994). Filosofiya i lichnost'. *Chelovek*, (5), 5–19.
- Merkusheva, O. V. (2025a). Predstavlenie ob atribucii poznaniya opasnykh yavlenij v deyatel'nosti sotrudnikov policii na transporte. *Rossiiskij deviantologicheskij zhurnal*, 5(1), 108–116. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-108-116>
- Merkusheva, O. V. (2025b). *Psihologicheskie osobennosti atribucii poznaniya v deyatel'nosti sotrudnikov policii na transporte* [Dissertaciya kandidata psihologicheskikh nauk, Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii].

- Razumov, V. I. (2020). Kategorial'nye skhemy v mezhdisciplinarnykh issledovaniyakh. *Vestnik Omskogo universiteta*, 25(2), 70–74. [https://doi.org/10.24147/1812-3996.2020.25\(2\).70-74](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2020.25(2).70-74)
- Rubinshtejn, S. L. (2002). *Osnovy obshchej psikhologii*. Piter.
- Ryabushkina, T. M. (2023). Transcendental'no-fenomenologicheskij analiz soznaniya: vospriimchivost' i proizvoditel'nost' sub'ekta kak usloviya vozmozhnosti opyta. *Voprosy filosofii*, 6, 104–115. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-6-104-115>
- Skopich, N. P. (2013). Teoriya konceptual'noj metafory. *Language & Science*, 2. <https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/21294>
- Uhtomskij, A. A. (2004). *Dominanta: Stat'i raznykh let*. Piter.
- Frank, S. L. (1997). *Real'nost' i chelovek*. Respublika.
- Chiksentmihaji, M. (2011). *V poiskah potoka: Psihologiya vklyuchennosti v povsednevnost'*. Al'pina non-fikshn.
- Shabanov, L. V. (2023). Apperpepciya kak predmet psikhologii. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 5 (134), 201–211. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2023_5_134_201
- Yung, K. G. (2022). *Dinamika bessoznatel'nogo* (V. Zhelninov, per.). AST.

Информация об авторах

Юрий Александрович Шаранов – доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ольга Владимировна Меркушева – преподаватель кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the authors

Yuri A. Sharanov – Dr. Sci. (Psy.), Professor, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Olga V. Merkusheva – Lecturer of the Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 29.10.2025

Одобрена после рецензирования 20.03.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted October 29, 2026

Approved after reviewing March 20, 2026

Accepted July 30, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.9

Личность рецидивиста в контексте представлений о преступлении и наказании: криминально-психологическое исследование

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444**Татьяна Васильевна Пивоварова**

Санкт-Петербургский университет ФСИН России
(Санкт-Петербург, Россия)
Tanyabeer@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3627-5455**Аннотация**

Введение. Актуальность исследования определяется необходимостью противодействия рецидиву преступлений и повышения эффективности профилактики преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами. Исследование нацелено на восполнение недостатка информации о роли представлений о преступлении и наказании, их моральной оценки в регуляции противоправного поведения. Полученные сведения позволяют применить субъектно-деятельностный подход к изучению личности рецидивиста, дополняя новые сведения об уровне антиобщественных представлений и социально-психологической дезадаптации в группах рецидивистов, совершающих насильственные и корыстные преступления. **Целью** исследования выступает теоретическое описание субъективных представлений о преступлении и наказании как составляющих личности рецидивиста, эмпирическая оценка их уровня в зависимости от количества рецидива. **Методы:** теоретическое исследование осуществляется методами анализа и синтеза теорий и концепций личности рецидивиста. Методы конкретизации и концептуализации применяются для обобщения сведений о роли представлений о преступлении и наказании. Эмпирическое исследование осуществляется методом опроса, обработка результатов выполняется методами корреляционного (по Спирмену), сопоставительного (U-критерий), множественного регрессионного и ковариационного анализа для выявления роли представлений о преступлении и наказаний, уровня вины и стыда в выборках неоднократно судимых лиц. Выборку составляют 911 судимых лиц, средний возраст которых 38,2 года, количество судимостей от 2 до 13. **Результаты:** на основе анализа теорий и концепций изложены теоретические подходы к описанию личности рецидивиста (дифференциально-типологический, социально-психологический и субъектно-деятельностный). Показано, что представления о преступлении и наказании могут рассматриваться в качестве регуляторов социального поведения, а уровень их выраженности изменяется в зависимости

от циклов рецидива. Выявлено, что уровень антиобщественных представлений изменяется на этапе от второй до четвертой судимости. К пятой судимости антиобщественные представления о преступлении и наказании выражены у 92 % рецидивистов, завершая формирование личности рецидивиста. Установлены различия в переживании вины и стыда в зависимости от циклов рецидива: если при двух судимостях уровень вины и стыда составляет 100 %, то с каждым циклом он снижается у корыстных рецидивистов на 18–19 %; у насильственных – на 23–28 %, достигая к пятой судимости уровня лишь 35–40 % от исходного, а к седьмой судимости уровень вины и стыда фактически пропадает. Результаты применимы для разработки методов диагностики риска рецидива, разработки моделей психопрофилактической работы, основанной на модификации субъективных представлений рецидивистов о преступлении и наказании.

Ключевые слова

личность преступника, личность рецидивиста, психология рецидива, рецидивная преступность, вина, пробация, реинтеграция

Для цитирования: Злоказов, К. В., Пивоварова, Т. В. (2026). Личность рецидивиста в контексте представлений о преступлении и наказании: криминально-психологическое исследование. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 253–287.

Original paper

Recidivist personality in the context of crime and punishment perceptions: a criminological and psychological study

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Tatyana V. Pivovarova

Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

Tanyabeer@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3627-5455

Abstract

Introduction. The relevance of the research stems from the need to counteract recidivism and to improve the effectiveness of preventive measures against crimes committed by previously convicted individuals. The study aims to overcome the lack of information regarding the role of perceptions of crime and punishment, as well as their moral evaluation, in regulating unlawful behaviour. The findings obtained make it possible to apply a subject-activity approach to the study of the personality of repeat offenders, providing further understanding of the extent of antisocial attitudes and socio-psychological maladjustment in groups of recidivists who commit violent and acquisitive crimes. **The aim of the study** is to provide a theoretical description of subjective perceptions of crime and punishment as components of a recidivist's personality, and to conduct an empirical assessment of their

level in relation to the number of repeat offences. **Methods:** The theoretical research is carried out by means of the analysis and synthesis of theories and concepts relating to the personality of repeat offenders. Methods of concretisation and conceptualisation are used to generalise findings on the role of perceptions of crime and punishment. The empirical research is based on a questionnaire survey, the results are processed using correlation analysis (Spearman's), comparative analysis (U-test), multiple regression analysis and covariance analysis in order to identify the role of perceptions of crime and punishment, levels of guilt and shame in samples of repeatedly convicted offenders. The sample comprises 911 convicted individuals, with an average age of 38.2 years; the number of convictions ranges from 2 to 13. **Results:** Based on an analysis of theories and concepts, theoretical approaches for describing the personality of a repeat offender (differential-typological, socio-psychological and subject-activity-based ones) are given. The study demonstrates that perceptions of crime and punishment can be regarded as regulators of social behaviour, whereas their intensity varies depending on the cycles of criminalisation. The study revealed that the level of antisocial perceptions changes between the second and fourth convictions. By the fifth conviction, 92% of repeat offenders express antisocial perceptions of crime and punishment, thereby completing the formation of the repeat offender's personality. Differences are identified in the experience of guilt and shame depending on the cycle of recidivism: whilst the level of guilt and shame stands at 100% for those with two convictions, it decreases by 18–19% with each cycle among profit-motivated recidivists; by 23–28% among violent offenders, reaching only 35–40% of the initial level by the fifth conviction; by the seventh conviction, the level of guilt and shame practically disappears. The findings can be used in working out methods for assessing the risk of reoffending and in developing models for psychopreventive work based on modifying reoffenders' subjective perceptions of crime and punishment.

Keywords

offender profile, repeat offender profile, psychology of recidivism, recidivism, guilt, probation, reintegration

For citation: Zlokazov, K. V., Pivovarova, T. V. (2026). Recidivist personality in the context of crime and punishment perceptions: a criminological and psychological study. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 253–287.

Введение

Актуальность. Личность рецидивиста выступает актуальным предметом научного и практического интереса в связи с общественной опасностью преступного поведения, задачами его профилактики и предупреждения. Можно полагать, что рецидивная преступность¹ является вызовом институту правоохранительной деятельности, поскольку ее субъект оказался устойчив по отношению к применяемым в отношении его мерам уголовной ответственности и действиям по профилактике преступлений. Более того, несмотря на их использование, общественная опасность данной категории лиц не только не снижается, но и возрастает (Филиппова, 2025).

Личность рецидивиста характеризуется наличием устойчивой направленности, допускающей совершение преступления. Такая специфика особенно проявляется в ситуациях выбора между противоправным и правопослушным поведением, которых рецидивист не только не избегает, но и сознательно создает. Дополняет эту черту готовность подвергнуться уголовному наказанию и отбывать его в условиях лишения свободы многие годы. Через призму

¹ Под рецидивными преступлениями в статье подразумеваются преступления, совершенные лицами, имеющими неснятую и непогашенную судимость.

криминологических описаний личность рецидивиста характеризуется стойкой антиобщественной направленностью, сопротивляющейся усилиям по ресоциализации в пенитенциарный период, а в постпенитенциарный период – нежеланием reintegrироваться в общество (Антонян, 2014; Кунц, 2025; Цветаева, 2024).

Данные статистики показывают, что рецидивная преступность при общих темпах снижения преступности в нашей стране в последние пять лет остается на высоком уровне. В 2025 г. более половины (53,7 %) преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления², причем жертвами рецидивных преступников становятся члены семьи, родственники и ближайшее социальное окружение. По данным статистической отчетности за 2024 г., структура преступности ранее судимых лиц выражена весомой долей от общего количества преступлений: корыстных (кражи – 52,5 %, грабежи, разбои – 56,3 %); насильственных (убийства – 32,5 %, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, побои – 56,2 %) деяний³. Эти данные свидетельствуют о том, что успехи в противодействии противоправному поведению рецидивистов вызваны не повышением эффективности мер правового, психологического и воспитательного воздействия, а снижением общего уровня криминализации общества. В связи с этим изучение личности рецидивиста в конкретно-прикладном аспекте видится необходимым условием раскрытия причин невосприимчивости лиц к уголовно-правовому, уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному воздействию.

В общесоциальном аспекте изучение личности рецидивиста позволяет понять механизм существования и воспроизводства преступности в обществе путем демонстрации психологических причин этой преступности. Благодаря изучению такого механизма становится понятно, как формируется личность рецидивиста, какое значение здесь имеют индивидуальные особенности, а какое – условия пенитенциарного и постпенитенциарного этапов криминализации.

При высокой значимости изучения психологии личности рецидивиста отечественные знания базируются в основном на криминологических теориях и концепциях. Несмотря на достаточную теоретическую проработку и доказательность, они не объясняют психологических механизмов формирования и развития рецидива преступления и не позволяют судить об особенностях личности рецидивиста, которые выражают «...степень закоренелости и привычку к преступлению, определяющую преступную волю, придающую ей особенно опасный характер...» (Козлов & Севастьянов, 2015).

Вместе с тем эти теории образуют прочный фундамент, объясняющий специфику личности рецидивиста описанием различных психологических образований, побуждающих к совершению рецидива преступления. Их обобщение и эмпирическая проверка могут способствовать выявлению ключевых компонентов, характеризующих антиобщественную сущность личности рецидивиста, ее социально-психологическую дезадаптированность и нарушения моральной регуляции поведения.

В связи с этим **целью** исследования является теоретическое описание субъективных представлений о преступлении и наказании как составляющих личности рецидивиста, эмпирическая оценка их уровня в зависимости от количества рецидивных проявлений.

Источниками знаний о личности рецидивиста в исследовании выступают концепции и идеи, разработанные отечественными и зарубежными криминологами и криминальными психологами. **Задачей** теоретического исследования является изучение подходов к описанию

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. (2026). *Состояние преступности в России за январь–декабрь 2025 года* [Статистический сборник]. <https://media.mvd.ru/files/application/16902466>

³ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. (2026). *Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год*. <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946>

личности рецидивиста и выделение роли представлений о преступлении и наказании как ключевых образований, влияющих на отношение рецидивиста к себе и окружающим, проявляющихся в социально-психологической дезадаптации и нарушениях моральной регуляции поведения. *Эмпирической задачей* является проведение исследования данных представлений у неоднократно судимых лиц, определение их антиобщественного характера, влияющего на риск совершения преступлений и способствующего социальной дезадаптации.

Теоретическим основанием исследования выступают концепция социального мышления (Абульханова, 2002) и онтологическая концепция социального взаимодействия (Леонов, 2004), применяемые нами для объяснения роли представлений в регулировании социального поведения. Представления о преступлении и наказании рассматриваются как образования, формирующие отношение личности к себе и обществу, регулирующие социальное поведение и способствующие совершению правонарушений. Как категория психологических образований представления предстают разновидностью субъективной интерпретации знаний о преступлении и наказании, опосредованной эмоциональным отношением к ним, сформированным на основе опыта (Злоказов, 2021). Представления отражают не только опыт личности, ее знания и иную (образную, перцептивную, сенсорную) информацию, запечатленную в памяти, но и сведения, полученные от окружающих. Представления участвуют в процессах самосознания и познания окружающей действительности, деятельности и взаимодействия с окружением.

Изложенные теоретические основания применяются нами для изучения представлений рецидивистов о преступлении и наказании. Материал статьи разделен на части в соответствии с поставленными задачами.

В первой части обсуждаются теоретические подходы к определению личности рецидивиста, формулируется идея о субъективных представлениях рецидивиста относительно преступления и наказания как ведущем образовании, характеризующем личность и побуждающем к противоправному поведению.

Во второй части статьи проводится эмпирическое исследование представлений, позволяющее установить их антиобщественный характер и динамику развития в зависимости от количества циклов рецидива. Результаты исследования подвергаются интерпретации, в которой дается описание психологии личности рецидивиста, формирующих ее компонентов (антиобщественных представлений о преступлении и наказании, представлений о социально-психологической дезадаптации) и изменений их уровня в зависимости от цикла рецидива (совершение преступления – отбывание наказания – постпенитенциарная реинтеграция).

Представление о личности рецидивиста и подходы к ее рассмотрению в криминологии и криминальной психологии

Подходы к анализу личности рецидивиста в целом тождественны подходам к изучению личности преступника и ориентированы на изучение ее психологических составляющих (Эминов & Антонян, 2015).

Вместе с тем исследование психологии рецидива требует объяснения многолетней устойчивости личности к уголовно-правовому воздействию, нечувствительности к уголовному наказанию, которые приводят к совершению преступлений.

Признавая необходимость изучения личности рецидивиста на разных этапах рецидива (до и в период совершения преступления, уголовного преследования, отбывания наказания, после освобождения), принципиально важно определить его психологический механизм, выяснить, может ли он быть связан с индивидуально-типологическими особенностями или выступать результатом воздействия социальных условий, общественных

отношений, влияющих на личность. Полагаем, что результатом разработки представления о личности рецидивиста должен выступить механизм, объясняющий, какие психологические основания побуждают к противоправному поведению, какие повышают устойчивость к уголовному наказанию, а какие снижают влияние на субъекта, отбывшего назначенное ему уголовное наказание.

Теоретические знания о личности рецидивиста могут быть представлены в виде трех условно не зависимых друг от друга подходов – дифференциально-типологического, социально-психологического и субъектно-деятельностного. Рассмотрим их более подробно.

1. Дифференциально-типологический подход к определению личности рецидивиста, описывающий ее в виде структуры и составляющих ее компонентов (Новикова, 2021)

Разрабатываемые определения личности характеризуют ее через совокупность психологических образований (индивидуально-типологических, когнитивных, эмоциональных, регулятивных, потребностно-мотивационных, ценностно-смысловых и иных). Комплексы компонентов различаются масштабом и могут включать от одного ведущего личностного фактора (психопатологического (p-factor)) (DeLisi et al., 2022) до нескольких разноуровневых образований, относимых по своему генезу к разным этапам формирования психики. Так, Е. М. Разумова использует модель компонентов личности, предложенную Б. Г. Ананьевым (коммуникативных, интеллектуальных, эмоциональных, волевых), устанавливая на ее основе отличия, присущие рецидивистам. Е. А. Антонян причисляет к структуре личности рецидивиста «убеждения, взгляды, интересы, ориентации, умения, навыки, привычки, стереотипы поведения, темперамент, установки» (Антонян, 2022, с.153). Е. Б. Кургузкина относит к структуре личности социально-демографические признаки, конституционные и нейродинамические свойства, психодинамический уровень, психологические характеристики и самосознание (Кургузкина, 2003, с. 30).

Следует отметить, что проводимые в российской криминальной психологии исследования не нацелены на создание качественно новой модели личности, а выделяют составляющие общепсихологических моделей личности, присутствующие у неоднократно судимых лиц.

В зарубежных исследованиях делаются попытки разработки моделей личности рецидивиста на основе специфических свойств. Для этого используются их группировки, устойчиво связанные с антиобщественным поведением (например, «Темная триада») (Opriş et al., 2025). С их помощью устанавливается функциональное значение свойств личности (например, эмоциональной нечувствительности, садизма, мстительности, лживости и нарциссизма) в детерминации рецидива преступления. В рамках когнитивных исследований рецидивистов изучению подвергаются присущие им стили мышления (концепция «стилей криминального мышления»), показывающие специфические составляющие, отсутствующие у неосторожных преступников и правонарушителей (Walters, 2025). В их числе выделяют: а) проактивное криминальное мышление, свойственное корыстным преступникам, которое ориентировано на получение выгоды от совершения преступления и морального самооправдания этого поступка; б) реактивное мышление, присущее преступникам, склонным к криминальному насилию, характеризующееся враждебностью, гневливостью и неспособностью просчитывать последствия собственных действий (Злоказов, 2014).

Наряду с дифференциацией компонентов личности рецидивиста применяется и типологический подход, описывающий симптомокомплексы свойств и качеств личности. Примерами такого подхода служат исследования индивидуальных особенностей, связанных с психопатией (Moretti et al., 2024) и асоциальными расстройствами (Allen et al., 2024), присущими рецидивистам. Помимо клинических (субклинических) предпосылок предметом исследования выступают различия в свойствах личности, выраженных у рецидивистов. Так, кластерный

анализ опроса 2 388 преступников продемонстрировал, что криминогенный потенциал могут характеризовать совокупные проявления высокого уровня импульсивности в сочетании со сниженными когнитивными способностями, нарушениями регуляции эмоционального состояния и антиобщественной направленностью (Werth & Coolidge, 2025). Наряду с изучением различий рецидивистов и правопослушных лиц осуществляются и внутрипопуляционные исследования, описывающие личностные особенности рецидивистов, склонных к разным видам преступлений. Например, в работе Е. А. Левиной (Левина, 2004) рассматриваются личностные особенности рецидивистов, совершивших насильственные, корыстные и иные виды преступлений. Таким образом, с дифференциально-типологической точки зрения личность рецидивиста определяется комплексом компонентов, обуславливающих «...степень устойчивости отрицательного отношения к обществу, ...степень антисоциальных установок, ...возможной или доказанной неисправимости...» (Козлов & Севастьянов, 2015).

Признавая состоятельность дифференциально-типологического подхода, отметим специфику, снижающую его применимость к объяснению психологии рецидива преступления.

Анализируя присущее дифференциально-типологическому подходу представление о личности как устойчивой и неизменной совокупности свойств, следует указать на его ограниченность. Присоединяясь к мнению Е. Б. Кургузкиной о том, что личность преступника «...не есть нечто застывшее, раз и навсегда сформировавшееся. Иначе было бы невозможно предупреждение преступлений» (Кургузкина, 2003, с. 30), отметим, что личность рецидивиста может характеризоваться как психологическое состояние, в котором антиобщественные и противоправные представления сохраняются продолжительное время.

2. Социально-психологический подход, объясняющий психологию рецидива преступления проявлением отношения субъекта к социальному взаимодействию и выражением в нем направленности на нарушение правовых норм

Теоретическим основанием подхода являются представления о социальном взаимодействии личности и общества, появившиеся в отечественной криминологии и социальной психологии 60-х гг. XX в. В трактовке А. Б. Сахарова личность рецидивиста характеризуется глубокими и стойкими антиобщественными установками (Сахаров, 1961). Считая, что преступные посягательства рецидивиста обусловлены глубоким укоренением антиобщественных и противоправных установок и неспособностью социального окружения оказывать им противодействие, исследователи разрабатывают соответствующие модели личности. Примером может служить предложенная Г. М. Миньковским типология личности преступника, подвергающегося негативному влиянию социального окружения (Миньковский, 1971). Он описывает случайный тип, чей преступный поступок противоречит направленности личности; неустойчивый тип, совершающий преступления под влиянием обстоятельств; негативно ориентированный тип личности, находящийся в криминализованной социальной среде с антиобщественным времяпрепровождением; преступный тип, имеющий внутреннюю установку на поиск и организацию повода для совершения преступления. Еще один пример – типология А. М. Яковлева, основывающаяся на оценке десоциализации преступника и дифференцирующая его на антисоциальный, асоциальный и социализированный типы. По мнению исследователя, антисоциальный тип руководствуется собственными аморальными установками и позициями, проявляющимися в совершении преступления; асоциальный тип не считается с социальными нормами и правилами, а социализированный тип разделяет и соблюдает их, но под влиянием ситуации может их нарушить (Яковлев, 1971).

В современных исследованиях социально-психологическая линия представлена предложенной В. И. Горкиным типологией личности рецидивиста, разработанной на основании глубины и стойкости антиобщественной направленности и подразделяющей рецидивистов

на антисоциальных, асоциальных и ситуативных (Горкин, 2007); характеристикой личности рецидивиста, данной И. С. Лебешевым, который выделил устойчивость антиобщественного поведения, эгоцентричность и высокую степень адаптивности личности рецидивиста, что, по его мнению, позволяет вести паразитический образ жизни (Лебешев, 2025); а также работами Е. В. Кунц, отмечающей значение компонентов личности, обеспечивающих подверженность судимого лица негативному влиянию социального окружения (Кунц, 2025).

Ограничения социально-психологического подхода к определению личности рецидивиста обусловлены идеей о том, что личность является «социальным проектом», а общество играет ведущую роль в ее формировании (Злоказов, 2021). Соглашаясь с тем, что общество в целом и социальное окружение в частности в значительной степени формируют личность преступника, опрометчиво предполагать подобное в отношении личности рецидивиста. Принятие решения о совершении преступления при осознании уголовно-правовых последствий этого деяния не только опирается на моральные качества, но и зависит от субъективного представления о его приемлемости, допустимости, рациональной оценки баланса положительных и отрицательных последствий (Кургузкина, 2003; Пастушеня, 2010; Коноплева и др., 2022). Полагая, что неоднократно судимое лицо не принимает во внимание этих условий, социально-психологический подход игнорирует значение в совершении преступления самого субъекта, действующего под влиянием собственных представлений, убеждений и ценностей. Вызывает сомнения идея предупреждения рецидива преступления из-за дефектов личности за счет выстраивания внешнего сдерживающего противовеса (например, усиления репрессивно-карательных мер) сдвигает фокус внимания с личности рецидивиста на институт социализации и систему профилактики преступлений (Сахаров, 1961).

3. Субъектно-деятельностный подход, определяющий личность рецидивиста в совокупности психологических компонентов, необходимых для рецидива преступления

В таком контексте личность представляет собой функциональную систему, результатом деятельности которой является преступление, а психологические составляющие выполняют роль элементов внутреннего механизма осуществления преступной деятельности. Несмотря на то что в данном подходе личность сводится к совокупности психологических характеристик, вызывающих совершение повторного преступления (Глухов & Егерева, 2019), их диапазон весьма широк. Здесь уместно вспомнить выполненную К. К. Платоновым дифференциацию преступников по вероятности рецидива преступлений. Он подразделяет их на случайно-небрежных (не осознающих противозаконности своих действий); оступившихся (осознающих противоправность своих действий); привычных правонарушителей (готовых к совершению преступления); преступных личностей (имеющих низкий порог совершения противоправных деяний и обладающих устойчивой способностью к преступным деяниям). А. Г. Ковалев характеризует личность преступника по криминальной зараженности (склонности к совершению преступлений). Он выделяет предкриминальный тип (лентяй легкомысленный, эмоционально возбудимый); преступный парциальный тип личности (с частичной (неполной) зараженностью); преступный глобальный тип личности (отличающийся твердостью преступной воли и стойкой неколебимостью в желании осуществить уголовные (преступные) деяния) (Ковалев, 1968).

Обратим внимание на один из вариантов развития субъектно-деятельностного подхода к описанию личности рецидивиста – регулятивный. Он фокусируется на личностных компонентах, управляющих поведением преступника. Примером регулятивного подхода к личности преступника может служить концепция, разработанная А. Н. Пастушеней, включающая компоненты психологической регуляции преступления и внутриличностные уровни ее осуществления (Пастушеня, 2010). В отличие от субъектно-деятельностного подхода, целью

регуляции является механизм контроля над поведением как непосредственно при совершении преступления (описывающем подготовку, совершение и постпреступное поведение), так и в расширительном значении, охватывающем жизнедеятельность рецидивиста в определенный период ее осуществления (допениденциарный, пениденциарный, постпениденциарный).

В этом контексте заслуживают внимания исследования, описывающие компоненты внутриличностной регуляции социального поведения. В работе И. Н. Коноплевой с соавторами описываются особенности волевой саморегуляции осужденных, совершивших преступления при рецидиве. К ним авторы относят низкий уровень планирования, самостоятельности и слабый эмоциональный отклик в ответ на неудачу при достижении цели (Коноплева и др., 2022). Помимо компонентов самоуправления поведением изучению подвергается и ценностно-смысловая сфера личности рецидивиста. Раскрытию значения ценностей и описанию ценностно-нормативного ядра личности преступника посвящены работы А. Р. Ратинова, показавшего значение этой сферы в совершении преступления (Ратинов, 1981). О сознательных и подсознательных механизмах саморегуляции для рецидива преступления писал М. И. Еникеев, характеризовавший личность рецидивиста как результат дефектов саморегуляции, сочетающихся с антисоциальными ценностными ориентациями и ситуативно-средовой зависимостью (Пахомова, 2023b).

В исследованиях отечественных криминальных психологов отмечается, что моральная сфера выступает внутриличностным контуром регуляции правопослушного поведения. Она оказывает влияние посредством переживания личностью эмоций и чувств в ситуации выбора между противоправным и правопослушным поведением (Макогон & Ениколопов, 2014). Ряд исследователей указывает на ведущее значение вины и стыда для осмысления личностью преступления и переживания уголовного наказания за него (Поминов, 2026), а также реинтеграции в общество после освобождения (Шаранов & Зуева, 2024). Так, J. R. Silver, E. Silver рассмотрели функциональное значение моральной сферы в совершении преступления (Silver & Silver, 2021); Van Vugt и соавторы исследовали роль моральных переживаний в ситуации рецидива преступления (Van Vugt et al., 2011). Анализируя уровень моральной нормативности поведения у рецидивистов с различными временными интервалами между совершением преступлений, Н. А. Цветкова констатирует, что короткий интервал между судимостями обусловлен в том числе низким уровнем морально-нравственной нормативности личности (Цветкова, 2024).

Характеризуя субъектно-деятельностный подход к разработке личности рецидивиста, следует отметить, что его ограничением является зависимость от деятельности, на которую ориентирован субъект. В теориях личности рецидивиста, ориентированных на совершение преступления (например, в пениденциарный либо постпениденциарный период), комплекс характеристик личности будет отличаться, например, от теорий, ориентированных на ресоциализацию, а построение модели личности, которая препятствует совершению преступлений (Щербаков, 2023), потребует, вероятно, формирования иной совокупности свойств личности. Таким образом, зависимость субъектно-деятельностного подхода от необходимости увязывать комплекс личностных детерминант с деятельностью, субъектом которой является рецидивист, вызывает определенные ограничения его использования.

Подводя итог анализу подходов к определению личности рецидивиста, следует отметить разнородность теорий, концепций и идей. Целесообразно определить «точку сборки» различных представлений о личности, которая, с одной стороны, раскрывала бы антиобщественную направленность рецидивиста, побуждающую его к совершению преступлений, а с другой стороны, характеризовала бы психологическое состояние отчуждения от общества,

препятствующее ресоциализации и делающей невозможной реинтеграцию в общество. Несмотря на то что данные параметры имплицитно представлены во всех описанных подходах к личности рецидивиста, они весьма разнородны. Ради выстраивания единого взгляда на психологию рецидива охарактеризуем личность как «субъекта социальных отношений и сознательной деятельности»⁴. Поскольку в такой трактовке личность определяется включенностью в социальные связи в форме занимаемых в них статусов, то для личности рецидивиста правовой статус выступает наиболее значимым среди прочих. При этом статус рецидивиста обладает институциональной и культурной составляющими, совместно регламентирующими как социальное взаимодействие, так и самоотношение личности. Таким образом, личность рецидивиста может быть охарактеризована через систему представлений о себе как субъекте социального взаимодействия с конкретным правовым статусом, причем содержание этих представлений включает как социальные значения, так и субъективное отношение к ним. Совокупность представлений о себе, окружающем мире и обществе пробуждает социальную активность рецидивиста, определяет и регулирует ее направленность.

Конкретизируя новообразования, характеризующие личность рецидивиста, выделим субъективные представления о преступлении и наказании. Они, на наш взгляд, полнее всего выражают отношение неоднократно судимого лица к своему социальному поведению в контексте установленных обществом норм. Данные представления аккумулируют интернализованные социальные значения преступления и наказания, опираясь и охватывая как сферу права, так и сферу морали. Их анализ позволяет обратиться к правовым знаниям личности и ее отношению к праву как к общественно установленному (внешнему по отношению к личности) регулятору социального поведения, а также изучить механизм морального контроля и его субъективных (внутриличностных) регуляторов. Влияние морального контроля раскрывается в переживании вины и стыда, связанных с совершением преступления и установленных в результате наказания правовым статусом (например, преступник, осужденный, судимый). Таким образом, обращение к субъективным представлениям о преступлении и наказании раскрывает внешнюю (правовую) и внутреннюю (моральную) регуляцию поведения рецидивиста.

Оценка моральных представлений в контексте переживаний вины и стыда позволяет характеризовать спектр отношений личности к собственным противоправным действиям и к себе как их субъекту, показывая, каким образом функционирует внутриличностная регуляция социального поведения. Учитывая, что вина и стыд являются интегральными проявлениями моральной сферы личности, выражающими оценку состояния и результатов социального взаимодействия (Короткова, 2002), их изучение крайне важно не только с позиции оценки антиобщественной направленности личности, но и перспектив реинтеграции в общество.

Считая личность рецидивиста не статичным, а динамичным образованием, по своим параметрам близким к категории состояния, следует охарактеризовать факторы, влияющие на ее формирование.

Исследуя изменения личности, связанные с отбыванием наказания, ученые отмечают ведущее значение пенитенциарных условий для возникновения психологических предпосылок к рецидиву преступлений. В частности, А. Н. Михайлов формирование личности рецидивиста описывает как развитие криминальной идентичности, а также сохранение и воспроизводство

⁴ Карпенко, Л. А. (Ред.-сост.). Личность. В *Психологический лексикон. Энциклопедический словарь* (Т. Общая психология). <http://dictionary.pirao.ru/T2ob/101/10114.htm>

криминального поведения в условиях исправительного учреждения (Михайлов, 1998). Становление личности рецидивиста через профессионализацию криминальной деятельности анализирует А. А. Забелич, рассматривающий данный процесс через призму правовых, социальных и психологических характеристик (Забелич, 2013). Е. М. Разумова связывает рецидивное поведение с личностными деформациями, происходящими в связи с увеличением числа судимостей и сроков отбывания наказания, сопряженным с закреплением у рецидивиста антисоциальной совокупности ценностей и норм (Разумова, 2007). Н. А. Цветкова отмечает изменения в смысловых ориентациях и снижение личностного адаптационного потенциала, характерного для рецидивистов, совершающих преступления в течение нескольких лет после освобождения (Цветкова, 2024). Можно заключить, что на формирование личности рецидивиста оказывает влияние пенитенциарный этап (Москалев, 2012), однако его значение, на наш взгляд, необходимо оценивать через призму субъективных представлений о преступлении и наказании, а также через их переживание личностью в виде вины и стыда.

Помимо влияния пенитенциарной среды, важно выделить фактор развития, который в форме социальных представлений устанавливает общественные ожидания от человека, достигшего определенного возраста. В разных психологических теориях возрастного развития возраст молодости связан с получением профессии и ведением деятельности, образованием семьи и рождением детей; возраст зрелости – с накоплением профессионального и социального опыта, его распространением среди более молодых коллег, получением общественного признания в профессиональной и иных сферах деятельности. В силу социальных условий социально-психологические задачи неоднократно судимыми лицами решаются не полностью, что оказывает на них дополнительное фрустрирующее воздействие. Одним из негативных вариантов переживания становится внутриличностный конфликт между субъективными представлениями рецидивиста о социальном статусе, профессии и семье, с одной стороны, и ограничениями, вызванными отбыванием наказания, связанным с лишением свободы – с другой. Более того, думается, что на постпенитенциарном этапе нерешенные задачи возраста встают перед рецидивистом в полный рост. Ближайшее окружение (члены семьи, родственники и знакомые) становится своеобразным «социальным зеркалом», показывающим неуспехи бывшего осужденного, отстающего от сверстников по темпам и качеству социального развития.

Эта ситуация усиливает психологическое воздействие, побуждая рецидивиста искать способы ослабить или устранить обвинение в социальной неэффективности. В их числе следует назвать социально-дезадаптивные стратегии поведения:

- (а) избегание, разрыв связей с близким социальным окружением как способ исключить возможность социального сравнения;
- (б) отрицание норм и демонстративно оппозиционное поведение как способ обесценить социальное окружение;
- (в) стремление к получению (обладанию) социально значимых предметов (денег, вещей, ценностей) как способ восстановления статуса в обществе;
- (г) манипулятивное влияние на близкое окружение для подтверждения и признания собственной эффективности (Jasni et al., 2024).

Влияние факторов пенитенциарной среды и задач развития не только дезадаптирует личность, но и развивает у нее социально-дезадаптивные установки, которые проявляются в нежелании продолжать общение с близкими родственниками и знакомыми, поддерживать с ними социальную связь и восстанавливать взаимоотношения. Данные факторы, напротив, проявляются в стремлении исключить контакты с социальным окружением, существовавшие до судимостей.

С учетом изложенного мы делаем предположение об изменениях личности рецидивиста, выражающихся в росте антиобщественных представлений о преступлении и наказании, усилении социально-психологической дезадаптации, а также дисфункции моральной регуляции поведения. Эти изменения являются новообразованиями личности и развиваются в связи с циклами рецидива (рис. 1).

Рис. 1. Субъективные представления, характеризующие личность рецидивиста

Fig. 1. Subjective perceptions characterizing the personality of a recidivist

Иллюстрируя эту гипотезу с опорой на представления А. Н. Пастушени о сущности криминальной склонности личности, подчеркнем, что под влиянием отбывания наказания изменяются представления о приемлемости / неприемлемости определенного объекта преступного посягательства, приемлемой тяжести причинения вреда; подверженность внешним (внеличностным) факторам, стимулирующим криминальное поведение (Пастушени, 2015). При этом циклы рецидива в равной мере могут развивать представления, которые обуславливают совершение преступлений, а могут сдерживать противоправные деяния, побуждая к правоупотребительному образу жизни. Выяснению этих обстоятельств и посвящено наше эмпирическое исследование.

Эмпирическое исследование

Цель – анализ представлений о преступлении, наказании и его последствиях у рецидивистов.

Результат: выявление закономерностей в субъективных представлениях о преступлении и наказании, присущих рецидивистам, объясняющих низкий уровень их реинтеграции в общество и готовность к совершению преступления.

Гипотезы:

- (а) антиобщественная сущность представлений о преступлении и наказании пропорциональна уровню социальной дезадаптации рецидивиста;
- (б) психология рецидива преступления определяется антиобщественными представлениями и социально-психологической дезадаптацией рецидивиста;
- (в) моральные регуляторы недопустимости преступления – стыд и вина – теряют эффективность с каждым циклом рецидива (преступление – наказание – постпенитенциарная реинтеграция).

Методы и методики

Сбор данных осуществлялся методом самоотчета с помощью специально разработанной анкеты. Ее структуру составили:

(а) представление о цели преступления: материальные; нематериальные межличностные (контроль поведения, помощь семье, уважение близких); нематериальные общесоциальные (доказывание окружению, восстановление справедливости, помощь обществу);

(б) представление о структуре преступления: планирование цели и оценка риска быть пойманным (последствий уголовного преследования); детализация замысла до, в момент и после преступления; привлечение соучастников; изменения в момент преступления и применение насилия; достижение цели, соответствие замысла процессу преступления;

(в) представление о последствиях преступления: изменения мнения о событии преступления, потерпевшем и себе, оценка себя и преступления, влияние события преступления на личность, раскаяние;

(г) представление об уголовном наказании: моральная оценка наказания, отношения к жизни и соответствия представлениям о ней; связанные с наказанием представления об органах власти, об оправдании перед близкими, изменении их мнения о себе, необходимости поддержания связи с семьей (родственниками, планировании жизни после освобождения).

Для каждого утверждения анкеты использовалась трехпунктовая шкала измерения: отсутствие (ответ «нет» – 0 баллов); средняя выраженность (эпизодическая, частная (ответ «иногда» – 1 балл); наличие (ответ «да» – 2 балла).

Статистические расчеты выполнялись в программе SPSS 21.0, а также на языке программирования R. Качественные результаты (описания и комментарии опрошенных) не обрабатывались, но изучались и приводятся по тексту статьи как иллюстрации.

Все анкеты оценивались на предмет корректности заполнения, исключались неполностью заполненные либо заполненные с нарушением инструкции. В результате отбракованными оказались 98 анкет (данные о них не включены в выборку).

В исследовании принимали участие неоднократно судимые лица, отбывающие наказание в исправительных учреждениях ФСИН России Архангельской, Кировской, Рязанской, Свердловской областей; $n = 911$ человек, мужчин = 773 человека, средний возраст 38,2 года. Количество судимостей в выборке от 2 до 13, ср. знач. = 3, мода = 3, медиана = 3. Выборка разделена по характеру преступлений на два типа – корыстный и насильственный. Дифференциация на корыстных/насильственных преступников осуществлялась по последнему совершенному преступлению (наиболее тяжкому из имеющихся в приговоре).

Корыстные преступления (ст. ст. 158, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 166 УК РФ), доля в выборке 46,4 % (449 человек). Мужчин в выборке 84 %, средний возраст = 36,2 года, ст. отклон. = 9,7 года; возраст от 19 до 62 лет (19–25 лет: 18 %, 26–35 лет: 34 %, 36–45 лет: 32 %, 46–60 лет: 14 %, 60 и старше: 2 %). Количество судимостей: две–три – у 68 % осужденных в выборке, более четырех у 32 %.

Насильственные преступления (ст. ст. 105, 111, 112, 115, 116, 131, 132, 134, 135 УК РФ), доля в выборке 53,5 % (462 человека), средний возраст 38,8 года, ст. отклон. = 10,9 года, возраст: от 19 до 70 лет (19–25 лет: 12 %, 26–35 лет: 28 %, 36–45 лет: 36 %, 46–60 лет: 18 %, 60 и старше: 6 %). Количество судимостей: две–три у 84 % осужденных, более четырех у 16 % осужденных в выборке.

Социально-культурный уровень выборки: среднее образование имеют 76 % выборки, из них среднее профессиональное – 42 %; среднее общее – 32 % (2 % не уточнили вид); высшее образование – 11 %; основное общее образование – 5 %; не указали сведения об образовании 8 % опрошенных.

Семейное положение: холост (не замужем) – 47 % (из них разведены – 21 %); гражданский брак – 32 %; состоят в браке – 14 %; не указали сведения о семейном положении – 7 %.

Результаты

Результаты показываются последовательно, согласно предложенным гипотезам.

Гипотеза 1. Антиобщественная сущность представлений о преступлении и наказании пропорциональна уровню социальной дезадаптации преступника, усиливается с каждым циклом рецидива.

Антиобщественная сущность представлений о преступлении и наказании оценивалась на основе суммирования ответов:

- (1) о допустимости совершения подобного преступления;
- (2) о незаслуженности наказания за совершенное преступление;
- (3) о невозможности осуждения человека, совершившего подобное преступление;
- (4) о влиянии наказания на отрицательное отношение к органам власти.

Оценка согласованности показала приемлемый уровень суммарного показателя (α -Кронбаха (для бинарных переменных) = 0,75; межпунктовая корреляция $R = 0,63$), что позволяет использовать его в качестве индикатора представлений о преступлении и наказании.

Показатель социальной дезадаптации рассчитывался на основе суммирования ответов:

- (1) об отсутствии планов на жизнь после освобождения;
- (2) о несоответствии представлений о жизни и реальности;
- (3) об ухудшении самооценки в связи с отбыванием наказания;
- (4) о нежелании восстанавливать связь с родственниками и ближайшим окружением.

Оценка согласованности продемонстрировала удовлетворительный уровень (α -Кронбаха (для бинарных переменных) = 0,88, межпунктовая корреляция $R = 0,74$), что свидетельствует о возможности применения показателя в качестве индикатора оценки социальной дезадаптации.

Тестирование гипотезы осуществлялось посредством расчета корреляции между показателями представлений о наказании и социальной дезадаптации. Результаты подтвердили наличие корреляционной связи (R Спирмена = 0,67, $p < 0,001$). Для изучения сопряжения проведен расчет частоты встречаемости в выборке рецидивистов (таблица 1).

Таблица 1. Сопряжения представлений о преступлении и наказании и социальной дезадаптации у рецидивистов

Table 1. The correlation between perceptions of crime and punishment and social maladjustment among repeat offenders

Антиобщественные представления о преступлении и наказании	Уровень социально-психологической дезадаптации, чел. (%)		
	Низкая (0–1)	Высокая (5–6)	Всего
Низкий уровень (0–1)	152 (67 %)	75 (33 %)	227
Высокий уровень (5–6)	24 (17 %)	117 (83 %)	141
Всего	176	192	368

Примечание: коэффициент сопряженности $\phi = 0,486$, отношение шансов (odds ratio) = 9,88 (95 % CI = 5,88–16,61).

Таким образом, несмотря на средние значения сопряжения антиобщественных представлений и социально-психологической дезадаптации в выборке (48 %), степень их взаимообусловленности составляет 9,88, т. е. вероятность высокой социальной дезадаптации в 9,88 раз выше у рецидивистов, не раскаявшихся в совершенном преступлении, считающих, что они не заслуживают наказания и оправдывающих себя. При этом нами не выявлено статистически значимых различий между корыстными и насильственными преступниками ($p > 0,06$), а также мужчинами и женщинами ($p > 0,06$) в выборке. Полученный результат подтверждает гипотезу, демонстрируя, что дезадаптация и антиобщественные представления о преступлении и наказании взаимосвязаны. При этом количество судимостей влияет на оба показателя, усиливая их взаимовлияние (таблица 2).

Таблица 2. Влияние количества судимостей на отношения между антиобщественными представлениями и социально-психологической дезадаптацией у рецидивистов

Table 2. The effect of the number of previous convictions on the correlation between antisocial perceptions and socio-psychological maladjustment among repeat offenders

Количество судимостей	Отношения между антиобщественными представлениями и социально-психологической дезадаптацией				
	Статистика показателей		Статистика отношений между показателями		
	Антиобщ. предст.	Соц.-псих. дезадаптац.	Корреляция	Линейная регрессия	Частота шансов (Odds ratio)
2 судимости (n = 418)	M = 1,8 SD = 1,1	M = 1,2 SD = 0,9	0,61 при $p < 0,001$	$\beta = 0,34$, $R^2 = 0,23$	6,4, при $p < 0,001$
3–4 судимости (n = 294)	M = 2,8 SD = 1,0	M = 2,1 SD = 0,8	0,71 при $p < 0,001$	$\beta = 0,51$, $R^2 = 0,5$	12,1, при $p < 0,001$
5 и более судимостей (n = 79)	M = 3,4 SD = 0,7	M = 2,5 SD = 0,6	0,79 при $p < 0,001$	$\beta = 0,59$, $R^2 = 0,52$	14,3, при $p < 0,001$

Примечание: (а) различия показателей между группами рецидивистов с разным количеством судимостей статистически значимы: для показателя антиобщественных представлений о преступлении и наказании (однофакторный дисперсионный анализ) $F(2,790) = 42,3$, $p < 0,001$; для показателя социально-психологической дезадаптации $F(2,790) = 38,1$, $p < 0,001$).

Результаты свидетельствуют, что с увеличением количества судимостей пропорционально усиливаются антиобщественный характер представлений о преступлениях и наказании и социально-психологическая дезадаптация рецидивистов. При этом существенный рост наблюдается между второй и третьей судимостями (что прослеживается и в значении коэффициента корреляции и детерминации). При третьей и последующих судимостях усиление связи между этими представлениями продолжается, но темпы его невысоки. Регрессионный анализ показывает, что рост антиобщественных представлений на один балл способствует увеличению роста дезадаптации на 0,34 балла у лиц с двумя судимостями; на 0,51 балла – у лиц с 3–4 судимостями; на 0,59 балла – у лиц с пятью и более судимостями.

Полагаем, что интервал между второй и третьей судимостями становится своеобразной точкой невозврата к отказу от криминального поведения и следования правопослушному образу жизни. Это подтверждает и оценка шансов (odds ratio) роста социально-психологической дезадаптации в зависимости от уровня антиобщественных представлений. У лиц с двумя судимостями она составляет 6-кратный риск (95 % СИ = 1,6; 10,9 при $p = 0,003$), а у лиц с 3–4 судимостями повышается до 12-кратного риска (95 % СИ = 3,1; 30,2 при $p < 0,001$).

Завершая анализ, подчеркнем, что гипотеза о связи антиобщественной сущности представлений о преступлении и наказании и социально-психологической дезадаптации подтверждена: увеличение числа судимостей сопровождается двумя взаимоусиливающими тенденциями: 1) обесцениванием уголовного наказания, отрицанием морального осуждения себя в связи с преступлением, ухудшением отношения к органам власти; 2) негативным отношением к жизни, избеганием планирования будущего, снижением самооценки.

Гипотеза 2. Структура преступления детерминирована антиобщественными представлениями и социальной дезадаптацией.

Проверка гипотезы осуществлялась оценкой статистических различий показателей антиобщественных представлений о преступлении и наказании, а также уровнем социально-психологической дезадаптации, с одной стороны; целью и структурой последнего совершенного преступления у корыстных и насильственных преступников – с другой. Предполагалось, что антиобщественные представления и социальная дезадаптация влияют на психологическую составляющую регуляции преступного деяния, например, усложняя этапы подготовки и осуществления из-за страха изобличения и нежелания быть вновь подвергнутым уголовному наказанию, либо, напротив, они могли упрощать преступление, поскольку опыт их совершения подсказывал рецидивисту модель поведения, при которой риск наказания был минимальным.

На первом этапе изучались связи между показателем антиобщественных представлений, уровнем социально-психологической дезадаптации рецидивиста и целью последнего совершенного преступления (таблица 3).

Таблица 3. Представление о цели преступления у рецидивистов в связи с выраженностью антиобщественных представлений о преступлении и наказании и уровнем социально-психологической дезадаптации

Table 3. Perceptions of the purpose of crime among repeat offenders with regard to the intensity of anti-social perceptions of crime and punishment and the level of socio-psychological maladjustment

Характеристика цели преступления	Антиобщественные представления о преступлении и наказании			Социально-психологическая дезадаптация		
	Коррел. р-уровень	Выраженность представлений		Коррел. р-уровень	Уровень дезадаптации	
		низкая	высокая		низкий	высокий
Помощь семье, близким						
Корыстный рецидив	0,64 (**)	58 %	94 %	0,62 (**)	62 %	92 %
Насильственный рецидив	0,14	48 %	52 %	0,18	45 %	52 %
Достижение важной цели						
Корыстный рецидив	0,60 (**)	52 %	88 %	0,58 (**)	46 %	82 %
Насильственный рецидив	0,22	42 %	52 %	0,31	38 %	48 %

Характеристика цели преступления	Антиобщественные представления о преступлении и наказании			Социально-психологическая дезадаптация		
	Коррел. р-уровень	Выраженность представлений		Коррел. р-уровень	Уровень дезадаптации	
		низкая	высокая		низкий	высокий
Дорогие и недоступные вещи						
Корыстный рецидив	0,52 (**)	44 %	78 %	0,48 (**)	42 %	72 %
Насильственный рецидив	0,08	36 %	40 %	0,06	32 %	38 %
Восстановление справедливости						
Корыстный рецидив	0,14	24%	30%	0,12	22%	28%
Насильственный рецидив	0,64 (**)	38 %	84 %	0,55 (**)	38 %	78 %
Влияние на поведение другого						
Корыстный рецидив	0,28	32 %	48 %	0,32	28 %	44 %
Насильственный рецидив	0,58 (**)	32 %	72 %	0,52 (**)	32 %	68 %

Примечание: а) представлены цели преступления, статистически значимо связанные с антиобщественными представлениями и социально-психологической дезадаптацией; б) значения приведены в процентах; в) показатели статистической значимости коэффициентов корреляции приведены в значении: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Результаты показывают, что уровень социально-психологической дезадаптации влияет на выбор целей преступления, в том числе различаясь по корыстным и насильственным преступникам. Дезадаптированность приводит к выбору в качестве цели мотивировки «помощь семье и близким» для всех рецидивистов вне зависимости от характера совершенного ими преступления. Целью корыстных преступлений является достижение субъективно важного результата, получение дорогих и недоступных вещей, а целью насильственных – восстановление справедливости и влияние на поведение другого.

Таблица 4. Влияние уровня антиобщественных представлений и социально-психологической дезадаптации рецидивистов на представление о преступлении

Table 4. The effect of the level of antisocial perceptions and socio-psychological maladjustment among repeat offenders on their perceptions of crime

Структура преступления	Антиобщественные представления о преступлении и наказании			Социально-психологическая дезадаптация		
	Коррел. р-уровень	Выраженность представлений		Коррел. р-уровень	Уровень дезадаптации	
		низкая	высокая		низкий	высокий
Обдумывание необходимости совершения преступления						
Корыстный рецидив	0,38 (*)	54 %	82 %	0,41 (**)	52 %	78 %
Насильственный рецидив	0,58 (**)	46 %	88 %	0,54 (**)	48 %	84 %

Структура преступления	Антиобщественные представления о преступлении и наказании			Социально-психологическая дезадаптация		
	Коррел. р-уровень	Выраженность представлений		Коррел. р-уровень	Уровень дезадаптации	
		низкая	высокая		низкий	высокий
Наличие плана преступления						
Корыстный рецидив	-0,68 (**)	86 %	48 %	-0,61 (**)	82 %	52 %
Насильственный рецидив	0,04	44 %	46 %	0,08	42 %	46 %
Оценка риска совершения преступления						
Корыстный рецидив	-0,22	54 %	31 %	-0,19	52 %	32 %
Насильственный рецидив	0,10	34 %	20 %	0,14	32 %	38 %
Стратегия поведения после преступления						
Корыстный рецидив	-0,64 (**)	80 %	42 %	-0,58 (**)	76 %	44 %
Насильственный рецидив	0,06	36 %	40 %	0,11	34 %	38 %
Осознание последствий изобличения						
Корыстный рецидив	-0,38 (*)	60 %	36 %	-0,34 (*)	58 %	38 %
Насильственный рецидив	-0,26	50 %	34 %	-0,22	48 %	36 %
Знание потерпевшего до преступления						
Корыстный рецидив	0,24	62 %	76 %	0,28	58 %	74 %
Насильственный рецидив	0,62 (**)	58 %	90 %	0,59 (**)	62 %	88 %
Соответствие преступления его плану						
Корыстный рецидив	-0,44 (**)	74 %	46 %	0,39 (**)	72 %	48 %
Насильственный рецидив	-0,18	48 %	38 %	-0,12	45 %	38 %
Применение насилия по ходу преступления						
Корыстный рецидив	0,06	20 %	24 %	0,08	18 %	22 %
Насильственный рецидив	0,61 (**)	48 %	88 %	0,56 (**)	52 %	86 %
Достижение цели преступления						
Корыстный рецидив	0,52 (**)	64 %	94 %	0,48 (**)	68 %	92 %
Насильственный рецидив	0,36 (*)	54 %	80 %	0,31 (*)	58 %	78 %

Примечание: показатели статистической значимости коэффициентов корреляции: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$

Социально-психологическая дезадаптация по-разному сказывается на представлении о структуре корыстного и насильственного преступления. У корыстных рецидивистов высокая социально-психологическая дезадаптация приводит к снижению планирования преступления (отказ от построения плана действий выше на 32 % у лиц с высоким уровнем дезадаптации), но росту потребности в его совершении (убеждение в необходимости совершения преступления на 26 % выше) и признанию результата (указание на достижение намеченной цели на 24 % выше). Кроме того, у корыстных рецидивистов рост социально-психологической дезадаптации повышает рассогласование между замыслом преступления и реальностью (снижается на 24 % по сравнению с рецидивистами с низким уровнем социально-психологической дезадаптации).

У насильственных рецидивистов высокий уровень социально-психологической дезадаптации не сказывается на планировании, но повышает опасность насилия в отношении близкого социального окружения (на 26 % чаще у лиц с высоким уровнем дезадаптации). Кроме того, дезадаптация повышает убежденность в необходимости совершения преступления (на 36 % выше), применение дополнительного насилия в отношении потерпевшего (на 34 % выше).

Гипотеза 3. Моральные регуляторы недопустимости преступления (стыд и вина) снижаются с каждым циклом рецидива.

Проверка гипотезы осуществлялась путем расчета интегрального показателя, обобщающего выражение стыда и вины у опрошенных рецидивистов. Показатель обобщал ответы на вопросы анкеты, характеризующие представление о вине и стыде в связи с совершением преступления и отбыванием наказания. Возможность расчета интегрального показателя обосновывается, во-первых, тематикой вопросов, измеряющих реакции вины и стыда (индикаторы переживания вины: «Переживаете ли вину за совершенное преступление?», «Положительно или отрицательно повлияло совершенное преступление на Вас?», «Раскаиваетесь ли в совершенном преступлении?»; индикаторы проявления совести: «Улучшилось или ухудшилось Ваше мнение о себе после преступления?», «Следует ли оправдываться перед близкими Вам людьми за преступление?», «Следует изменить мнение близких о Вас из-за совершенного преступления?»).

Статистически возможность обобщения обоснована согласованностью ответов на утверждения вне зависимости от темы вины либо стыда (α -Кронбаха (для бинарных переменных) = 0,89, межпунктовая корреляция $R = 0,63$, $p < 0,001$), что позволяет использовать их как единую шкалу. Полученная таким образом шкала моральной регуляции оценивает переживания и представления осужденных рецидивистов о совершенных ими преступлениях, о связанном с ними наказании, а также отношении к себе и окружению. Диапазон значений ее баллов находится в промежутке от 0 до 12. Высокие значения (от 9 до 12) свидетельствуют о переживаниях стыда и вины, в том числе перед собой и близкими за совершенное преступление; средние значения (от 5 до 8) указывают на отсутствие отдельных переживаний в связи с совершенным преступлением; низкие значения (от 0 до 4) демонстрируют изолированные (разрозненные) либо отсутствующие переживания стыда, вины за преступление.

Корреляция показателя моральной регуляции продемонстрировала статистически значимые отрицательные связи с ранее рассчитанными показателями антиобщественных представлений о преступлении и наказании ($r = -0,72$ при $p < 0,001$), с социально-психологической дезадаптацией ($r = -0,68$ при $p < 0,001$).

Психологическое значение выражается в ухудшении моральной регуляции поведения и, как следствие, в повышении готовности к совершению преступлений и социально-психологической дезадаптации в обществе. Снижение уровня стыда и вины сочетается с повышением антиобщественных представлений у рецидивиста, в частности, с признанием им допустимости совершения преступления, обесцениванием уголовного наказания, а также самооправданием. Снижение уровня моральной регуляции связано с ростом социально-психологической дезадаптации, выражающейся в ухудшении представлений о себе, отсутствии планирования собственной жизни после освобождения и констатации несоответствия жизненных планов реальности.

Данный вывод подтверждает оценка влияния на уровень вины и стыда у корыстных и насильственных рецидивистов антиобщественных представлений и социально-психологической дезадаптации, полученная методом множественной линейной регрессии.

$$\text{Уровень вины} = 6,84 - 0,76 * \text{АПН} - 0,32 * \text{СПД} - 0,44 * \text{СУД} + 0,38 * \text{ТИП} \quad (1)$$

$$\text{Уровень стыда} = 6,92 - 0,70 * \text{АПН} - 0,38 * \text{СПД} - 0,46 * \text{СУД} + 0,26 * \text{ТИП} \quad (2),$$

где: АПН – проявления антиобщественных представлений о преступлении и наказании;
СПД – уровень социально-психологической дезадаптации;
СУД – количество судимостей;
ТИП – тип рецидива (корыстный, насильственный).

Примечание: уравнения рассчитывались на выборке из 836 осужденных, нормальность остатков проверена тестом Шапиро-Уилка (показатель вины: $W = 0,994$, $p = 0,186$; показатель стыда: $w = 0,992$, $p = 0,092$); гомоскедастичность – тестом Бройша-Пагана (показатель вины: $\chi^2 = 3,24$, при $p = 0,196$; показатель стыда: $\chi^2 = 2,98$, при $p = 0,225$); мультиколлинеарность (VIF для АПН = 2,34; для СПД = 2,18, для СУД = 1,92, для типа рецидива 1,56).

Статистики модели: для вины ($R^2 = 0,47$, $F(4,831) = 184,2$, $p < 0,001$, станд. ошибка оценки = 0,78); для стыда ($R^2 = 0,41$, $F(4,831) = 144,8$, $p < 0,001$, станд. ошибка оценки = 0,86).

Регрессионный анализ продемонстрировал влияние антиобщественных представлений на снижение уровня вины ($\beta = -0,48$) и стыда ($\beta = -0,44$) за совершенное преступление и понесенное наказание. Социально-психологическая дезадаптация влияет на вину и стыд в меньшей мере, но статистически значимо ($\beta = -0,18$) и ($\beta = -0,21$). Количество судимостей более интенсивно влияет на снижение уровня вины ($\beta = -0,24$) и стыда ($\beta = -0,25$), чем социально-психологическая дезадаптация, что свидетельствует о большем негативном влиянии, оказываемом на личность отбыванием наказания в местах лишения свободы, чем измеряемые нами в плоскости дезадаптации эффекты от разрыва отношений с социальным окружением.

В целях выявления динамики уровня моральной регуляции был выполнен его анализ с дифференциацией корыстных и насильственных преступлений с контролем количества судимостей (рис.2). Рисунок показывает, что у насильственных и корыстных рецидивистов уровень снижается статистически значимо и монотонно от второй к пятой судимости до 41–48 % от исходного уровня.

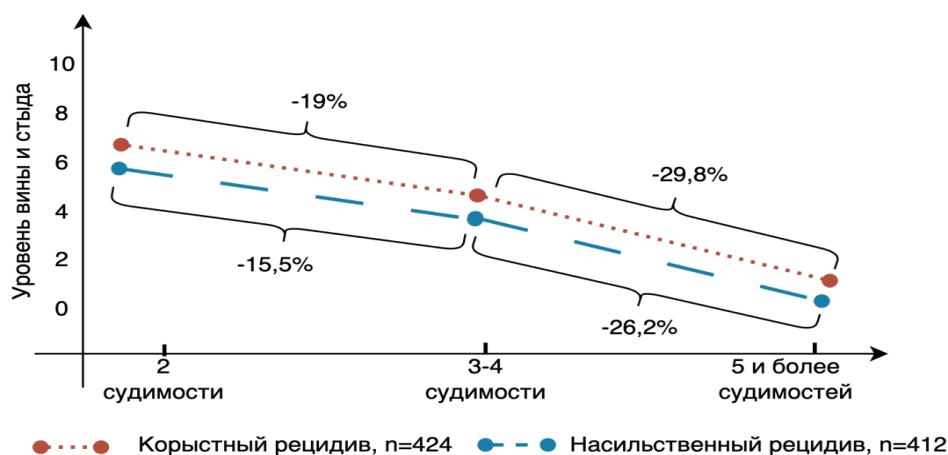

Рис. 2. Изменение интенсивности переживаний стыда и вины в зависимости от количества судимостей

Fig. 2. Changes in the intensity of experiencing shame and guilt depending on the number of criminal convictions

Примечание: (а) по оси абсцисс отложено количество судимостей, по оси ординат уровень вины и стыда; (б) цветными линиями показаны средние значения вины и стыда; (в) изменение (в %) рассчитано от уровня вины и стыда в группах дважды судимых лиц.

Интерес представляет оценка составляющих моральную регуляцию показателей вины и стыда. В обеих группах корреляция между переживаниями вины и стыда сильная (у корыстных преступников $r = 0,68$, $p < 0,001$; у насильственных $r = 0,72$, при $p < 0,001$), но у насильственных преступников уровень вины, и стыда несколько выше.

При этом у корыстных рецидивистов стыд преобладает над виной (уровень вины (ср. знач.) = 5,43; уровень стыда (ср. знач.) = 5,96; различия статистически значимы: $U_{\text{крит.}} = 2,04$, $p < 0,041$). Это указывает на озабоченность корыстных рецидивистов представлением о себе в глазах окружающих, но при обесценивании уголовного наказания. Эти лица оправдывают совершение преступления интересами семьи и близких родственников, не испытывая переживаний из-за понесенного уголовного наказания. У насильственных преступников уровни вины и стыда статистически не различаются (уровень вины (ср. знач.) = 5,86; уровень стыда (ср. знач.) = 5,87; различия статистически незначимы $U_{\text{крит.}} = 0,12$, $p = 0,904$).

Поскольку были выявлены различия между группами лиц с разным числом судимостей, дополнительно использовался анализ ковариаций (ANCOVA). Он показал, что после контроля числа судимостей ($F = 682,4$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,45$) тип преступления остается значимым предиктором моральной регуляции ($F = 58,7$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,07$). Взаимодействие также значимо ($p = 0,016$) подтверждает, что снижение моральной регуляции происходит разными темпами у рецидивистов, тяготеющих к совершению корыстных либо насильственных преступлений.

Для определения интенсивности изменений, вызванных дефектом моральной регуляции у рецидивистов, нами были рассчитаны корреляции между уровнем переживаний вины и стыда у лиц с минимальным количеством судимостей (две судимости), средним по выборке (три–четыре судимости) и максимальным (пять и более судимостей) (таблица 5).

Таблица 5. Различия в уровне переживаний стыда и вины у рецидивистов в связи с увеличением количества судимостей

Table 5. Differences in the level of shame and guilt experienced by repeat offenders depending on the increasing number of convictions

Уровень моральной регуляции (переживаний стыда и вины)	Корыстный рецидив	Насильственный рецидив
Уровень моральной регуляции (у лиц с двумя судимостями)	11,39	11,73
Уровень вины	5,43	5,86
Уровень стыда	5,96	5,87
Уровень моральной регуляции (у лиц с тремя–четырьмя судимостями)	9,64	9,72
Уровень вины	4,68	5,3
Уровень стыда	4,96	4,42
Уровень моральной регуляции (у лиц с пятью и более судимостями)	6,77	6,93
Уровень вины	3,34	3,46
Уровень стыда	3,43	3,47
Корреляция показателя моральной регуляции и судимости	$r = 0,66$, $p < 0,001$	$r = 0,69$, $p < 0,001$

Результаты оценки переживаний вины и стыда показывают, что обоим типам рецидивистов свойственно снижение уровня моральной регуляции при увеличении количества судимостей ($F = 682,4$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,45$). При этом рецидивисты, совершившие насильственные преступления, изначально имеют более высокий уровень моральной регуляции, чем совершившие корыстные преступления. Это выражается в более широком спектре переживаний вины и стыда за совершенное преступление, признании наказания оправданным и в стремлении изменить представление о себе у близких родственников и знакомых.

Но на этапе между тремя–четырьмя и пятью судимостями уровень моральной регуляции у данной категории преступников снижается до уровня корыстных рецидивистов. Однако доля лиц, характеризующихся отрицанием вины и стыда, среди корыстных преступников, имеющих пять и более судимостей, превышает насильственных на 18 % в выборке (для корыстного рецидива – 48 %, насильственного – 30 %). Это свидетельствует о неприятии рецидивистами, совершающими корыстные преступления, моральной ответственности и, как следствие, неспособности данного вида внутриличностной регуляции влиять на совершаемые ими поступки.

Интерпретация

Результатом исследования является проверка теоретических представлений о психологических изменениях личности рецидивиста, препятствующих реинтеграции в общество.

Нами предполагалось, что личность рецидивиста характеризуется двумя новообразованиями, усиливающимися с каждым циклом рецидива (совершение преступления – отбывание наказания – постпенитенциарная реинтеграция):

(а) антиобщественными представлениями о преступлении и наказании;

(б) представлениями о социально-психологической дезадаптации (приводящими к разрыву социальных связей, отказу от взаимодействия и избеганию планирования собственной жизни).

Полученные результаты подтверждают выдвинутые гипотезы, свидетельствуя о специфических изменениях личности рецидивиста, происходящих в связи с каждым совершением преступления и отбыванием наказания. Характер изменений соответствует теоретически описанным отечественными и зарубежными исследователями проявлениям, однако расширяет и уточняет их, указывая на рост антиобщественной направленности личности, затрудняющей реинтеграцию в общество и способствующей совершению новых преступлений.

1. Установлено, что с ростом количества судимостей у рецидивиста повышается уровень антиобщественных представлений о преступлении и наказании. Данные результаты в целом соответствуют результатам, полученным Н. А. Цветковой (Цветкова, 2024), однако трактуются нами более расширительно. Как показывают результаты исследования, эти представления выполняют две функции: 1) объясняют допустимость преступления; 2) обесценивают значимость наказания и его последствий на рецидивиста.

Такой комплекс представлений не ограничивается индикаторами, использованными нами в исследовании, однако измеренные нами характеристики (признание допустимости, отрицание наказания, самооправдание, ухудшение отношения к органам власти) продемонстрировали, во-первых, внутреннюю согласованность и взаимосвязь; во-вторых, рост в зависимости от числа судимостей; в-третьих, влияние на психологию совершения преступления.

Это психологическое новообразование объясняет устойчивость криминогенной направленности рецидивиста, поскольку обосновывает целесообразность антиобщественного противоправного поведения, одновременно снижая воздействие факта уголовного наказания на представления и переживания рецидивиста. Считая, что совершенное им преступление допустимо (в силу разных причин) и он не заслуживает наказания в той мере,

которое ему назначено, рецидивист фактически противопоставляет себя уголовно-правовой и уголовно-исполнительной системам. Поскольку заметный рост подобных представлений происходит на этапе между второй и третьей–четвертой судимостями (для корыстных с 38 % до 72 % уровня выраженности, для насильственных с 46 % до 76 %), можно полагать, что в этот период происходят закрепление антиобщественных представлений и окончательное формирование личности рецидивиста. К пятой судимости антиобщественные представления о преступлении и наказании выражены у 92 % рецидивистов.

Антиобщественные представления сказываются на психологии совершения корыстных и насильственных преступлений. Во-первых, пропадает этап планирования преступления у корыстных преступников (снижаясь с 82 % до 48 %), обдумывания ими собственных действий в ходе совершения (с 76 % до 42 %) и оценки риска последствий (с 54 % до 31 %). Фактически преступление становится спонтанным, подверженным импульсивным, а не рациональным соображениям. У насильственных преступников этап планирования в целом выражен слабо (с 44 % до 36 %), а с ростом антиобщественных представлений ухудшается оценка риска (с 34 % до 21 %). Данные особенности подтверждаются исследованием волевой саморегуляции (Коноплева и др., 2022), однако позволяют по-другому взглянуть на ее снижение. Видимо, рост антиобщественных представлений размывает сдерживающий психологический фактор – тревогу относительно последствий изобличения и уголовного преследования у обоих видов рецидивистов.

Во-вторых, рост антиобщественных представлений повышает опасность совершения преступлений в отношении близких и знакомых. Так, рецидивисты с высоким уровнем антиобщественных представлений, совершившие насильственные преступления, знали своих потерпевших в 90 % случаев, а корыстные – в 74 %. Кроме того, повышается субъективная обоснованность совершения преступлений (у корыстных с 52 % до 82 %; у насильственных – с 46 % до 88 %). Наконец, повышается вероятность применения необоснованного и непланируемого насилия при совершении преступлений – с 48 % до 88 %. Можно заключить, что антиобщественная направленность увеличивает вероятность совершения бытовых преступлений и повышает опасность для жизни и здоровья потенциальных жертв. Отчасти данные выводы подтверждаются исследованием Д. А. Пахомовой, описывающей высокие уровни агрессивности, депрессивности, тревожности и эмоциональной неустойчивости рецидивистов (Пахомова, 2023а).

В-третьих, антиобщественные представления негативно сказываются на оценке последствий преступления и наказания. И корыстные, и насильственные рецидивисты с высоким уровнем антиобщественных представлений считают, что цель преступления была ими достигнута (94 % для корыстных; 80 % для насильственных). При этом их мнение о себе ухудшается в меньшей мере, чем у лиц с низким уровнем антиобщественных представлений (для корыстного рецидива у 32 %, а не у 52 %; для насильственного – у 38 %, а не у 72 %); о раскаянии сообщают лишь 12 % корыстных и 14 % насильственных преступников.

2. Определена специфика социально-психологической дезадаптации, характеризующая личность рецидивиста. Полученные нами результаты позволяют заключить, что социально-психологическая дезадаптация свойственна рецидивистам и усиливается пропорционально циклам рецидива. Ее содержание составляют субъективные представления, которые поддерживают негативное самоотношение и социальную неполноценность.

Эти представления побуждают к отказу от планирования собственной жизни и усилий по ее осуществлению, к разрыву связей с правопослушным социальным окружением. Ранее на материале дисфункции отношений к социальному окружению лиц, находящихся под административным надзором органов внутренних дел, нами уже отмечался присущий

им дефицит субъектности (Злоказов & Пивоварова, 2024). Однако в текущем исследовании показано, что проблемы субъектности у рецидивистов являются частью более общего явления социально-психологической дезадаптации. Похожие выводы получены в исследовании D. J. Simourd и M. E. Olver осужденных, отбывающих наказание за совершение насильственных, корыстно-насильственных и корыстных преступлений (Simourd & Olver, 2002). Исследование показало, что антиобщественная ориентация сопряжена с прокриминальными установками, негативным восприятием закона, восприятием себя как преступника, что негативно сказывается на перспективах реинтеграции после освобождения из исправительного учреждения.

Значение социально-психологической дезадаптации заключается в субъективном переживании рецидивистом собственных антиобщественных представлений, отторгающих его от правопослушной части общества и препятствующих реинтеграции. На это указывают:

а) рост антиобщественных представлений, опережающий повышение уровня дезадаптации у корыстных и насильственных рецидивистов. У корыстных рецидивистов прирост составляет +18 % (с двух до трех–четырёх судимостей), +16 % (с трех–четырёх до пяти судимостей); у насильственных рецидивистов +30 % (с двух до трех–четырёх судимостей), +12 % (с трех–четырёх до пяти и более судимостей);

б) негативные изменения в самоотношении, охватывающие к пятой судимости 90 % рецидивистов. В них ведущее значение имеет разрыв между представлениями о жизни и реальностью, осознаваемый рецидивистами (снижение на 46 % у корыстных; на 34 % у насильственных); отказ от планирования собственной жизни (снижение на 44 % у обеих групп) и ухудшение самооценки (снижение на 22 % у корыстных и 18 % у насильственных).

Увеличение социально-психологической дезадаптации повышает риск совершения преступления, однако в сравнении с антиобщественными представлениями, как нам видится на основе полученных данных, имеет обуславливающее, а не детерминирующее значение. Составляющие ее представления фрустрируют рецидивиста, поскольку показывают, что ему, во-первых, недоступны возможности, которыми обладает правопослушный субъект (в силу низкого социального статуса рецидивиста и отсутствующего социального капитала); во-вторых, он не сможет достичь целей, к которым стремился до совершения преступления (некомпетентность и недостаточная эффективность). Данная симптоматика была описана И. С. Ганишиной и С. В. Русиновым, исследовавшими в контексте перспективы жизненных планов специфику личностных особенностей осужденных на различных этапах отбывания наказания (от упрямства, пассивности и утраты смысла жизни до легкомысленности и завышенной самооценки) (Ганишина & Русаков, 2022).

Наше исследование показало, что дезадаптация увеличивает субъективную обоснованность преступления (на 26 % у корыстных рецидивистов и на 42 % у насильственных) и фокусирует преступление на ближайшем социальном окружении (на 30 % больше потерпевших от насильственных действий и на 10 % – от корыстных); повышает готовность к применению насилия (на 38 % выше у насильственных рецидивистов). Высокая социально-психологическая дезадаптация повышает риск совершения насильственных преступлений в отношении близких рецидивисту лиц.

Рост социально-психологической дезадаптации у насильственных рецидивистов обосновывает мотивацию отомщения и наказания виновных. Какова мотивация данных действий? Анализ целей совершения преступления показывает, что насильственный рецидив ориентирован на «восстановление справедливости» (78 %) и «влияние на поведение другого (68 %)» (таблица 3). В объяснениях обследованных рецидивистов отмечается, что ими двигало стремление к прекращению нежелательных действий партнера, утверждению справедливости,

наказанию обидчика. Важно подчеркнуть, что данные описания даются при совершении и двух, и трех–четырех, и пяти, и более преступлений. Можно полагать, что его психологическим механизмом выступает деструктивное стремление к восстановлению самооотношения через причинение насилия окружающим. Акт насилия имеет здесь более символическое, чем практическое значение, поскольку насилие компенсирует социальное и моральное неравенство рецидивистов. Несостоятельность потерпевшего защищать себя и свое имущество, применение к нему насилия дают нападающему рецидивисту символическое подтверждение собственных возможностей. Следует отметить, что для корыстного рецидива уровень социально-психологической дезадаптации не сказывается на повышении риска в отношении социального окружения, напротив, целями совершения преступлений рецидивисты называют «помощь семье» (84 %); «получение дорогих, недоступных вещей» (64 %). Фактически развитию социально-психологической дезадаптации сопутствует усиление мотивации достижения, ориентированной на противоправные действия.

3. Выявлены изменения в моральной регуляции поведения, снижающие ее эффективность при противодействии преступному поведению. Эти результаты в целом соответствуют криминологическим представлениям о личности рецидивиста, например, в трактовке И. С. Лебешева, отметившего: *«Вину за совершенное преступление они, как правило, не признают, перекладывая ответственность на государство, правоохранительные органы или самого потерпевшего»* (Лебешев, 2025).

В исследовании изучался уровень переживаний вины и стыда за совершенные преступления у корыстных и насильственных рецидивистов с различным количеством судимостей.

Результаты показывают, что:

(а) переживание вины и стыда отличается у рецидивистов, совершивших насильственные преступления, и у рецидивистов, совершивших корыстные преступления. Количественно субъекты с криминальным насилием характеризуются более высоким уровнем вины (U крит. = 62,84, при $p < 0,001$) и стыда (U крит. = 65,284, при $p < 0,001$), чем рецидивисты, совершившие корыстные преступления. Фактически доля рецидивистов с высокой интенсивностью переживания вины и стыда у насильственных преступников в 1,53 раза выше, чем у корыстных. Объяснение этому видится в противоречии между общественной моралью и преступлением (убийством, причинением тяжкого вреда здоровью и пр.), не позволяющем объяснить себе и окружающим его совершение. Как следствие, криминогенные механизмы сдерживания или нейтрализации данных переживаний, блокирующие моральную ответственность, еще не функционируют;

(б) у насильственных преступников нет различий в уровне переживания вины и стыда ($p = 0,631$), тогда как у корыстных стыд переживается более интенсивно, чем вина (U крит. = 2,04 при $p = 0,041$). В выборке обследованных у 43 % корыстных рецидивистов уровень стыда превышал уровень вины; у 35 % их уровни совпадали. В сравнении с ними у 45 % насильственных рецидивистов уровни вины и стыда были равны; у 21 % вина превышала стыд, и только в 27 % случаев стыд превышал уровень вины. Объясняется это тем, что для корыстных рецидивистов важна социальная оценка их личности: социальное окружение выполняет значимую роль в формировании их самооотношения. Результаты показывают, что для насильственных преступников вина и стыд не дифференцируются, поскольку осознание неправильности собственных действий (вина) неотделимо от негативной социальной оценки их личности в целом (стыд). По-видимому, вина и стыд комплексно стимулируют формирование негативного самооотношения, проявления которого наблюдались нами через негативную отраженную оценку (представление о себе в глазах окружающих) и сниженную самооценку;

(в) уровень переживаний вины и стыда снижается пропорционально количеству судимостей у всех рецидивистов. Так, если при двух судимостях уровень вины и стыда составляет 100 %, то с каждым циклом рецидива он снижается: у корыстных рецидивистов – на 18–19 %; у насильственных – на 23–28 %, снижаясь к пятой судимости до 35–40 % от исходного уровня. Сравнение групп рецидивистов с разным количеством судимостей показывает, что темпы снижения переживаний вины и стыда ускоряются между третьей–четвертой и пятой судимостями. У насильственных рецидивистов на этом этапе уровень переживаний вины снижается быстрее стыда ($p = 0,025$), тогда как у корыстных темпы снижения вины и стыда совпадают ($p = 0,575$). Мы объясняем это снижением восприимчивости данной категории лиц к социальной оценке из-за нарастающей социально-психологической дезадаптации. Интересно, что в исследовании G. D. Walters с соавторами похожие результаты объясняются ростом возможностей преступников по нейтрализации моральной оценки и упрощением (примитивизацией) социального мышления (Walters et al., 2023).

Подводя итог, отметим, что полученные результаты указывают на специфические новообразования личности рецидивиста, вызванные влиянием циклов рецидива. Ведущим образованием личности рецидивиста выступает совокупность представлений о преступлении и наказании, поощряющих совершение преступления, а также поддерживающих социальную дезадаптацию. Формирование личности рецидивиста характеризуется качественными и количественными изменениями, повышающими общественную опасность его поведения и социальную дезадаптацию с каждым циклом рецидива. Такой вывод созвучен характеристике, данной А. П. Некрасовым категории рецидивистов, которой свойственна деградация социальной составляющей личности (выражающаяся в исключении из социальных связей в сочетании с нарастанием антиобщественных привычек и взглядов) (Некрасов, 2005). Как показывает наше исследование, такая деградация свойственна более широкому контингенту неоднократно осужденных лиц.

Психологическим механизмом этого процесса является развитие и закрепление антиобщественной направленности личности, которая складывается из двух взаимно усиливающих друг друга компонентов – антиобщественных представлений о преступлении и наказании

Рис. 3. Изменение субъективных представлений с увеличением количества судимостей: формирование личности рецидивиста

Fig. 3. Changes in subjective perceptions with increasing number of convictions: formation of a recidivist personality

и представлений о допустимости социально-психологической дезадаптации, отчуждающих от ценностей, норм правопослушного общества, побуждающей к прекращению социальных связей с ним.

В искаженном антиобщественными представлениями сознании рецидивиста преступление становится способом достижения целей, недоступных вследствие развивающейся и усиливающейся социально-психологической дезадаптации. Карательное значение уголовного закона обесценивается, а наказание в виде лишения свободы рассматривается несправедливым, но подтверждающим антиобщественный статус в правопослушном обществе, исключающем возможность реинтеграции. Субъективная картина подготовки преступления рецидивистом подкрепляет эти предположения, показывая снижение страха перед последствиями уголовного наказания, готовности к преступным посягательствам на имущество, здоровье и жизнь близких людей, выстраивание самооправдания с утратой переживаний вины и стыда за совершенные действия. С каждым циклом рецидива вина и стыд как компоненты механизма морального контроля поведения у рецидивиста деградируют, утрачивая функцию сдерживания его антиобщественных побуждений. Этот факт согласуется с идеей о ресурсной функции вины и стыда, сформулированной Е. Г. Зуевой, однако демонстрирует, что их уровень может не достигать необходимого значения, обеспечивающего трансформацию субъектности у рецидивистов (Зуева, 2025).

Еще одним последствием нарушения моральной регуляции может стать угасание способности к восприятию переживаний окружающих людей, которое традиционно описывается как усиление жестокости, эмоциональной нечувствительности и потеря эмпатии. Однако с точки зрения социального познания рецидивисты утрачивают способность понимать причины поступков других людей, адекватно оценивать их поведение и прогнозировать их действия. Итоги исследования L. Oprea с соавторами, продемонстрировавшие снижение способности ментализации (возможности понимать и оценивать поведение других людей) у рецидивистов, отчасти соответствуют сделанным нами выводам (Oprea et al., 2025).

Результаты подтверждают и выводы зарубежных авторов о проблемах организации ресоциализирующего воздействия на рецидивистов в пенитенциарный период (Сечко, 2020), поскольку свидетельствуют о специфических изменениях личности, препятствующих любому профилактическому воздействию. Присущие такой личности антиобщественные установки и представления о допустимости социально-психологической дезадаптации объясняют не только основания намеренного противопоставления себя обществу, но и устойчивость подобной позиции. В определенной мере социальная дезадаптация является выбором рецидивиста, а не следствием воздействия на него пенитенциарной среды.

Результаты исследования подтверждают идеи Ю. Е. Суслова, А. Ф. Федорова и А. В. Беспалова о том, что цели воспитательного воздействия в виде привития правовых и моральных норм, формирование правосознания и понимание неотвратимости наказания, развитие ответственности перед обществом могут быть переосмыслены с учетом психологических особенностей личности рецидивиста (Суслов и др., 2024). Нравственное, правовое, трудовое, физическое и иные направления воспитательного воздействия на осужденных рецидивистов могут быть успешно реализованы при трансформации форм и методов воспитательной работы, ориентированной на более высокий уровень антиобщественных представлений о преступлении и наказании и социально-психологической дезадаптации. Их влияние очевидно затрудняет осуществление воспитательной работы и при завершении срока отбывания наказания может препятствовать реинтеграции в общество. Результаты нашего исследования отчасти объясняют, почему усилия по профессиональному обучению лиц, отбывающих наказание, их трудоустройству после освобождения не слишком заметно влияют на снижение рецидивной преступности (Филиппова, 2022) и оставляют под вопросом достижение цели исправления осужденного.

Заключение

В статье выдвигалась, теоретически и эмпирически обосновывалась гипотеза о регулятивной специфике личности рецидивиста, характеризующейся антиобщественными представлениями о преступлении и наказании, а также представлениями о социально-психологической дезадаптации, приводящими в совокупности к росту риска рецидива преступления в зависимости от увеличения циклов рецидива.

Теоретическое исследование расширило сведения о личности рецидивиста и раскрыло психологическое своеобразие ее составляющих. Выявление закономерностей в субъективных представлениях о преступлении и наказании, присущих рецидивистам, восполняет существующий дефицит информации о психологических регуляторах противоправного поведения, дополняя и уточняя знания о предпосылках неудач реинтеграции в общество. Теоретическое исследование обосновало возможность использования социально-когнитивного подхода и теорий социального познания для анализа представлений о преступлении и наказании у неоднократно судимых лиц.

Методическим результатом исследования стало обоснование возможности диагностики представлений о преступлении, наказании, а также личности рецидивиста в связи с ними. Кроме того, исследование актуализировало потребность в специализированных методиках диагностики вины и стыда у лиц, осужденных за совершение различных видов преступлений.

Ограничения исследования. Теоретическим ограничением является выбранный субъектно-деятельностный подход к личности рецидивиста, не позволяющий изучить компоненты личности за пределами аналитической схемы рецидива преступления. Его преодоление может быть выполнено за счет применения дифференциально-типологического и социально-психологического подходов к изучению личности рецидивиста. Эмпирическим ограничением является сопоставительный, а не лонгитюдный дизайн исследования. В связи с этим, несмотря на однородность дисперсий показателей в подгруппах выборок с разным количеством рецидива, целесообразным выступает подтверждение полученных результатов посредством лонгитюдного исследования.

Дальнейшими направлениями применения результатов исследования выступают, во-первых, разработка теории личности рецидивиста с позиции теории социального познания; во-вторых, понимание механизмов регуляции правопослушного и противоправного поведения, базирующихся на антиобщественных представлениях о преступлении и наказании, а также моральных переживаниях вины и стыда; в-третьих, дальнейшее исследование психологии насильственных и корыстных преступлений, совершаемых неоднократно судимыми лицами.

Список литературы

- Абульханова, К. А. (2002). Социальные представления и мышление личности. В *Современная психология: состояние и перспективы исследований* (Ч. 3, с. 88–103). Институт психологии РАН.
- Антонян, Е. А. (2014). *Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование* [Диссертация доктора юридических наук, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)].
- Ганишина, И. С., & Русаков, С. В. (2022). Жизненные планы осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима. *Пенитенциарная наука*, 16(2), 213–219. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.011>

- Глухов, А. А., & Егереева, О. А. (2019). Роль характеристики личности преступника в расследовании преступлений, совершенных ранее судимыми лицами. *Молодой ученый*, (12), 159–162.
- Горкин, В. И. (2007). *Рецидивная преступность и криминальная среда* [Автореферат диссертации кандидата юридических наук, Саратовская государственная юридическая академия].
- Забелич, А. А. (2013). *Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования* [Диссертация кандидата юридических наук, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний].
- Злоказов, К. В. (2014). Стили криминального мышления как диагностический конструкт. *Вестник Уральского юридического института МВД России*, (1), 76–80.
- Злоказов, К. В. (2021). *Социальное пространство в представлении преступника*. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Злоказов, К. В., & Пивоварова, Т. В. (2024). Дисфункции отношений к социальному окружению в контексте нарушений социальной реинтеграции лиц, освобожденных из мест лишения свободы. *Виктимология*, 11(1), 162–175. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-1-162-175>
- Зуева, Е. Г. (2025). Ресурсные функции вины, совести и стыда в процессе трансформаций субъектности постпенитенциарной личности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4 (108), 294–302.
- Ковалев, А. Г. (1968). *Психологические основы исправления правонарушителя*. Юридическая литература.
- Козлов, А. П., & Севастьянов, А. П. (2015). *Единичные и множественные преступления*. Юридический центр-Пресс.
- Коноплева, И. Н., Князева, С. О., Дебольский, М. Г., & Красненкова, С. А. (2022). Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве. *Психология и право*, 12(2), 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>
- Короткова, Е. В. (2002). *Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому* [Диссертация кандидата психологических наук, Ростовский государственный университет].
- Кунц, Е. В. (2025). Некоторые вопросы криминологической характеристики преступника, совершившего рецидивное преступление. *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*, (2), 12–15. <https://doi.org/10.18572/2072-4438-2025-2-12-15>
- Кургузкина, Е. Б. (2003). *Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений* [Автореферат диссертации доктора юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации].
- Лебешев, И. С. (2025). *Личность рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы* [Автореферат диссертации кандидата юридических наук, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)].
- Левина, Е. А. (2004). *Исследование характерологических симптомокомплексов различных групп осужденных* [Диссертация кандидата психологических наук, Самара].
- Леонов, Н. И. (2004). Онтологический подход в социальной психологии. *Ярославский психологический вестник*, 13, 30–32.
- Макогон, И. К., & Ениколопов, С. Н. (2014). Апробация методики измерения склонности к переживанию чувств вины и стыда (GASP). *Вопросы психологии*, 4, 118–126.
- Миньковский, Г. М. (1971). К вопросу о типологии несовершеннолетних правонарушителей. В *Вопросы судебной психологии: Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной конференции по судебной психологии* (с. 31–32).

- Михайлов, А. Н. (1998). *Личность и деятельность рецидивиста в условиях исправительного учреждения (психологический аспект)* [Диссертация кандидата психологических наук].
- Москалев, А. Ю. (2012). Особенности личности рецидивистов. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, (2), 84–89.
- Некрасов, А. П. (2005). *Пенитенциарный рецидив в исправительных учреждениях: теория исследования и меры противодействия* [Диссертация доктора юридических наук, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации].
- Новикова, Ю. В. (2021). Типологические схемы личности преступника в структуре криминологической характеристики преступности (преступлений). *Общество и право*, 2 (76), 32–37.
- Пастушеня, А. Н. (2010). Уровни психической регуляции социального поведения индивида и их учет в психологическом анализе преступления. *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*, 2 (20), 152–156.
- Пастушеня, А. Н. (2015). Психологическая диагностика степени исправления осужденных: основы теории и методики. *Прикладная юридическая психология*, 4, 10–20.
- Пахомова, Д. А. (2023a). К вопросу о психологических особенностях личности осужденных рецидивистов. *Прикладная юридическая психология*, 4 (65), 116–126. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).116-126](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).116-126)
- Пахомова, Д. А. (2023b). Теоретический анализ проблемы рецидивной преступности в современной юридической психологии. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 4, 44–48. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-4-44-48>
- Поминов, А. В. (2026). Психологические аспекты содержания вины в уголовном праве. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1 (109), 307–318.
- Разумова, Е. М. (2007). *Психологические особенности личности преступников-рецидивистов* [Автореферат диссертации кандидата психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет].
- Ратинов, А. Р. (1981). К ядру личности преступника. В *Актуальные проблемы уголовного права и криминологии* (с. 59–63).
- Сахаров, А. Б. (1961). *О личности преступника и причинах преступности в СССР*. Госюриздат.
- Сечко, А. В. (2020). Психологические факторы рецидивизма и его профилактики (по материалам зарубежных исследований). *Современная зарубежная психология*, 9(1), 85–93. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090109>
- Суслов, Ю. Е., Фёдоров, А. Ф., & Беспалова, А. В. (2024). Современные проблемы повторной преступности. Социально-психологический аспект. *Психология и право*, 14(4), 68–84. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140405>
- Филиппова, О. В. (2022). Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период. *Всероссийский криминологический журнал*, 16(2), 207–216. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).207-216](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).207-216)
- Филиппова, О. В. (2025). Рецидивная преступность в России: тенденции и закономерности. *Всероссийский криминологический журнал*, 19(2), 137–147. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19\(2\).137-147](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19(2).137-147)
- Цветкова, Н. А. (2024). Личностные характеристики вновь осужденных к лишению свободы мужчин, связанные с временным интервалом между двумя судимостями. *Психология и право*, 14(3), 94–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140308>
- Шаранов, Ю. А., & Зуева, Е. Г. (2024). Психолого-юридическая динамика структуры и функций вины в процессе решения постпенитенциарной проблемы российского

- общества. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 29(1), 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11>
- Щербаков, Г. В. (2023). Эволюция идеи исправления осужденных. *Прикладная юридическая психология*, 3 (64), 15–25.
- Эминов, В. Е., & Антонян, Ю. М. (2015). Личность преступника и ее формирование. *Актуальные проблемы российского права*, 1 (50), 37.
- Яковлев, А. М. (1971). *Преступность и социальная психология* (с. 35–37). Юридическая литература.
- Allen, C. H., Gullapalli, A. R., Milillo, M., Ulrich, D. M., Rodriguez, S. N., Maurer, J. M., Aharoni, E., Anderson, N. E., Harenski, C. L., Vincent, G. M., & Kiehl, K. A. (2024). Psychopathy scores predict recidivism in high-risk youth: A five-year follow-up study. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*, 52(7), 1089–1103. <https://doi.org/10.1007/s10802-024-01169-x>
- DeLisi, M., Drury, A. J., & Elbert, M. J. (2022). The p factor, crime, and criminal justice: A criminological study of Caspi et al.'s general psychopathology general theory. *International Journal of Law and Psychiatry*, 81, Article 101773. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2021.101773>
- Jasni, M. A., Hassan, N., Ibrahim, F., Kamaluddin, M. R., & Sulaiman, S. (2024). Exploring the factors of recidivism from the perspectives of homeless former prisoners, government agency officers, and volunteers. *Journal of Population and Social Studies*, 33, 175–197. <https://doi.org/10.25133/jpssv332025.01>
- Moretti, G., Flutti, E., Colanino, M., Ferlito, D., Amoresano, L., & Travaini, G. (2024). Recidivism risk in male adult sex offenders with psychopathic traits assessed by PCL-R: A systematic review. *Medicine, Science and the Law*, 64(1), 41–51. <https://doi.org/10.1177/00258024231187186>
- Opriş, L., Hurezan, L., & Visu-Petra, L. (2025). Reading the mind in the dark: Theory of mind and dark personality as predictors of criminal behavior and recidivism. *Journal of Criminal Justice*, 99, Article 102451. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2025.102451>
- Silver, J. R., & Silver, E. (2021). The nature and role of morality in offending: A moral foundations approach. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 58(3), 343–380. <https://doi.org/10.1177/0022427820960201>
- Simourd, D. J., & Olver, M. E. (2002). The future of criminal attitudes research and practice. *Criminal Justice and Behavior*, 29(4), 427–446. <https://doi.org/10.1177/0093854802029004005>
- Van Vugt, E., Gibbs, J., Stams, G. J., Bijleveld, C., Hendriks, J., & van der Laan, P. (2011). Moral development and recidivism: A meta-analysis. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 55(8), 1234–1250. <https://doi.org/10.1177/0306624X11396441>
- Walters, G. D. (2025). The effect of direct interventions for antisocial cognition on recidivism in antisocial populations: A meta-analysis. *Journal of Experimental Criminology*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1007/s11292-025-09675-8>
- Walters, G. D., Kremser, J., & Runell, L. (2023). Mediating the worst of both worlds effect with facets of criminal thought process: Moral neutralization, cognitive impulsivity, and their interaction. *Deviant Behavior*, 44(10), 1427–1442. <https://doi.org/10.1080/01639625.2023.2207710>
- Werth, K. A., & Coolidge, F. L. (2025). Psychological and neuropsychological assessment of recidivism in 1,490 adult prison inmates. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 36(6), 869–885. <https://doi.org/10.1080/14789949.2025.2581574>

References

- Abul'hanova, K. A. (2002). Social'nye predstavleniya i myshlenie lichnosti. V *Sovremennaya psihologiya: sostoyanie i perspektivy issledovaniy* (Ch. 3, s. 88–103). Institut psihologii RAN.

- Antonyan, E. A. (2014). *Lichnost' recidivista: kriminologicheskoe i ugovolno-ispolnitel'noe issledovanie* [Dissertaciya doktora yuridicheskikh nauk, Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet im. O.E. Kutafina (MGYUA)].
- Ganishina, I. S., & Rusakov, S. V. (2022). Zhiznennye plany osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazaniya v ispravitel'noj kolonii obshchego rezhima. *Penitenciarnaya nauka*, 16(2), 213–219. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.011>
- Gluhov, A. A., & Egereva, O. A. (2019). Rol' harakteristiki lichnosti prestupnika v rassledovanii prestuplenij, sovershennyh ranee sudimymi licami. *Molodoj uchenyj*, (12), 159–162.
- Gorkin, V. I. (2007). *Recidivnaya prestupnost' i kriminal'naya sreda* [Avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk, Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya].
- Zabelich, A. A. (2013). *Lichnost' professional'nogo prestupnika, otbyvayushchego nakazanie v mestah lisheniya svobody, kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovaniya* [Dissertaciya kandidata yuridicheskikh nauk, Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy].
- Zlokazov, K. V. (2014). Stili kriminal'nogo myshleniya kak diagnosticheskij konstrukt. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, (1), 76–80.
- Zlokazov, K. V. (2021). *Social'noe prostranstvo v predstavlenii prestupnika*. Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Zlokazov, K. V., & Pivovarova, T. V. (2024). Disfunkcii otnoshenij k social'nomu okruzeniyu v kontekste narushenij social'noj reintegracii lic, osvobozhdennyh iz mest lisheniya svobody. *Viktimologiya*, 11(1), 162–175. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-1-162-175>
- Zueva, E. G. (2025). Resursnye funkcii viny, sovesti i styda v processe transformacij sub'ektnosti postpenitenciarnoj lichnosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4 (108), 294–302.
- Kovalev, A. G. (1968). *Psihologicheskie osnovy ispravleniya pravonarushitelya*. Yuridicheskaya literatura.
- Kozlov, A. P., & Sevast'yanov, A. P. (2015). *Edinichnye i mnozhestvennye prestupleniya*. Yuridicheskij centr-Press.
- Konopleva, I. N., Knyazeva, S. O., Debol'skij, M. G., & Krasnenkova, S. A. (2022). Osobennosti samoregulyacii u osuzhdennyh, sovershivshih prestupleniya pri recidive. *Psihologiya i pravo*, 12(2), 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>
- Korotkova, E. V. (2002). *Social'no-psihologicheskij analiz viny i styda kak sistemy otnoshenij lichnosti k sebe i drugomu* [Dissertaciya kandidata psihologicheskikh nauk, Rostovskij gosudarstvennyj universitet].
- Kunc, E. V. (2025). Nekotorye voprosy kriminologicheskoy harakteristiki prestupnika, sovershivshego recidivnoe prestuplenie. *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2, 12–15. <https://doi.org/10.18572/2072-4438-2025-2-12-15>
- Kurguzkina, E. B. (2003). *Teoriya lichnosti prestupnika i problemy individual'noj profilaktiki prestuplenij* [Avtoreferat dissertacii doktora yuridicheskikh nauk, Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut MVD Rossijskoj Federacii].
- Lebeshev, I. S. (2025). *Lichnost' recidivista, otbyvayushchego nakazanie v mestah lisheniya svobody* [Avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk, Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet im. O. E. Kutafina (MGYUA)].
- Levina, E. A. (2004). *Issledovanie harakterologicheskikh simptomokompleksov razlichnyh grupp osuzhdennyh* [Dissertaciya kandidata psihologicheskikh nauk, Samara].
- Leonov, N. I. (2004). Ontologicheskij podhod v social'noj psihologii. *Yaroslavskij psihologicheskij vestnik*, 13, 30–32.

- Makogon, I. K., & Enikolopov, S. N. (2014). Aprobaciya metodiki izmereniya sklonnosti k perezhivaniyu chuvstv viny i styda (GASP). *Voprosy psihologii*, 4, 118–126.
- Min'kovskij, G. M. (1971). K voprosu o tipologii nesovershennoletnih pravonarushitelej. V *Voprosy sudebnoj psihologii: Tezisy dokladov i soobshchenij na Vsesoyuznoj konferencii po sudebnoj psihologii* (s. 31–32).
- Mihajlov, A. N. (1998). *Lichnost' i deyatel'nost' recidivista v usloviyah ispravitel'nogo uchrezhdeniya (psihologicheskij aspekt)* [Dissertaciya kandidata psihologicheskikh nauk].
- Moskalev, A. Yu. (2012). Osobennosti lichnosti recidivistov. *Psihopedagogika v pravooohranitel'nyh organah*, (2), 84–89.
- Nekrasov, A. P. (2005). *Penitenciarnyj recidiv v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah: teoriya issledovaniya i mery protivodejstviya* [Dissertaciya doktora yuridicheskikh nauk, Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii].
- Novikova, Yu. V. (2021). Tipologicheskie skhemy lichnosti prestupnika v strukture kriminologicheskoy harakteristiki prestupnosti (prestuplenij). *Obshchestvo i pravo*, 2 (76), 32–37.
- Pastushenya, A. N. (2010). Urovni psihicheskoy regul'yacii social'nogo povedeniya individa i ih uchet v psihologicheskom analize prestupleniya. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*, 2 (20), 152–156.
- Pastushenya, A. N. (2015). Psihologicheskaya diagnostika stepeni ispravleniya osuzhdennyh: osnovy teorii i metodiki. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4, 10–20.
- Pahomova, D. A. (2023a). K voprosu o psihologicheskikh osobennostyah lichnosti osuzhdennyh recidivistov. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (65), 116–126. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).116-126](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).116-126)
- Pahomova, D. A. (2023b). Teoreticheskij analiz problemy recidivnoj prestupnosti v sovremennoj yuridicheskoy psihologii. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 4, 44–48. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-4-44-48>
- Pominov, A. V. (2026). Psihologicheskie aspekty soderzhaniya viny v ugovnom prave. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (109), 307–318.
- Razumova, E. M. (2007). *Psihologicheskie osobennosti lichnosti prestupnikov-recidivistov* [Avtoreferat dissertacii kandidata psihologicheskikh nauk, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet].
- Ratinov, A. R. (1981). K yadru lichnosti prestupnika. V *Aktual'nye problemy ugovnogo prava i kriminologii* (s. 59–63).
- Saharov, A. B. (1961). *O lichnosti prestupnika i prichinah prestupnosti v SSSR*. Gosyurizdat.
- Sechko, A. V. (2020). Psihologicheskie faktory recidivizma i ego profilaktiki (po materialam zarubezhnyh issledovanij). *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 9(1), 85–93. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090109>
- Suslov, Yu. E., Fyodorov, A. F., & Bupalova, A. V. (2024). Sovremennye problemy povtornoj prestupnosti. Social'no-psihologicheskij aspekt. *Psihologiya i pravo*, 14(4), 68–84. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140405>
- Filippova, O. V. (2022). Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti recidivista v Rossii: osnovnye tendencii izmeneniya parametrov v sovremennyj period. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 16(2), 207–216. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).207-216](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).207-216)
- Filippova, O. V. (2025). Recidivnaya prestupnost' v Rossii: tendencii i zakonovernosti. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 19(2), 137–147. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19\(2\).137-147](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19(2).137-147)

- Cvetkova, N. A. (2024). Lichnostnye harakteristiki vnov' osuzhdennykh k lisheniyu svobody muzhchin, svyazannye s vremennym intervalom mezhdu dvumya sudimostyami. *Psihologiya i pravo*, 14(3), 94–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140308>
- Sharanov, Yu. A., & Zueva, E. G. (2024). Psihologo-yuridicheskaya dinamika struktury i funkciy viny v processe resheniya postpenitenciarnej problemy rossijskogo obshchestva. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 29(1), 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11>
- Shcherbakov, G. V. (2023). Evolyuciya idei ispravleniya osuzhdennykh. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 3 (64), 15–25.
- Eminov, V. E., & Antonyan, Yu. M. (2015). Lichnost' prestupnika i ee formirovanie. Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 1 (50), 37.
- Yakovlev, A. M. (1971). *Prestupnost' i social'naya psihologiya* (s. 35–37). Yuridicheskaya literatura.
- Allen, C. H., Gullapalli, A. R., Milillo, M., Ulrich, D. M., Rodriguez, S. N., Maurer, J. M., Aharoni, E., Anderson, N. E., Harenski, C. L., Vincent, G. M., & Kiehl, K. A. (2024). Psychopathy scores predict recidivism in high-risk youth: A five-year follow-up study. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*, 52(7), 1089–1103. <https://doi.org/10.1007/s10802-024-01169-x>
- DeLisi, M., Drury, A. J., & Elbert, M. J. (2022). The p factor, crime, and criminal justice: A criminological study of Caspi et al.'s general psychopathology general theory. *International Journal of Law and Psychiatry*, 81, Article 101773. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2021.101773>
- Jasni, M. A., Hassan, N., Ibrahim, F., Kamaluddin, M. R., & Sulaiman, S. (2024). Exploring the factors of recidivism from the perspectives of homeless former prisoners, government agency officers, and volunteers. *Journal of Population and Social Studies*, 33, 175–197. <https://doi.org/10.25133/jpssv332025.01>
- Moretti, G., Flutti, E., Colanino, M., Ferlito, D., Amoresano, L., & Travaini, G. (2024). Recidivism risk in male adult sex offenders with psychopathic traits assessed by PCL-R: A systematic review. *Medicine, Science and the Law*, 64(1), 41–51. <https://doi.org/10.1177/00258024231187186>
- Opriş, L., Hurezan, L., & Visu-Petra, L. (2025). Reading the mind in the dark: Theory of mind and dark personality as predictors of criminal behavior and recidivism. *Journal of Criminal Justice*, 99, Article 102451. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2025.102451>
- Silver, J. R., & Silver, E. (2021). The nature and role of morality in offending: A moral foundations approach. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 58(3), 343–380. <https://doi.org/10.1177/0022427820960201>
- Simourd, D. J., & Olver, M. E. (2002). The future of criminal attitudes research and practice. *Criminal Justice and Behavior*, 29(4), 427–446. <https://doi.org/10.1177/0093854802029004005>
- Van Vugt, E., Gibbs, J., Stams, G. J., Bijleveld, C., Hendriks, J., & van der Laan, P. (2011). Moral development and recidivism: A meta-analysis. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 55(8), 1234–1250. <https://doi.org/10.1177/0306624X11396441>
- Walters, G. D. (2025). The effect of direct interventions for antisocial cognition on recidivism in antisocial populations: A meta-analysis. *Journal of Experimental Criminology*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1007/s11292-025-09675-8>
- Walters, G. D., Kremser, J., & Runell, L. (2023). Mediating the worst of both worlds effect with facets of criminal thought process: Moral neutralization, cognitive impulsivity, and their interaction. *Deviant Behavior*, 44(10), 1427–1442. <https://doi.org/10.1080/01639625.2023.2207710>
- Werth, K. A., & Coolidge, F. L. (2025). Psychological and neuropsychological assessment of recidivism in 1,490 adult prison inmates. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 36(6), 869–885. <https://doi.org/10.1080/14789949.2025.2581574>

Информация об авторах

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент.

Татьяна Васильевна Пивоварова – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин инженерно-технического факультета Санкт-Петербургского университета ФСИН России, кандидат психологических наук.

About the authors

Kirill V. Zlokazov – Head of the Department for the Organisation of Research, Editorial and Publishing Activities, Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Psy.), Docent.

Tatyana V. Pivovarova – Senior Lecturer at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Faculty of Engineering and Technology, Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Cand. Sci. (Psy).

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 01.07.2026

Одобрена после рецензирования 17.07.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted July 01, 2026

Approved after reviewing July 17, 2026

Accepted July 30, 2026

УДК 159:004:343.9

Preventing social engineering crimes: Vietnam's experience with the “5-NOs” rule and its alignment with modern behavioral psychology

Ninh Van Ngo

People's Security Academy,
Ministry of Public Security
(Hanoi, Vietnam)

ninhngo.pnsyc@gmail.com

ORCID: 0009-0002-3314-0002

Abstract

Introduction. The article examines Vietnam's “5-NOs” rule as a behavioral cybercrime prevention model against social engineering crimes. Drawing on case study analysis and theoretical cross-examination, the study analyzes how social engineering exploits cognitive vulnerability, emotional pressure, trust, urgency, and authority to manipulate victims' decision-making. In the context of industrialized scam centers, transnational cyber fraud, and AI-enhanced deception, the article argues that effective prevention requires not only technical cybersecurity measures but also the strengthening of human cognitive protection capacity. Based on an analysis of the psychological underpinnings of cybercrime, it has been shown that social engineering exploits cognitive vulnerabilities, emotional pressure, a psychological predisposition to trust, and factors such as urgency and the speaker's authority to manipulate the victim's decision-making process.

Methods: general scientific methods of information processing (analysis, synthesis, specification) and discipline-specific methodology (case studies) are used to generalize and specify our understanding of behavioral strategies for countering cybercrimes committed through social engineering. **Results.** The findings suggest that Vietnam's “5-NOs” rule functions as a practical “Human Firewall” mechanism by translating critical thinking into simple behavioral refusal principles: no fear, no greed, no disclosure, no access, and no transfer. The article contributes to cybercrime prevention literature by positioning the Vietnamese experience as a community-based cognitive prevention model that may offer useful policy implications for countries facing similar social engineering threats.

Keywords

social engineering, Human Firewall, behavioral decision-making, “5-NOs” rule, cybercrime prevention, behavioral psychology, cognitive management, social prevention ecosystem

For citation: Ngo, N. V. (2026). Preventing social engineering crimes: Vietnam's experience with the “5-NOs” rule and its alignment with modern behavioral psychology. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 288–298.

Правило пяти «нет»: профилактика киберпреступлений, совершаемых методом социальной инженерии, в свете современной поведенческой психологии Республики Вьетнам

Нин Ван Нго

Академия общественной безопасности Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам
(Ханой, Вьетнам)

ninhngo.pnsyc@gmail.com

ORCID: 0009-0002-3314-0002

Аннотация

Введение. В статье рассматривается Правило пяти «нет», представляющее собой поведенческую модель профилактики киберпреступлений, используемую в Республике Вьетнам в целях предупреждения преступных посягательств с использованием методов социальной инженерии. Оценивая рост индустриализованных центров телефонного мошенничества, транснационального кибермошенничества и обмана с использованием искусственного интеллекта, автор отмечает, что эффективная профилактика требует не только применения технических мер кибербезопасности, но и укрепления когнитивных способностей для защиты от киберпреступников. На основе анализа представлений о психологических предпосылках киберпреступлений показано, что социальная инженерия использует когнитивную уязвимость, эмоциональное давление, психологическую установку на доверие, факторы срочности и авторитета говорящего для манипулирования процессом принятия решений жертвой. **Методы:** общенаучные методы обработки информации (анализ, синтез, конкретизация) и частнонаучная методология (анализ случаев (case study) применяются для обобщения и конкретизации представлений о поведенческих стратегиях противодействия киберпреступлениям, совершаемым методом социальной инженерии. **Результаты.** Полученные данные показывают, что Правило пяти «нет», разработанное на основе теоретических представлений о поведении жертвы кибермошенников, функционирует как механизм «межсетевого экрана» (Human Firewall), переводя принципы критического мышления в простые поведенческие правила отказа: не поддавайся страху, не поддавайся жадности, не разглашай, не предоставляй доступ, не переводи. Статья расширяет представления о психологической профилактике киберпреступлений, демонстрируя вьетнамский опыт как модель когнитивной профилактики киберпреступлений для стран, население которых подвергается аналогичным угрозам.

Ключевые слова

социальная инженерия, человеческий межсетевой экран, принятие решений, Правило пяти «нет», профилактика киберпреступлений, поведенческая психология, когнитивный менеджмент

Для цитирования: Нго, Н. В. (2026). Правило пяти «нет»: профилактика киберпреступлений, совершаемых методом социальной инженерии, в свете современной поведенческой психологии Республики Вьетнам. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 288–298.

Introduction

In the era of global digital transformation, cybercrime has shifted from purely technical attacks to sophisticated forms that directly manipulate human cognition. According to Hadnagy (2018), Social Engineering is not merely a fraudulent act but a science of intentional influence aimed at neutralizing the most complex security systems through psychological manipulation.

This phenomenon has reached industrial proportions in Southeast Asia with the emergence of cross-border “scam centers” linked to cyber fraud, trafficking in persons, money laundering, underground banking, and transnational organized crime networks in East and Southeast Asia (UNODC, 2023, 2024). According to UNODC (2024), estimated annual revenues generated by these criminal operations range from USD 18 billion to USD 37 billion. The phenomenon reflects a form of “double victimization,” in which trafficked or coerced individuals are forced to participate in online fraud operations while online citizens become victims of large-scale asset misappropriation.

The massive scale of this criminal network was further demonstrated by INTERPOL's Operation First Light 2024, a global crackdown targeting phishing, investment fraud, fake online shopping, romance scams, and impersonation scams across multiple jurisdictions. The operation resulted in nearly 4,000 arrests and the seizure of approximately USD 257 million in illicit assets¹.

Recent developments in generative artificial intelligence and deepfake technologies have further intensified the sophistication of social engineering attacks. AI-generated voice cloning, synthetic video impersonation, and automated conversational systems now enable cybercriminals to simulate trusted identities with unprecedented realism. As a result, psychological manipulation no longer depends solely on human persuasion skills but is increasingly amplified by AI-driven deception capable of accelerating emotional trust, panic, and impulsive decision-making. This observation is consistent with recent research showing that generative artificial intelligence can significantly amplify social engineering by enabling realistic content creation, advanced personalization, and automated attack infrastructure (Schmitt & Flechais, 2024).

In Vietnam, this challenge has become increasingly urgent, with economic losses caused by cyber-enabled fraud between 2020 and 2025 estimated at nearly VND 40 trillion². The success of these crimes stems from exploiting cultural collectivism to paralyze critical thinking - a phenomenon consistent with behavioral decision-making theories, where emotional pressure weakens rational judgment and increases impulsive compliance (Kahneman, 2011).

Against this backdrop, this article focuses on decoding the psychological mechanisms behind the operation of scam centers, thereby sharing Vietnam's practical experience in building the "Human Firewall" model. The core of this model is the 5-NOs rule implemented by the Vietnam People's Public Security forces - an exemplary prevention strategy that combines cognitive education and law enforcement to ensure sustainable cyberspace protection.

Theoretical Framework and Literature Review

Social Engineering as a Behavioral Form of Cybercrime

Recent studies indicate that cybercrime has evolved from purely technical attacks into psychologically oriented forms of manipulation targeting human cognition and behavior. According to Hadnagy (2018), Social Engineering refers to the deliberate exploitation of psychological vulnerabilities such as trust, fear, urgency, authority, and emotional dependence in order to manipulate victims into

¹ INTERPOL. (2024, June 27). *USD 257 million seized in global police crackdown against online scams*. <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2024/USD-257-million-seized-in-global-police-crackdown-against-online-scams>

² Vietnam Government Electronic Newspaper. (2025, December 29). *Cybercrime causes nearly VND 40 trillion in losses during the 2020–2025 period* [In Vietnamese]. <https://baochinhphu.vn/toi-pham-mang-gay-thiet-hai-gan-40000-ty-dong-giai-doan-2020-2025-102251229175200352.htm>

compliance. Unlike traditional hacking methods that target technological systems, Social Engineering primarily attacks human decision-making processes.

Contemporary criminological research increasingly emphasizes the behavioral dimension of cybercrime. Wall (2007) argued that contemporary cybercrime increasingly exploits social interaction and human vulnerabilities embedded within digital communication systems. Similarly, Yar (2013) emphasized that modern online offending increasingly relies on symbolic persuasion and emotional influence rather than purely on technical expertise.

Within this framework, Social Engineering can be understood as a form of behavioral cybercrime in which offenders intentionally manipulate cognitive processes in order to bypass rational behavioral regulation and exploit emotional instability.

Behavioral Decision-Making and Cognitive Manipulation

The psychological effectiveness of Social Engineering can be explained through behavioral decision-making theories. According to Kahneman (2011), human cognition operates through two interconnected systems: intuitive-emotional processing (System 1) and analytical-rational processing (System 2). Under conditions of emotional pressure, urgency, fear, or excitement, individuals tend to rely on rapid emotional reactions rather than logical evaluation.

More recent cybersecurity research further supports this cognitive explanation by showing that heuristic processing and cognitive biases play a central role in users' susceptibility to social engineering attacks (Greavu-Şerban et al., 2025) found that social engineering vulnerability is closely associated with psychological shortcuts and biased decision-making, particularly when users are exposed to uncertainty, urgency, authority cues, or emotionally loaded messages. This reinforces the argument that Social Engineering operates not only through deception, but also through the deliberate exploitation of cognitive vulnerabilities in human decision-making.

Behavioral decision-making theories suggest that emotional pressure, urgency, and cognitive overload significantly weaken rational behavioral regulation and increase impulsive decision-making (Kahneman, 2011). In cybercrime contexts, offenders intentionally create psychological instability in order to reduce critical thinking and increase victim compliance.

Recent cyberpsychology studies also suggest that digital environments accelerate trust formation through anonymity, emotional projection, and identity flexibility. According to Whitty (2013), these characteristics enable offenders to rapidly construct false legitimacy and emotional dependence during online interactions. Consequently, Social Engineering functions not merely as deception, but as a process of behavioral destabilization aimed at temporarily suppressing rational cognitive control.

Persuasion Theory and Emotional Triggers

Research on persuasion theory further explains the effectiveness of online fraud schemes. Cialdini (2009) identified several major principles of persuasion, including authority, scarcity, reciprocity, social proof, commitment, and liking. Contemporary online fraud operations frequently operationalize these principles through impersonation tactics, romance scams, fake investment opportunities, and emergency scenarios designed to manipulate emotional responses.

Such emotional triggers significantly reduce the victim's capacity for rational judgment. In this sense, Social Engineering succeeds because emotional arousal temporarily overwhelms critical cognitive evaluation mechanisms. This process is particularly effective in online environments characterized by information overload, anonymity, and rapid communication.

Human Firewall and Preventive Criminology

The growing recognition that humans constitute the primary vulnerability in cybersecurity has contributed to the development of the "Human Firewall" concept. Unlike traditional cybersecurity

approaches focused primarily on technical protection, the Human Firewall model emphasizes cognitive awareness, behavioral resilience, and critical thinking as central mechanisms of cyber defense (Siegel, 1980, Thaler & Sunstein, 2009).

This approach is closely connected to the theory of Critical Thinking proposed by Harvey Siegel, which emphasizes rational evaluation and independent judgment as essential components of decision-making (Siegel, 1980). In addition, the behavioral intervention framework developed by Richard Thaler and Cass Sunstein through “Nudge Theory” suggests that simple and repeated behavioral guidance can shape safer decision-making patterns without requiring complex technical expertise (Thaler & Sunstein, 2009).

Within this context, Vietnam’s “5-NOs” strategy may be interpreted as a behavioral prevention model designed to strengthen rational decision-making under psychological pressure and enhance community-based cyber prevention capacity. Protection Motivation Theory (PMT) further reinforces this perspective by explaining how individuals adopt protective behaviors when confronted with perceived threats (Rogers, 1975). According to PMT, protective action depends on two cognitive processes: threat appraisal (perceived severity and vulnerability) and coping appraisal (belief in one’s ability to respond effectively). From this perspective, the “5-NOs” strategy functions not only as a behavioral guideline but also as a coping mechanism designed to enhance public self-efficacy and resistance against psychologically manipulative cyber threats.

Research Gap and Theoretical Contribution

Although previous studies have extensively examined online fraud and Social Engineering, several important gaps remain. First, limited research has analyzed Social Engineering through the lens of behavioral decision-making and cognitive destabilization. Second, empirical studies on Southeast Asian prevention models remain relatively underdeveloped, particularly regarding community-based cognitive prevention strategies.

However, recent Vietnam-focused empirical research has begun to provide important evidence on users’ awareness of online scams. Pham et al. (2024), through an empirical survey of Vietnamese users, found that scam recognition varies across user groups and that prior victimization and information technology-related experience may influence users’ ability to identify fraudulent scenarios. This finding suggests that anti-scam prevention in Vietnam should not be understood merely as a matter of information dissemination, but as a behavioral and cognitive problem involving perception, experience, and decision-making capacity.

Therefore, this study contributes to the literature by integrating criminological psychology with cybercrime prevention, applying behavioral decision-making theory to online fraud analysis, and examining Vietnam’s “5-NOs” model as a practical Human Firewall strategy within the broader framework of preventive criminology.

Building upon this theoretical foundation, it becomes evident that the efficacy of cybercrime prevention depends not only on technical barriers but also on the strategic reinforcement of human cognitive defenses. While the concepts of behavioral decision-making and the Human Firewall provide a robust conceptual lens, their practical application requires rigorous empirical validation within specific socio-cultural contexts. Therefore, the following section outlines the methodological framework used to dissect the ‘5-NOs’ strategy in Vietnam. By employing a case study approach, this research moves from abstract behavioral principles to a concrete analysis of how these psychological triggers are operationalized in real-world scams and how the Vietnamese prevention model functions as a psychological pause mechanism against such threats.

Methods

This study employs Case Study Analysis combined with empirical content analysis to examine the psychological mechanisms of Social Engineering techniques. Due to the anonymous and transnational nature of cybercrime and the inherent difficulties in gaining direct access to criminal organizations, the case study method allows the author to conduct an in-depth analysis of micro-behavioral mechanisms and the psychological transformations of victims - details that broad quantitative methods often fail to extract.

The research process was standardized through three logical stages to ensure objectivity and verifiability:

Data Collection and Case Screening

The author established selection criteria based on legal authenticity and the actual scale of impact during the 2022–2025 period. Focus was placed on two groups of Critical Cases:

The first group concerns mechanisms of forced victimization and extreme consequences, based on documented cases involving Vietnamese laborers trafficked into scam compounds near the Cambodian border regions of An Giang and Tay Ninh³. This case group was also examined in relation to UNODC's regional analysis of cyber fraud and trafficking in persons for forced criminality in Southeast Asia, which identifies scam compounds as sites where victims may be coerced into participating in online fraud operations (UNODC, 2023).

The second group concerns psychological manipulation techniques and the process of cognitive confinement among laborers in scam compounds and special economic zones, based on documented victim testimonies and publicly reported coercive labor experiences in Southeast Asia.

Scenario Anatomy and Theoretical Triangulation

Empirical data were analyzed using Scenario Analysis based on Hadnagy's (2018) four-stage Social Engineering attack cycle framework, comprising four stages: *Information Gathering*, *Relationship Building*, *Manipulation*, and *Execution*. This stage focuses on identifying "cognitive breaking points" - where psychological levers (such as authority and urgency) are utilized to paralyze the victim's critical thinking.

Macro-Verification and Model Synthesis

To reinforce generalizability, micro-analytical results were cross-referenced with macro-data from INTERPOL's Operation First Light 2024, which documented the transnational scale of cyber-enabled fraud through large-scale arrests, asset seizures, and the identification of multiple online scam typologies, including phishing, investment fraud, romance scams, fake online shopping, and impersonation scams⁴, as well as reports on economic losses during 2020–2025 from the Vietnam Government Electronic Newspaper (2025). The entire process was examined through the theoretical lens of behavioral decision-making and cognitive vulnerability under emotional pressure (Kahneman, 2011) to clarify the correlation between deviant behavior and vulnerabilities in modern cognitive defense systems.

³ Dan Tri Newspaper. (2022, September 23). *Families receive ashes of Vietnamese laborers from Cambodian scam centers* [Article in Vietnamese]. <https://dantri.com.vn/lao-dong-viec-lam/than-nhan-lao-dong-viet-bo-mang-tai-campu-chia-don-tro-cot-con-tro-ve-20220923125532091.htm>

⁴ INTERPOL. (2024, June 27). *USD 257 million seized in global police crackdown against online scams*. <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2024/USD-257-million-seized-in-global-police-crackdown-against-online-scams>

Results

The research findings confirm the emergence of an industrialized criminal model in which social engineering techniques are no longer isolated acts but are operated through an assembly-line structure with a strict division of labor.

Behavioral Transformation and the KPI Pressure System

Empirical data reveal an industrialized criminal model aimed at systematically transforming the personalities and behavioral patterns of coerced laborers. This finding is consistent with UNODC's (2024) assessment that cyber fraud in East and Southeast Asia has become increasingly embedded within broader transnational organized crime structures involving casino-linked financial systems, underground banking, and money laundering mechanisms.

First, the behavioral transformation cycle begins immediately after victims are isolated from communication and freedom of movement. Individuals are subjected to high-intensity psychological training, including the memorization of manipulation scripts and constant exposure to virtual success narratives. Second, criminal groups create unrealistic economic expectations, often promising thousands of U.S. dollars, while imposing a brutal KPI system that forces individuals to approach hundreds of targets each day. Third, behavioral deviance is maintained through violence and coercive discipline, particularly against those who fail to meet quotas or attempt to resist.

Anatomy of the Four-Stage Human Hacking Script

Based on Southeast Asian cases and Hadnagy's (2018) framework, the study identifies a typical four-stage psychological attack structure. The first stage is targeting, in which offenders use digital data to identify vulnerable groups, including individuals experiencing loneliness, financial stress, or social isolation. The second stage is priming, where offenders build trust through professional aliases, romantic personas, or institutional impersonation in order to lower the victim's cognitive defense barriers.

The third stage is crisis activation, which represents the pivotal moment of cognitive destabilization. At this stage, offenders use urgency, authority, fear, or excessive reward cues to push victims into states of panic or emotional excitement. Logical thinking is weakened, consistent with Kahneman's (2011) theory that emotional pressure shifts individuals from analytical reasoning toward intuitive and impulsive decision-making. The final stage is execution, in which victims are induced to perform financial transactions on fraudulent platforms before the offender severs contact.

Recent AI-assisted fraud cases demonstrate that emerging technologies increasingly reinforce each stage of this manipulation cycle. Deepfake voice impersonation, AI-generated video calls, and automated emotional interaction systems allow offenders to simulate authority figures, relatives, or financial professionals with high psychological credibility. Consequently, AI does not replace traditional social engineering mechanisms, rather, it magnifies cognitive vulnerability by accelerating trust formation and reducing the victim's capacity for critical evaluation under emotional pressure.

Systematizing the Mechanisms of Cognitive Manipulation in Vietnam

The study establishes that social engineering in Vietnam primarily targets cognitive structures rather than technical loopholes. Based on behavioral decision-making theory and cognitive vulnerability frameworks, these mechanisms are systematized in Table.

Social Consequences and Double Victimization in Vietnam

The parallel between international cases and the situation in Vietnam—where losses have reached nearly VND 40 trillion during the 2020–2025 period—underscores the urgency of the

Table. Systematization of psychological manipulation mechanisms causing cognitive destabilization

Таблица. Систематизация механизмов психологического манипулирования, вызывающих когнитивную дестабилизацию

Psychological Mechanism	Empirical Manifestation (Vietnam Case Study)	Impact on Victims (Behavioral Decision-Making Perspective)
Cognitive Urgency	Impersonating police to threaten arrest or investment platforms requiring deposits within "golden hours" (5–10 minutes).	Reduction of rationality in behavioral control, instinctive reactions, interruption of consequence forecasting.
Authority and Trust Traps	Exploiting cultural collectivism, using the prestige of law enforcement or cross-border romance scams.	Erosion of critical cognitive barriers, voluntary acceptance of irrational commands without fact-checking.
Displacement of Responsibility	Attributing financial risks to "luck," "algorithms," or "system errors."	Fragmentation of behavioral self-regulation, passivity toward the attacker's script due to belief in irrational factors.

problem⁵. Double victimization becomes evident when trafficked laborers not only lose their freedom and are coerced into criminal activity, but may also suffer severe physical consequences, as reflected in reported cases involving Vietnamese families in An Giang and Tay Ninh who received the ashes of relatives from Cambodian scam centers⁶.

Study Limitations

Although the study is primarily based on verified media reports, official data, and public investigative materials, these sources remain valuable for examining a rapidly evolving cybercrime landscape in which direct access to criminal organizations is inherently constrained. Due to the transnational nature of scam centers, access to internal criminal records and victim interview data remains limited. Future research should expand through in-depth interviews with rescued victims, law enforcement officers, and cybersecurity professionals to enrich qualitative data on personality transformation, coercive control, and behavioral manipulation under conditions of forced criminality.

Conclusion and Recommendations

The research confirms that social engineering techniques have evolved into an industrialized criminal form that directly threatens economic stability and socio-psychological security. The success of these crimes lies not primarily in breaking technical barriers, but in neutralizing critical thinking and triggering cognitive destabilization, emotional compliance, and impulsive decision-making among victims.

⁵ Vietnam Government Electronic Newspaper. (2025, December 29). *Cybercrime causes nearly VND 40 trillion in losses during the 2020–2025 period* [In Vietnamese]. <https://baochinhphu.vn/toi-pham-mang-gay-thiet-hai-gan-40000-ty-dong-giai-doan-2020-2025-102251229175200352.htm>

⁶ Dan Tri Newspaper. (2022, September 23). *Families receive ashes of Vietnamese laborers from Cambodian scam centers* [Article in Vietnamese]. <https://dantri.com.vn/lao-dong-viec-lam/than-nhan-lao-dong-viet-bo-mang-tai-campuchia-don-tro-cot-con-tro-ve-20220923125532091.htm>

The Collapse of the Cognitive Shield

A key conclusion of this study is the confirmation of logical thinking paralysis under coercive psychological pressure. Drawing on Kahneman's (2011) behavioral decision-making theory, social engineering scripts are designed to bypass System 2 processing and force victims to react instinctively through System 1 responses. By forcing immediate responses to fabricated emergencies, offenders ensure that even highly educated individuals may become vulnerable to manipulative compliance.

Building the Human Firewall

To counter this challenge, the author proposes a proactive prevention model based on two layers of cognitive protection.

Re-Establishing Cognitive Control Through Critical Thinking

In this context, critical thinking acts as a psychological pause mechanism. Critical thinking supports system switching by activating System 2 processing and creating a temporal gap for rational evaluation before financial transactions are executed. It also strengthens professional skepticism by encouraging individuals to question timing, pressure, and procedural logic: Why now? Why the urgency? Does the request follow lawful procedures? Finally, critical thinking helps individuals identify emotional blind spots, such as fear, greed, or excessive euphoria, which are commonly exploited by social engineering offenders.

The Execution Layer: The “5-NOs” Strategy

The Vietnam People's Public Security has operationalized critical thinking into the “5-NOs” rule through five practical behavioral refusal principles:

No Fear: Maintaining composure to verify information directly with authorities.

No Greed: Rejecting unrealistic financial lures.

No Disclosure: Maintaining strict confidentiality of OTP codes and personal data.

No Access: Avoiding suspicious links and unauthorized digital access points.

No Transfer: Treating financial transfer as the final checkpoint against asset misappropriation.

The implementation of the “5-NOs” rule in Vietnam may therefore be understood as a cognitive education strategy. It functions as a behavioral nudge that establishes a simple choice architecture, directing citizens toward safer default responses under conditions of uncertainty, emotional pressure, or urgency (Thaler & Sunstein, 2009). This interpretation is also supported by recent Vietnam-based evidence suggesting that digital literacy plays an important role in strengthening personal information security and protective behavior in digital environments (Phan et al., 2025).

Implementation Experience and Policy Recommendations

The core strength of the Vietnamese model lies in creating a social prevention ecosystem in which state and community coordination is maximized. First, multi-layered coordination should combine mass media communication with community-based awareness campaigns led by local police forces. Second, citizens should be trained as security sensors capable of detecting and interrupting manipulation scripts before offenders achieve behavioral compliance. Third, states facing similar threats should treat the Human Firewall as a strategic priority equal to technical cybersecurity infrastructure.

In the emerging era of AI-driven deception and deepfake-enabled fraud, traditional technical cybersecurity measures alone are increasingly insufficient. Future prevention strategies must therefore prioritize cognitive defense capacity, critical thinking education, and behavioral awareness as essential components of national cybersecurity frameworks. In this context, the Human Firewall model represents not only a community-based prevention strategy but also a sustainable defense mechanism against the evolving psychological threats posed by artificial intelligence-enhanced cybercrime.

Ultimately, the battle against social engineering is a struggle to protect human cognition and rationality. Vietnam's experience with the "5-NOs" model demonstrates that when technical rules are transformed into a social prevention ecosystem with active citizen participation, psychological manipulation can be more effectively interrupted. This research provides a practical model for countries facing similar challenges and contributes to the broader goal of building a safer and more humane digital society.

References

- Cialdini, R. B. (2009). *Influence: Science and practice* (5th ed.). Pearson Education.
- Greavu-Şerban, V., Constantin, F., & Necula, S.-C. (2025). Exploring heuristics and biases in cybersecurity: A factor analysis of social engineering vulnerabilities. *Systems*, 13(4), Article 280. <https://doi.org/10.3390/systems13040280>
- Hadnagy, C. (2018). *Social engineering: The science of human hacking* (2nd ed.). Wiley.
- Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux.
- Pham, K.-L., Le, T.-D., Tran, A.-D., Tran, M.-T., & Dang-Nguyen, D.-T. (2024). Vietnamese user awareness against scams in cyberspace: An empirical survey. In *Proceedings of the 1st Workshop on Security-Centric Strategies for Combating Information Disorder (SCID '24)* (pp. 1–6). Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3660512.3665525>
- Phan, B. T., Do, P. H., & Le, D. Q. (2025). The impact of digital literacy on personal information security: Evidence from Vietnam. In *Proceedings of the International Conference on Emerging Challenges: Sustainable Strategies in the Data-driven Economy (ICECH 2024)* (pp. 475–489). Atlantis Press. https://doi.org/10.2991/978-94-6463-694-9_32
- Rogers, R. W. (1975). A protection motivation theory of fear appeals and attitude change. *The Journal of Psychology*, 91(1), 93–114. <https://doi.org/10.1080/00223980.1975.9915803>
- Schmitt, M., & Flechais, I. (2024). Digital deception: Generative artificial intelligence in social engineering and phishing. *Artificial Intelligence Review*, 57, Article 324. <https://doi.org/10.1007/s10462-024-10973-2>
- Siegel, H. (1980). Critical thinking as an educational ideal. *The Educational Forum*, 45(1), 7–23. <https://doi.org/10.1080/00131728009336046>
- Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. (2009). *Nudge: Improving decisions about health, wealth and happiness* (2nd ed.). Penguin Books.
- UNODC. (2023). *Casinos, cyber fraud, and trafficking in persons for forced criminality in Southeast Asia*. https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2023/TiP_for_FC_Policy_Report.pdf
- UNODC. (2024). *Casinos, money laundering, underground banking, and transnational organized crime in East and Southeast Asia: A hidden and accelerating threat*. https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2024/Casino_Underground_Banking_Report_2024.pdf
- Wall, D. S. (2007). *Cybercrime: The transformation of crime in the information age*. Polity Press.
- Whitty, M. T. (2013). The scammers' persuasive techniques model: Development of a stage model to explain the online dating romance scam. *British Journal of Criminology*, 53(4), 665–684. <https://doi.org/10.1093/bjc/azt009>
- Yar, M. (2013). *Cybercrime and society* (2nd ed.). Sage Publications.

About the author

Ninh Van Ngo – Lecturer at the People's Security Academy, Ministry of Public Security.

Информация об авторе

Нин Ван Нго – преподаватель Академии народной безопасности при Министерстве общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 21.05.2026

Одобрена после рецензирования 06.07.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted May 21, 2026

Approved after reviewing July 06, 2026

Accepted July 30, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.9.07

Связь легитимизированной агрессии с ценностными ориентациями у лиц с аффективными расстройствами

Николь Андреевна Галанина

ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России
(Москва, Россия)
nicole.galanina@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-7169-8625

Олеся Дмитриевна Пеева

ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России
(Москва, Россия)

peeva.o@serbsky.ru

ORCID: 0000-0002-0461-4830

Татьяна Николаевна Кабанова

ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России
(Москва, Россия)
tatianak0607@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7834-053X

Елена Викторовна Костина

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
kasatka1317@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9741-1089

Аннотация

Введение. Статья посвящена описанию результатов эмпирического исследования легитимизированной агрессии и ценностных ориентаций, проведенного на выборке лиц с аффективными расстройствами и условной нормы. В сопоставительном исследовании был осуществлен поиск связи между легитимизацией агрессии и ценностными ориентациями, являющимися регуляторами агрессивного поведения. Актуальность исследования обусловлена отношением лиц с аффективными расстройствами к группе риска девиантного и делинквентного поведения, а также немногочисленностью исследований, посвященных ценностной системе пациентов с аффективной патологией. **Методы исследования:** опросник «Легитимизация агрессии» (ЛА-44), опросник для выявления базовых и значимых ценностей. **Результаты:** легитимизация агрессии в различных сферах у лиц с аффективными расстройствами и лиц условной

нормы различается. Обследуемые условной нормы имеют более высокие баллы легитимизации агрессии в политике и воспитании. Лица с аффективными расстройствами имеют более высокую интегральную легитимизацию агрессии; в личном опыте; в СМИ. Предпочтение направленных на себя ценностей у лиц условной нормы ассоциировано с ростом легитимизации агрессии. Лица с аффективными расстройствами могут интериоризировать направленные на других ценности, но иметь более высокие показатели легитимизации агрессии, что может указывать на трудности отстаивания собственной позиции, снижение ориентировки в различных социальных контекстах и повышенный риск социальной дезадаптации.

Ключевые слова

ценностно-смысловая сфера, ценностные ориентации, легитимизация агрессии, аффективные расстройства

Для цитирования: Галанина, Н. А., Пеева, О. Д., Кабанова, Т. Н., Костина, Е. В. (2026). Связь легитимизированной агрессии с ценностными ориентациями у лиц с аффективными расстройствами. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 299–314.

Original paper

Relationship between legitimised aggression and values in persons with affective disorders

Nicole A. Galanina

Federal state budgetary Institution “V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russia)

nicole.galanina@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-7169-8625

Olesya D. Peeva

Federal state budgetary Institution “V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russia)

peeva.o@serbsky.ru

ORCID: 0000-0002-0461-4830

Tatiana N. Kabanova

Federal state budgetary Institution “V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russia)

tatianak0607@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7834-053X

Elena V. Kostina

Moscow University of the MIA of Russia named after V.Y. Kikot (Moscow, Russia)

kasatka1317@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9741-1089

Abstract

Introduction. The article is devoted to the description of the empirical research results of legitimised aggression and value orientations conducted on a sample of persons with affective disorders and conditional norm. In the comparative study, a link was sought between legitimisation of aggression and value orientations that are regulators of aggressive behavior. The relevance of the study is due to the designation of persons with affective disorders as a risk group for deviant and delinquent behavior, as well as the small number of studies devoted to the value system of patients with affective pathology. **Research methods:** survey “Legitimation of aggression” (LA-44), a survey to identify basic and significant values. **Results:** legitimisation of aggression in different areas in persons with affective disorders and those with conditional norms varies. The examined persons of conditional norm have higher ratings for legitimising aggression in politics and education. Individuals with affective disorders have a higher integrated legitimisation of aggression; in personal experience; in media. The preference of self-directed values in persons of the conditional norm is associated with the rise of legitimisation of aggression. Individuals with affective disorders may internalise values that are directed at others, but have higher rates of legitimising aggression, which may indicate difficulty in asserting self-position, decrease of orientation in different social contexts and increased risk of social disorientation.

Keywords

value-related sphere, value orientations, legitimisation of aggression, affective disorders

For citation: Galanina, N. A., Peeva, O. D., Kabanova, T. N., Kostina, E. V. (2026). The relationship between legitimised aggression and values in persons with affective disorders. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 299–314.

Введение

С 2018 г. по 2022 г. в России наблюдается устойчивый рост заболеваемости аффективными расстройствами (на 12,5 %). При этом наибольший рост отмечен в отношении биполярного аффективного расстройства (на 82,7 % за 5 лет) (Шпорт & Макушкина, 2023). Данный статистический тренд делает актуальным вопрос о социальных последствиях аффективной патологии.

Значимость заявленной тематики обусловлена отнесением лиц с аффективными расстройствами к группе риска девиантного и делинквентного поведения (Volavka, 2013; Oakley et al., 2009). Среди симптомов аффективных расстройств проявляются эмоциональная возбудимость и повышенная раздражительность, на основании которых некоторыми клиницистами выделяются такие синдромальные типы, как дисфорическая депрессия и раздражительная мания (Симуткин, 2018; Hanwella & De Silva, 2011; Хруленко-Варницкий, 2017). Агрессивное поведение у лиц с аффективными расстройствами проявляется как аутоагрессией (Муравьева & Разуваева, 2014; Лапин & Рогачева, 2019; Васильева и др., 2020; Пугацкий & Романова, 2021; Gritters et al., 2025), в том числе крайними, суицидальными формами, так и гетероагрессией (Абрамова и др., 2004), в частности реактивной и импульсивной агрессией (Чайка & Баранов, 2025). Одним из механизмов проявления агрессии при депрессии является активизация гнева на себя и окружающих в результате длительно переживаемой печали, что впоследствии вызывает чувство вины и стыда. Данный механизм вызывает коморбидные депрессии, тревогу и страх социального неодобрения (Абрамова и др., 2004; Абрамова и др., 2014).

Фактором, связанным с враждебностью и влияющим на рост агрессивных форм поведения в обществе, является отношение субъекта к легитимной в культуре агрессии (Ениколопов & Цибульский, 2008). Широта диапазона легитимной агрессии разнится в зависимости от общественных норм и ценностей, принятых в конкретной культурной среде.

По данным некоторых исследований, наблюдается связь между высоким уровнем легитимной агрессии и аутоагрессией (Султанова и др., 2020). К механизмам проявления легитимной агрессии относятся избегание принятия ответственности на себя в ситуациях фрустрации и снижение девиантной оценки агрессивного поведения за счет опоры на моральные ценности (Козлова & Грушко, 2021; Ениколопов & Цибульский, 2008). Данные механизмы потенциально могут снижать чувства вины и стыда за проявления агрессии при депрессии.

Ценности выступают одним из высших регуляторов поведения и механизмов ассимиляции с обществом (Леонтьев, 1996; Фролов, 2016; Кудряшова & Лутова, 2019). Согласно теории культурного излишка в любой культуре есть ценности, которые способствуют проявлению агрессии (Ениколопов & Чудова, 2017). К таким ценностям относят, например, труд и гражданский долг, позволяющие легитимизировать агрессивное поведение с помощью профессиональных и культурных норм.

Учитывая механизмы проявления агрессии при аффективных расстройствах, актуальным представляется изучение ценностных ориентаций, регулирующих агрессивное поведение. Следует отметить немногочисленность исследований, посвященных ценностной системе лиц с аффективными расстройствами. Согласно некоторым данным, пациенты с аффективными расстройствами выбирают эгоцентрические ценности. Так, лицам с депрессивными расстройствами присущ выбор ценности «достижения», «собственного удовольствия» (Hanel & Wolfradt, 2016; Wang et al., 2025). Были получены данные, что ценности пациентов с тревожно-депрессивными расстройствами являются одним из факторов, определяющих исход психотерапевтического лечения (Тукаев & Срыкова, 2024).

Таким образом, актуальным направлением исследования представляется анализ ценностных ориентаций лиц с аффективными расстройствами как потенциального регулятора агрессивного поведения, что позволит разработать меры психологической профилактики, учитывающие культурные нормы легитимной агрессии и способствующие снижению риска девиантного поведения.

Цель исследования – выявление связи между уровнем легитимизации агрессии и ценностными ориентациями у пациентов с аффективными расстройствами.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие добровольцы, не имеющие психического расстройства, и лица с верифицированными аффективными расстройствами (F31.xxx-F34.xxx по МКБ-10), проходящие стационарное лечение в Московском научно-исследовательском институте психиатрии и реабилитацию в Клинико-реабилитационном центре «Хмолино». Включение пациентов в исследование происходило после подписания добровольного информированного согласия. Исследование одобрено клинической секцией Этического комитета ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России (протокол № 47/1 от 12 мая 2025 г.).

В клиническую группу вошли 77 пациентов с аффективными расстройствами в возрасте $32,35 \pm 12,15$ года. Из них: 35 мужчин (45,45 %) и 42 женщины (54,55 %). Так, 34 пациента имели биполярное аффективное расстройство (F31.), 9 пациентов имели депрессивный эпизод (F32.), 29 пациентов имели рекуррентное депрессивное расстройство (F33.), 5 пациентов – хроническое расстройство настроения (F34.).

Контрольную группу составили 77 добровольцев, не имеющих психических расстройств. Из них 39 мужчин (50,65 %) и 38 женщин (49,35 %) в возрасте $33,20 \pm 11,99$ года. Клиническая и контрольная группа были сопоставимы по социально-демографическим показателям.

Изучение ценностно-смысловой сферы участников исследования осуществлялось на двух плоскостях измерения самосознания: 1) содержательно-логической, вербализованной,

осознаваемой; 2) эмоциональной, образной, неосознаваемой. Выявление базовых и значимых ценностей проходило в три этапа (Булыгина и др., 2023; Носс и др., 2023).

Первый этап: обеим группам был представлен перечень из 24 ценностей, сформированный на основе контент-анализа доступных социологических, философских и психологических источников. Перечень ценностей состоит из положительных социальных ценностей и антиценностей (по 12 наименований), расположенных в чередующемся порядке: социальные ценности – жизнь, духовность, нравственные идеалы, достоинство, единство народов, традиционная семья, созидательный труд, милосердие (справедливость), коллективизм, преемственность поколений, служение Отечеству, права и свободы человека; направленные на себя – богатство, абсолютная свобода, власть (собственные амбиции), забота о себе, жизнь одним моментом, идти своим путем и не быть должным никому, личные цели, исключительная роль своего народа, независимость, праздность, Я – гражданин мира, отношения без обязательств.

Из этого списка требовалось выбрать и указать 10 ценностей, которые исследуемые принимают и которым обычно следуют в жизни (базовые ценности). Затем из этих же 10 ценностей необходимо было отметить три ценности, от которых исследуемые в определенных критических ситуациях могли бы отказаться (отказные ценности).

После этого из оставшихся семи ценностей следовало выбрать три ценности, от которых исследуемые не откажутся никогда, даже в экстремальных обстоятельствах – эти три ценности считаются значимыми ценностями личности.

Второй этап: исследуемые заполняют одиннадцать бланков с семантическим дифференциалом в вербальной форме. Так рассчитывается степень соотношения стимула-понятия «Я сам» (каким я сам себе представляюсь в действительности) и стимула-ценности, выраженного словесно; выявляется понятие, наиболее эмоционально близкое к личности исследуемого.

Третий этап: исследуемые заполняют десять бланков с семантическим дифференциалом в графическом формате (картины, рисунки). Так рассчитывается мера соответствия стимулом-понятием «Я сам» (каким я сам себе представляюсь в действительности) и изучаемым стимулом-ценностью, выраженным визуально (картина, рисунок); выявляется понятие, наиболее эмоционально близкое личности исследуемого.

Также диагностический комплекс включал в себя опросник легитимизированной агрессии (ЛА-44) (Ениколопов & Цибульский, 2008). Опросник предназначен для измерения социально одобряемой агрессии и включает в себя шкалы «Легитимизация агрессии в личном опыте»; «Легитимизация агрессии в политической сфере»; «Легитимизация агрессии в СМИ»; «Легитимизация агрессии в сфере воспитания».

Статистическая обработка данных включала описательную статистику, применение критерия корреляции Спирмена, U-критерия Манна-Уитни, критерия Краскала-Уоллиса с поправкой Бонферрони для множественных сравнений. Данные были предварительно проверены на нормальность распределения с использованием критерия Колмогорова-Смирнова. Статистический анализ проводился с использованием статистического пакета SPSS 26.0.

Результаты и обсуждение

На первом этапе был проведен анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни, направленный на поиск различий по уровню легитимизации агрессии между лицами условной нормы и лицами с аффективными расстройствами. Было показано, что уровень легитимизации агрессии в личном опыте ($p = 0,03$), СМИ ($p = 0,00$) и интегральный показатель легитимизации агрессии выше у лиц с аффективными расстройствами ($p = 0,00$). Полученные данные согласуются с исследованиями, указывающими на повышенную склонность к агрессии

лиц с аффективными расстройствами (Чайка Ю. А., Баранов М. Л., 2025). Однако уровень легитимизации агрессии в политике ($p = 0,00$) и воспитании ниже по сравнению с лицами условной нормы ($p = 0,00$) (таблица 1). В данном контексте агрессия ассоциирована с властью, а лица с аффективными расстройствами склонны скорее к подчиненности, чем к доминированию (Кудайбергенова и др., 2020), что может объяснять полученные результаты.

Таблица 1. Уровень легитимизации агрессии в зависимости от наличия аффективного расстройства

Table 1. Level of aggression legitimisation depending on the presence of affective disorder

Показатель	Статистики Нормы / аффективные расстройства		p
	M	Sd	
Легитимизация агрессии в политике	63,46/54,64	9,82/8,29	0,00
Легитимизация агрессии в личном опыте	42,00/44,86	7,12/8,14	0,03
Легитимизация агрессии в воспитании	33,55/28,18	4,92/3,68	0,00
Легитимизация агрессии в СМИ	44,96/51,68	8,22/7,99	0,00
Интегральный показатель легитимизации агрессии	90,86/104,05	12,22/11,41	0,00

На втором этапе с помощью критерия Краскела–Уоллиса были выявлены различия в уровне легитимизации агрессии между лицами условной нормы и лицами с конкретной нозологией, а также внутри группы аффективных расстройств. Показано, что повышение интегрального показателя легитимизации агрессии характерно для лиц с депрессивными расстройствами (РДР ($p = 0,00$) и с депрессивным эпизодом в рамках БАР ($p = 0,00$)); в то время как легитимизация агрессии в СМИ свойственна лицам с БАР (смешанный эпизод) ($p = 0,00$). При этом уровень легитимизации агрессии в политике и воспитании ниже как у лиц с РДР ($p = 0,00$), так и у лиц с БАР (смешанный эпизод ($p = 0,01$; $p = 0,00$), в воспитании – ниже у лиц с депрессивным эпизодом ($p = 0,00$)) по сравнению с группой условной нормы (таблица 2).

На третьем этапе с использованием критерия корреляции Спирмена выявлены корреляционные связи между уровнем легитимизации агрессии и близостью различных ценностей к «моему настоящему Я» у лиц условной нормы и лиц с аффективными расстройствами.

В группе условной нормы было выявлено, что низкий уровень легитимизации агрессии в СМИ коррелирует с интериоризированными, т. е. близко расположенными к «моему настоящему Я» (евклидово расстояние CD меньше) и встроенными в структуру личности направленной на себя ценностью «Праздность» ($p = 0,00$). Уровень легитимизации агрессии в политике положительно коррелирует с интериоризированными ценностями «Власть и собственные амбиции» ($p = 0,04$), «Свободные отношения» ($p = 0,04$) и «Жизнь одним моментом» ($p = 0,03$), а уровень легитимизации агрессии в воспитании – с ценностью «Свободные отношения» ($p = 0,01$). Более того, интериоризированные ценности «Свободные отношения» ($p = 0,05$), «Жизнь одним моментом» в вербализованной ($p = 0,02$) и визуальной формах ($p = 0,02$) связаны с повышением интегрального показателя легитимизации агрессии в целом (таблица 3).

Таблица 2. Уровень легитимизации агрессии в зависимости от нозологии

Table 2. Level of aggression legitimisation depending on the nosology

Сравниваемые группы	Статистики		p
	M	Sd	
Легитимизация агрессии в политике			
Условная норма/РДР	63,46/53,47	9,82/7,82	0,00
Условная норма/БАР (смешанный эпизод)	63,46/53,59	9,82/7,85	0,01
Легитимизация агрессии в воспитании			
Условная норма/РДР	33,55/27,64	4,92/3,42	0,00
Условная норма/БАР (смешанный эпизод)	33,55/28,00	4,92/4,78	0,00
Условная норма/БАР (депрессивный эпизод)	33,55/28,44	4,92/3,10	0,00
Легитимизация агрессии в СМИ			
Условная норма/БАР (смешанный эпизод)	44,96/55,78	8,22/8,62	0,00
Интегральный показатель легитимизации агрессии			
Условная норма/РДР	90,86/103,31	12,22/12,25	0,00
Условная норма/БАР (депрессивный эпизод)	90,86/107,41	12,22/11,19	0,00

Таблица 3. Взаимосвязь легитимизации агрессии и близости ценностей к «моему настоящему Я» у лиц условной нормы

Table 3. Relationship between aggression legitimisation and proximity to "My True Self" in persons with a conditional norm

Показатель легитимизации агрессии	Ценность	Сила связи	p
Легитимизация агрессии в политике	Свободные отношения (текст)	-0,58	0,04
	Жизнь одним моментом (картинка)	-0,60	0,03
	Власть, собственные амбиции (картинка)	-0,55	0,04
Легитимизация агрессии в воспитании	Свободные отношения (текст)	-0,68	0,01
Легитимизация агрессии в СМИ	Праздность (картинка)	0,84	0,00
Интегральный показатель легитимизации агрессии	Свободные отношения (текст)	-0,56	0,05
	Жизнь одним моментом (текст)	-0,65	0,02
	Жизнь одним моментом (картинка)	-0,63	0,02

Таким образом, лица условной нормы, ориентированные на праздность, склонны отказываться от потребления информации, связанной с агрессией. Помимо этого обследуемые, в большей степени интериоризировавшие ценности, указывающие на приоритет собственных интересов («Свободные отношения», «Собственные амбиции», «Жизнь одним моментом»), склонны легитимизировать агрессию в сферах, связанных с властью (политика, воспитание).

Для лиц с аффективными расстройствами характерно повышение уровня легитимизации агрессии в личном опыте, воспитании, СМИ и интегрального показателя легитимизации агрессии при близости к «моему настоящему Я» ценностей «Служение Отечеству» ($p = 0,01$), «Нравственные идеалы» ($p = 0,02$) и «Идти своим путем, не быть должным никому» ($p = 0,00$). В то же время снижение уровня легитимизации агрессии в личном опыте связано с близостью к «моему настоящему Я» ценностей «Власть, собственные амбиции» ($p = 0,02$) и «Гражданин мира» ($p = 0,04$), а в СМИ – «Коллективизм» ($p = 0,04$) (таблица 4).

Таблица 4. Взаимосвязь показателей легитимизации агрессии и близости ценностей к «моему настоящему Я» у лиц с аффективными расстройствами

Table 4. Relationship between indicators of aggression legitimisation and proximity to “My True Self” in persons with affective disorders

Показатель	Ценность	Сила связи	P
Интегральный показатель легитимизации агрессии	Служение Отечеству (картинка)	-0,53	0,01
	Нравственные идеалы (картинка)	-0,41	0,02
Легитимизация агрессии в личном опыте	Нравственные идеалы (картинка)	-0,41	0,02
	Служение Отечеству (картинка)	-0,41	0,05
	Власть, собственные амбиции (текст)	0,88	0,02
	Я – гражданин мира (текст)	0,53	0,04
Легитимизация агрессии в воспитании	Служение Отечеству (картинка)	-0,61	0,00
Легитимизация агрессии в СМИ	Идти своим путем, не быть должным никому (текст)	-0,50	0,00
	Коллективизм (картинка)	0,49	0,04
	Служение Отечеству (картинка)	-0,60	0,00

Таким образом, лица с аффективными расстройствами, ориентированные на нравственные ценности, права и свободы человека, более склонны к легитимизации агрессии, что согласуется с данными о проявлениях пациентами реактивной агрессии (Чайка & Баранов, 2025). При этом ценности, направленные на удовлетворение собственных интересов, наоборот, связаны со снижением уровня легитимизации агрессии в личном опыте (Кудряшова и др., 2017). Данная связь может отражать склонность лиц с аффективными расстройствами использовать различные копинг-стратегии, в первую очередь, для стабилизации собственного

эмоционального состояния, а не для решения проблемы и отстаивания собственных интересов. Ориентация на коллективизм ассоциирована также со склонностью отказываться от потребления информации, связанной с агрессией. Такие данные могут объясняться тенденцией агрессивного контента вызывать негативные эмоции у лиц с аффективными расстройствами вследствие идентификации с героями произошедших событий (Лысенко и др., 2024).

На четвертом этапе проводился аналогичный поиск корреляционных связей внутри нозологических групп лиц с аффективными расстройствами с применением критерия корреляции Спирмена. Было показано, что у лиц с РДР уровень легитимизации агрессии в политике повышается с приближением к «Моему настоящему Я» ценностей «Жизнь» ($p = 0,02$), «Права и свободы человека» ($p = 0,02$), «Нравственные идеалы» ($p = 0,04$), «Уважение к предкам» ($p = 0,05$). Повышение уровня легитимизации агрессии в личном опыте ($p = 0,00$) и интегрального показателя ($p = 0,02$) связано также с большей интериоризацией ценности «Идти своим путем и не быть должным никому». Показатели легитимизации агрессии в СМИ снижаются с приближением к «Моему настоящему Я» ценностей «Личные цели» и «Забота о себе» (таблица 5).

Таблица 5. Взаимосвязь показателей легитимизации агрессии и близости ценностей к «моему настоящему Я» у лиц с РДР

Table 5. Relationship between indicators of aggression legitimisation and proximity to "My True Self" in persons with recurrent depressive disorder

Показатель	Ценность	Сила связи	P
Легитимизация агрессии в политике	Жизнь (текст)	-0,51	0,02
	Права и свободы человека (текст)	-0,49	0,02
	Нравственные идеалы (текст)	-0,50	0,04
	Уважение к предкам (картинка)	-0,54	0,05
Легитимизация агрессии в личном опыте	Идти своим путем и не быть должным никому (картинка)	-0,75	0,00
Легитимизация агрессии в воспитании	Абсолютная свобода (картинка)	0,90	0,04
Легитимизация агрессии в СМИ	Личные цели (картинка)	0,47	0,03
	Забота о себе (картинка)	0,58	0,01
Интегральный показатель легитимизации агрессии	Идти своим путем и не быть должным никому	-0,61	0,02

У лиц со смешанным эпизодом БАР были выявлены корреляционные связи между легитимизацией агрессии и близостью ценности к «Моему настоящему Я»: повышение уровня легитимизации агрессии в СМИ, спорте и интегрального показателя легитимизации агрессии связано с близостью к «Моему настоящему Я» ценностей «Уважение к предкам», «Нравственные идеалы» и «Идти своим путем и не быть должным никому», в то время как снижение

уровня легитимизации агрессии в личном опыте, воспитании, спорте и СМИ, интегрального показателя легитимизации агрессии ассоциировано с близостью к «Моему настоящему Я» ценностей «Забота о себе», «Духовность», «Независимость» и «Созидательный труд» (таблица 6).

Таблица 6. Взаимосвязь предпочитаемых ценностей и легитимизации агрессии у лиц со смешанным эпизодом БАР

Table 6. Relationship between preferred values and aggression legitimisation in persons with a mixed bipolar disorder episode

Показатель	Ценность	Сила связи	P
Легитимизация агрессии в личном опыте	Забота о себе (картинка)	0,76	0,01
Легитимизация агрессии в воспитании	Духовность (картинка)	0,74	0,04
	Независимость (картинка)	0,74	0,01
Легитимизация агрессии в спорте	Уважение к предкам (картинка)	-0,78	0,04
	Нравственные идеалы (текст)	-0,94	0,01
	Уважение к предкам (текст)	-0,80	0,03
	Созидательный труд (текст)	0,71	0,03
Легитимизация агрессии в СМИ	Идти своим путем и не быть должным никому (текст)	-0,65	0,04
	Духовность (картинка)	0,85	0,01
Интегральный показатель легитимизации агрессии	Забота о себе (картинка)	0,65	0,03
	Нравственные идеалы (текст)	-0,93	0,01
	Созидательный труд (текст)	0,68	0,05

У лиц с депрессивным эпизодом БАР повышение уровня легитимизации агрессии в личном опыте, воспитании, спорте и СМИ, а также интегрального показателя легитимизации агрессии связано с близостью к «Моему настоящему Я» ценностей «Созидательный труд», «Нравственные идеалы», «Жизнь одним моментом», в то время как снижение уровня легитимизации агрессии в политике ассоциировано с близостью к «Моему настоящему Я» ценности «Духовность» (таблица 7).

Таким образом, для всех нозологических групп лиц с аффективными расстройствами характерно повышение легитимизации агрессии в различных сферах в связи с ориентацией на нравственные идеалы, что подтверждает полученные ранее данные. Специфичным для лиц с РДР являются ценности «Жизнь», «Права и свободы человека», повышающие проявления легитимизированной агрессии.

Общим для лиц с БАР как в смешанном, так и в депрессивном эпизодах является снижение уровня легитимизации агрессии в различных сферах при ориентации на ценность «Духовность», в то время как для лиц с РДР снижение уровня легитимизации агрессии связано с ценностью собственных интересов («Забота о себе», «Личные цели»). Полученные данные

Таблица 7. Связь предпочитаемых ценностей и уровня легитимизации агрессии у лиц с депрессивным эпизодом БАП

Table 7. Relationship between preferred values and level of aggression legitimisation in persons with depressive bipolar disorder episode

Показатель	Ценность	Сила связи	P
Легитимизация агрессии в политике	Духовность (картинка)	0,66	0,03
Легитимизация агрессии в личном опыте	Созидательный труд (картинка)	-0,70	0,02
Легитимизация агрессии в воспитании	Нравственные идеалы (текст)	-0,79	0,01
Легитимизация агрессии в спорте	Жизнь одним моментом (текст)	-0,89	0,04
Легитимизация агрессии в СМИ	Жизнь одним моментом (картинка)	-0,90	0,04
Интегральный показатель легитимизации агрессии	Созидательный труд (картинка)	-0,68	0,02

позволяют предположить, что для лиц с БАП регулятором проявления легитимизированной агрессии являются скорее внешние нормы поведения, а для лиц с РДР – стремление стабилизировать собственное эмоциональное состояние.

Заключение

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что легитимизация агрессии в различных сферах у лиц с аффективными расстройствами и лиц условной нормы различается. Лица условной нормы имеют более высокие показатели легитимизации агрессии в политике и воспитании, у лиц с аффективными расстройствами легитимизация агрессии выше в сферах личного опыта и СМИ.

Выявлено ключевое отличие в связи легитимизации агрессии и интериоризации ценностей между двумя группами. Лица условной нормы, демонстрирующие более высокие показатели легитимизации агрессии, устойчиво интериоризируют ценности, направленные на себя. У лиц с аффективными расстройствами отмечаются высокие показатели легитимизации агрессии при интериоризации социально одобряемых ценностей, направленных на других, что может указывать на трудности отстаивания собственной позиции, снижение ориентировки в различных социальных контекстах и повышенный риск социальной дезадаптации.

Результаты могут быть использованы в качестве психокоррекционных мишеней в психологической работе для улучшения социального функционирования лиц с аффективными расстройствами.

Ограничения исследования. Необходимо учесть относительно небольшой объем выборки – 77 человек. Нозологические подгруппы внутри группы лиц с аффективными расстройствами малочисленны, что требует расширения выборки в дальнейших исследованиях.

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Разработка системы оценки социальной напряженности и риска социально-агрессивного поведения» (Регистрационный номер: 124020800065-6; дата регистрации: 8 февраля 2024 г.).

Список литературы

- Абрамова, А. А., Дворянчиков, Н. В., & Ениколопов, С. Н. (2004). Особенности проявления агрессии при депрессивных состояниях. *Журнал практического психолога*, 1, 3–14.
- Абрамова, А. А., Кузнецова, С. О., Ениколопов, С. Н., & Разумова, А. В. (2014). Специфика проявлений агрессивности у больных с депрессией разной нозологической принадлежности, степени тяжести и длительности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 75–89.
- Васильева, С. Н., Симуткин, Г. Г., Счастный, Е. Д., Лебедева, Е. В., & Бохан, Н. А. (2020). Аффективные расстройства при коморбидности с алкогольной зависимостью: клинико-динамические особенности, уровень социальной адаптации больных. *Бюллетень сибирской медицины*, 19(1), 29–35. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-29-35>
- Ениколопов, С. Н., & Цибульский, Н. П. (2008). Изучение взаимосвязи легитимизации насилия и склонности к агрессивным формам поведения. *Психологическая наука и образование*, 13(1), 90–98.
- Ениколопов, С. Н., & Чудова, Н. В. (2017). Агрессивность и имплицитная теория насилия. *Прикладная юридическая психология*, (2), 18–26.
- Козлова, Д. Е., & Грушко, Н. В. (2021). Психологические особенности легитимизации агрессии у молодых интернет-пользователей в социальных сетях. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, 3, 18–23. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.3.18-23>
- Кудайбергенова, С. К., Камзанова, А. Т., Жолдасова, М. К., Мадалиева, З. Б., Несипбаев, С. А., & Кустубаева, А. М. (2020). Исследование взаимосвязи депрессии и личностных особенностей. *Scientific Journal of Pedagogy and Economics*, (5), 259–269.
- Кудряшова, В. Ю., & Лутова, Н. Б. (2019). Саморегуляция поведения как один из адаптационно-компенсаторных механизмов психики у больных параноидной шизофренией. Сообщение 2. *Обзор психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*, 4-2, 60–67. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2019-4-2-60-67>
- Кудряшова, В. Ю., Сарайкин, Д. М., & Иванов, М. В. (2017). Копинг-стратегии и саморегуляция поведения у больных шизофренией и аффективными расстройствами. *Обзор психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*, (2), 33–39.
- Лапин, И. А., & Рогачева, Т. А. (2019). Клинико-психологические корреляты суицида у больных с депрессиями. *Социальная и клиническая психиатрия*, 29(1), 10–16.
- Леонтьев, Д. А. (1996). Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции. *Вопросы философии*, (4), 15–26.
- Лысенко, Н. Е., Пеева, О. Д., & Булыгина, В. Г. (2024). Восприятие межличностных конфликтов у лиц с аффективными расстройствами. *Российский психиатрический журнал*, (2), 53–60.
- Муравьева, О. В., & Разуваева, Т. Н. (2014). Взаимосвязь компонентов структуры личности и копинг-механизмов у больных депрессией. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 21 (6), 275–283.
- Носс, И. Н., Булыгина, В. Г., & Проничева, М. М. (2023). Методология исследования ценностно-смысловых конструктов личности. В В. А. Фадеев & Т. А. Вархотов (Ред.), *Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов* (с. 94–119). Нептун.
- Пугацкий, М. В., & Романова, Н. М. (2021). О пограничных состояниях человека и социума в психологии и о социальном конструировании. *Социология*, (2), 130–135.
- Симуткин, Г. Г. (2018). Атаки гнева и "гневные расстройства": клиническая релевантность, проблема классификации, коморбидности и терапии (обзор литературы). *Обзор психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева*, 3, 10–21.

- Султанова, А. Н., Чут, У. Ю., Бусыгина, Г. А. и др. (2020). Особенности агрессивного поведения у лиц, легитимизирующих агрессию. *Reflexio*, 13(2), 79–92. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2020-13-2-79-92>
- Тукаев, Р. Д., Срывкова, К. А. (2024). Прогностические маркеры исхода позитивно диалоговой психотерапии у пациентов с генерализованным тревожным расстройством и смешанным тревожным и депрессивным расстройством. *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология*, 15(1), 44–57. <https://doi.org/10.34883/PI.2024.15.1.002>
- Фадеев, В. А., & Вархотов, Т. А. (Ред.). (2023). *Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов*. Нептун.
- Фролов, С. С. (2016). Индивидуальные матрицы ценностей как основа коррекции поведения членов социальных групп. *Управление*, (1), 52–58. <https://doi.org/10.12737/18792>
- Хруленко-Варницкий, И. О. (2017). *Клинико-психофизиологические особенности эмоциональных нарушений при непсихотических психических расстройствах* [Диссертация кандидата медицинских наук, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России].
- Чайка, Ю. А., Баранов, М. Л. (2025). Современное состояние проблемы агрессии в психиатрии. *Психиатрия*, 23(1), 98–112. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2025-23-1-98-112>
- Шпорт, С. В., & Макушкина, О. А. (2023). *Психиатрическая помощь населению Российской Федерации в 2018–2022 гг.* ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России.
- Gritters, M. N., ... [et al.] (2025). Associations between NIH Toolbox Emotion Battery measures and previous suicide attempt in bipolar I disorder. *Journal of Affective Disorders*, 372, 470–480. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.12.040>
- Hanel, P. H. P., & Wolfradt, U. (2016). The ‘dark side’ of personal values: Relations to clinical constructs and their implications. *Personality and Individual Differences*, 97, 140–145. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.03.045>
- Hanwella, R., & De Silva, V. A. (2011). Signs and symptoms of acute mania: A factor analysis. *BMC Psychiatry*, 11(1), 1–5. <https://doi.org/10.1186/1471-244x-11-137>
- Oakley, C., Hynes, F., & Clark, T. (2009). Mood disorders and violence: a new focus. *Advances in Psychiatric Treatment*, 15(4), 263–270. doi:10.1192/apt.bp.107.005413
- Volavka, J. (2013). Violence in schizophrenia and bipolar disorder. *Psychiatria Danubina*, 25(1), 24–33.
- Wang, X., ... [et al.] (2025). The relationship between content and types of personal values and depression in Chinese adolescents. *Children and Youth Services Review*, 172, Article 108281. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2025.108281>

References

- Abramova, A. A., Dvoryanchikov, N. V., & Enikolopov, S. N. (2004). Osobennosti proyavleniya agres-sii pri depressivnykh sostoyaniyakh. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 1, 3–14.
- Abramova, A. A., Kuznetsova, S. O., Enikolopov, S. N., & Razumova, A. V. (2014). Spetsifika proyavleniy agressivnosti u bolnykh s depressiey raznoy nozologicheskoy prinadlezhnosti, stepeni tyazhesti i dlitelnosti. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2, 75–89.
- Vasileva, S. N., Simutkin, G. G., Schastnyy, E. D., Lebedeva, E. V., & Bokhan, N. A. (2020). Affektivnye rasstroystva pri komorbidnosti s alkoholnoy zavisimostyu: kliniko-dinamicheskie osobennosti, uroven sotsialnoy adaptatsii bolnykh. *Byulleten sibirskoy meditsiny*, 19(1), 29–35. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-29-35>
- Enikolopov, S. N., & Tsibulskiy, N. P. (2008). Izuchenie vzaimosvyazi legitimizatsii nasiliya i sklonnosti k agressivnym formam povedeniya. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 13(1), 90–98.
- Enikolopov, S. N., & Chudova, N. V. (2017). Agressivnost i implicitnaya teoriya nasiliya. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, (2), 18–26.

- Kozlova, D. E., & Grushko, N. V. (2021). Psikhologicheskie osobennosti legitimizatsii agressii u molodykh internet-polzovateley v sotsialnykh setyakh. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 3, 18–23. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.3.18-23>
- Kudaybergenova, S. K., Kamzanova, A. T., Zholdasova, M. K., Madalieva, Z. B., Nesipbaev, S. A., & Kustubaeva, A. M. (2020). Issledovanie vzaimosvyazi depressii i lichnostnykh osobennostey. *Scientific Journal of Pedagogy and Economics*, (5), 259–269.
- Kudryashova, V. Yu., & Lutova, N. B. (2019). Samoregulyatsiya povedeniya kak odin iz adaptatsionno-kompensatornykh mekhanizmov psikhiki u bolnykh paranoidnoy shizofreniiy. *Soobshchenie 2. Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoy psikhologii imeni V. M. Bekhtereva*, 4-2, 60–67. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2019-4-2-60-67>
- Kudryashova, V. Yu., Saraikin, D. M., & Ivanov, M. V. (2017). Koping-strategii i samoregulyatsiya povedeniya u bolnykh shizofreniiy i affektivnymi rasstroystvami. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoy psikhologii imeni V. M. Bekhtereva*, (2), 33–39.
- Lapin, I. A., & Rogacheva, T. A. (2019). Kliniko-psikhologicheskie korrelyaty suitsida u bolnykh s depressiyami. *Sotsialnaya i klinicheskaya psikhiatriya*, 29(1), 10–16.
- Leontev, D. A. (1996). Tsennost kak mezhdistsiplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoy rekonstruktsii. *Voprosy filosofii*, (4), 15–26.
- Lysenko, N. E., Peeva, O. D., & Bulygina, V. G. (2024). Vospriyatie mezhlichnostnykh konfliktov u lits s affektivnymi rasstroystvami. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, (2), 53–60.
- Muraveva, O. V., & Razuvaeva, T. N. (2014). Vzaimosvyaz komponentov struktury lichnosti i koping-mekhanizmov u bolnykh depressiey. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 21(6), 275–283.
- Noss, I. N., Bulygina, V. G., & Pronicheva, M. M. (2023). Metodologiya issledovaniya tsennostno-smyslovyykh konstruktov lichnosti. V V. A. Fadeev & T. A. Varkhotov (Red.), *Tsennostno-smyslovyye i intellektualnye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh globalnykh vyzovov* (ss. 94–119). Neptun.
- Pugatskiy, M. V., & Romanova, N. M. (2021). O pogranichnykh sostoyaniyakh cheloveka i sotsiuma v psikhologii i o sotsialnom konstruirovani. *Sotsiologiya*, (2), 130–135.
- Simutkin, G. G. (2018). Ataki gneva i "gnevnye rasstroystva": klinicheskaya relevantnost, problema klassifikatsii, komorbidnosti i terapii (obzor literatury). *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoy psikhologii imeni V.M. Bekhtereva*, 3, 10–21.
- Sultanova, A. N., Chut, U. Yu., Busygina, G. A. i dr. (2020). Osobennosti agressivnogo povedeniya u lits, legitimiziruyushchikh agressiyu. *Reflexio*, 13(2), 79–92. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2020-13-2-79-92>
- Tukaev, R. D., Sryvkova, K. A. (2024). Prognosticheskie markery iskhoda pozitivno-dialogovoy psikhoterapii u patsientov s generalizovannym trevozhnym rasstroystvom i smeshannym trevozhnym i depressivnym rasstroystvom. *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya*, 15(1), 44–57. <https://doi.org/10.34883/PI.2024.15.1.002>
- Fadeev, V. A., & Varkhotov, T. A. (Red.). (2023). *Tsennostno-smyslovyye i intellektualnye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh globalnykh vyzovov*. Neptun.
- Frolov, S. S. (2016). Individualnye matritsy tsennostey kak osnova korrektsii povedeniya chlenov sotsialnykh grupp. *Upravlenie*, (1), 52–58. <https://doi.org/10.12737/18792>
- Khrulenko-Varnitskiy, I. O. (2017). *Kliniko-psikhofiziologicheskie osobennosti emotsionalnykh narusheniy pri nepsikhoticheskikh psikhicheskikh rasstroystvakh* [Dissertatsiya kandidata meditsinskikh nauk, FGBU «NMITs PN im. V. P. Serbskogo» Minzdrava Rossii].
- Chayka, Yu. A., & Baranov, M. L. (2025). Sovremennoe sostoyanie problemy agressii v psikhiatrii. *Psikhiatriya*, 23(1), 98–112. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2025-23-1-98-112>

- Shport, S. V., & Makushkina, O. A. (2023). *Psikhiatricheskaya pomoshch naseleniyu Rossiyskoy Federatsii v 2018–2022 gg.* FGBU «NMITs PN im. V. P. Serbskogo» Minzdrava Rossii.
- Gritters, M. N., ... [et al.] (2025). Associations between NIH Toolbox Emotion Battery measures and previous suicide attempt in bipolar I disorder. *Journal of Affective Disorders*, 372, 470–480. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.12.040>
- Hanel, P. H. P., & Wolfradt, U. (2016). The 'dark side' of personal values: Relations to clinical constructs and their implications. *Personality and Individual Differences*, 97, 140–145. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.03.045>
- Hanwella, R., & De Silva, V. A. (2011). Signs and symptoms of acute mania: A factor analysis. *BMC Psychiatry*, 11(1), 1–5. <https://doi.org/10.1186/1471-244x-11-137>
- Oakley, C., Hynes, F., & Clark, T. (2009). Mood disorders and violence: a new focus. *Advances in Psychiatric Treatment*, 15(4), 263–270. doi:10.1192/apt.bp.107.005413
- Volavka, J. (2013). Violence in schizophrenia and bipolar disorder. *Psychiatra Danubina*, 25(1), 24–33.
- Wang, X., ... [et al.] (2025). The relationship between content and types of personal values and depression in Chinese adolescents. *Children and Youth Services Review*, 172, Article 108281. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2025.108281>

Информация об авторах

Николь Андреевна Галанина – младший научный сотрудник отдела психопрофилактики Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского Минздрава России.

Олеся Дмитриевна Пеева – научный сотрудник отдела психопрофилактики Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России.

Татьяна Николаевна Кабанова – старший научный сотрудник отдела психопрофилактики Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского Минздрава России, кандидат психологических наук.

Елена Викторовна Костина – начальник отдела психологической работы управления по работе с личным составом Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

About the authors

Nicole A. Galanina – Junior Researcher of the Department of Psychoprevention of the V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation.

Olesya Dmitrievna Peeva – Researcher of the Department of Psychoprevention of the V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation.

Tatiana N. Kabanova – Senior Researcher of the Department of Psychoprevention of the V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Cand. Sci. (Psy.).

Elena V. Kostina – Head of the Department of Psychological Work of Personnel Management Directorate of Moscow University of the MIA of Russia named after V.Y. Kikot.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 17.04.2026

Одобрена после рецензирования 29.05.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted April 14, 2026

Approved after reviewing May 29, 2026

Accepted July 30, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.99:316.624

Виктимность школьников как антропологическая основа профилактики девиантных рисков

Ольга Александровна Денисова

Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
oadenisova@chsu.ru

ORCID: 0000-0002-0236-9181**Ольга Леонидовна Леханова**

Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
lehanovao@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0882-4632**Александра Владиславовна Михайлова**

Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
phalene@inbox.ru и

ORCID: 0009-0000-5822-6166**Аннотация**

Введение. Изучение виктимности в аспекте профилактики возникновения девиантных рисков актуально не только как фундаментальная научная проблема, но и как прикладная задача обеспечения безопасности страны и ее граждан. Получение современных данных по этой проблеме должно выступить антропологической основой для профилактики дезадаптаций и девиаций учащихся. Цель работы – представить данные о состоянии виктимности школьников в аспекте рассмотрения ее как антропологической основы профилактики небезопасного поведения и девиантных рисков. Теоретической основой анализа выступают представления о виктимности как отклонении от норм безопасного поведения и как о дезадаптивном стиле реагирования. **Методы.** Эмпирическое исследование проведено на выборке 740 учащихся 1–11 классов в городах присутствия ФосАгро. Использован адаптированный скрининговый опросник виктимного поведения школьников (30 бинарных пунктов), разработанный на основе многомерной модели виктимности О. О. Андронниковой и дополненный шкалами лживости, данными о поле, возрасте, классе, городе, общими сведениями о семье обучающихся. Виктимность исследовалась как мониторинговая характеристика школьной уязвимости, потенциально связанная с девиантными рисками. Для анализа применены описательная статистика, расчет шести содержательных субшкал, кластеризация (K-means), корреляционный анализ. **Результаты.** Наиболее массово представлены не прямые признаки виктимности, а фоновые риск-маркеры: импульсивные действия, ожидание помощи от взрослых, пассивность в ситуации агрессии, трудности принятия замечаний и неуверенность в возможности

справиться с трудной ситуацией. Признаки реализованной виктимизации фиксируются у меньшей части обучающихся. По результатам разведочной кластеризации выделены три интерпретируемых профиля виктимных риск-маркеров: профиль повышенного риска, зависимо-гиперсоциальный профиль и профиль умеренного риска с элементами импульсивности. Профили различаются по выраженности эмоциональной уязвимости, импульсивности, агрессивных и реализованных признаков. Возрастные особенности уязвимости определяют не линейный рост виктимности с возрастом, а изменение структуры риск-маркеров.

Ключевые слова

виктимность, дезадаптация, девиантные риски, девиантное поведение, антропология девиантности, социальная безопасность, дети, подростки

Благодарности

Авторы выражают благодарность Алексею Игоревичу Смирнову, заместителю генерального директора по режиму АО «Апатит» за поддержку идеи исследования; Юлии Геннадиевне Бондаренко, директору частного учреждения культуры «Интерактивный центр ФосАгро», и Светлане Леонидовне Злобиной, руководителю Интерактивно-познавательного центра (ИПЦ) «Зелёная планета», за содействие в организации сбора данных; учащимся и их родителям за добровольное участие в исследовании.

Для цитирования: Денисова, О. А., Леханова, О. Л., Михайлова, А. В. (2026). Виктимность школьников как антропологическая основа профилактики девиантных рисков. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 315–328.

Original paper

Victimisation of schoolchildren as an anthropological basis for the prevention of deviant risks

Olga A. Denisova

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
oadenisova@chsu.ru

ORCID: 0000-0002-0236-9181

Olga L. Lehanova

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
lehanovao@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0882-4632

Alexandra V. Mikhailova

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
phalene@inbox.ru

ORCID: 0009-0000-5822-6166

Abstract

Introduction. The study of victimisation in the aspect of preventing the emergence of deviant risks is relevant not only as a fundamental scientific problem, but also as an applied task of ensuring the security of the country and its citizens. Obtaining modern data on this problem should serve

as an anthropological basis for preventing the maladaptation and deviance of pupils. The purpose of this work is to present data on the state of victimisation among schoolchildren in the aspect of its consideration as an anthropological basis for preventing unsafe behaviour and deviant risks. The theoretical basis of the analysis is the concept of victimisation as a deviation from the norms of safe behaviour and as a maladaptive style of response. **Methods.** The empirical study was conducted on a sample of 740 pupils in grades 1–11 in the towns where PhosAgro operates. An adapted screening questionnaire of schoolchildren's victim behaviour (30 binary items) was used, developed on the basis of the multidimensional model of victimisation by O.O. Andronnikova and supplemented with scales of deceitfulness, data on gender, age, class, town and general information about the families of the pupils. Victimisation was studied as a monitoring characteristic of school vulnerability, potentially associated with deviant risks. Descriptive statistics, calculation of six meaningful subscales, clustering (K-means), and correlation analysis were used for analysis. **Results.** The most common features are not direct signs of victimisation, but background risk markers: impulsive actions, expectation of help from adults, passivity in a situation of aggression, difficulties in accepting comments, and uncertainty about the ability to cope with a difficult situation. Signs of actual victimisation are observed in a smaller number of schoolchildren. Based on the results of exploratory clustering, three interpretable profiles of victim risk markers were identified: a high-risk profile, a dependent-hypersocial profile, and a moderate-risk profile with elements of impulsivity. Profiles differ in the severity of emotional vulnerability, impulsivity, aggressive and realised traits. Age-related features of vulnerability determine not a linear increase in victimisation with age, but a change in the structure of risk markers.

Keywords

victimisation, maladjustment, deviant risks, deviant behaviour, anthropology of deviance, social security, children, adolescents

Acknowledgements

The authors express their gratitude to Alexey Igorevich Smirnov, Deputy General Director for the regime of JSC "Apatit" for supporting the idea of the research; Yulia Gennadievna Bondarenko, Director of the private cultural institution "Interactive Center of PhosAgro", and Svetlana Leonidovna Zlobina, Head of the Interactive and Educational Center (IEC) "Green Planet" – for assistance in organising data collection; children and their parents for voluntary participation in the research.

For citation: Denisova, O. A., Lehanova, O. L., Mikhailova, A. V. (2026). Victimisation of schoolchildren as an anthropological basis for the prevention of deviant risks. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 315–328.

Введение

Исследование виктимности и профилактика девиаций детей соответствуют задачам защиты человеческого потенциала, противодействия социокультурным угрозам (Стратегия национальной безопасности РФ¹, Стратегия комплексной безопасности детей²), а также поиска средств сохранения психического здоровья человека и изучения молодежи как группы повышенного риска и стратегического ресурса развития общества (Стратегия НТР³, Программа ФНИ⁴).

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации".

² Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации».

³ Указ Президента РФ от 28.02. 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021 - 2030 гг.)».

Особую актуальность данные исследования приобретают в ситуации заинтересованности и включенности социально ответственного бизнеса в реализацию социальной политики страны и партнерства бизнеса с научным сообществом для реализации инициатив по обеспечению безопасности граждан. Представленное исследование является результатом партнерства Череповецкого государственного университета, осуществляющего подготовку специалистов по направлению «Педагогика и психология девиантного поведения», и частного учреждения культуры Интерактивно-познавательного центра (ИПЦ) «Зеленая планета» АО «Апатит» компании ФосАгро. По инициативе компании в городах присутствия ФосАгро реализуется профилактический проект «Агенты безопасности», обеспечивающий формирование у школьников безопасного поведения через интерактивные технологии. Для определения стратегических задач развития проекта и с учетом запросов государства, общества и бизнеса реализовано исследование, призванное оценить степень выраженности виктимности у потенциальных участников проекта в аспекте определения антропологических основ профилактики возникновения рисков девиаций.

В современном научном контексте проблема виктимности, дезадаптаций и девиаций занимает центральное место в концептуальных схемах, объединяющих микро-, мезо- и макросоциальные уровни взаимодействий в криминологии, психологии, социологии, педагогике, виктимологии и антропологии. В отечественной традиции виктимность определяется как совокупность свойств человека, способствующих дезадаптивному стилю реагирования (Андронникова, 2019; Мартысюк, 2024; Cook et al., 2010; Reijntjes et al., 2010). Активно изучаются причины и последствия виктимизации (Реан, 2015; Андронникова, 2019; Григорьева & Усова, 2020; Буткевич, 2024; Barboza, 2015; Marengo et al., 2019; Bettencourt et al., 2023), программы профилактики (Реан, 2018; Быстрова & Быстров, 2023; Axford et al., 2020; Du Pont-Reyes et al., 2021; Garandeau et al., 2023; Lee et al., 2023), возрастные различия виктимности (Семенова, 2024; Garandeau et al., 2019). Некоторые авторы определяют виктимность как вариант девиантного поведения (Быстрова & Быстров, 2023). О. О. Андронникова (2019) рассматривает виктимность в рамках концепции многомерного виктимного поведения и онтогенетической матрицы ведущих факторов виктимизации. Большинство авторов единодушны в мнении, что внешние социальные изменения провоцируют вероятность формирования у детей и подростков уязвимых паттернов поведения (Реан, 2015; Буткевич, 2024; Cañas et al., 2020), а девиация традиционных духовно-нравственных ценностей способна разрушать национальную идентичность (Мартысюк, 2024). А. Тойнби (2001), что позволяет рассматривать виктимность как один из возможных ответов современной личности на вызовы социальной среды. Зарубежные метааналитические исследования подтверждают связь виктимизации с психосоциальным неблагополучием детей, их внутренними проблемами, эмоциональной уязвимостью, одиночеством, снижением самооценки, указывают на двунаправленный характер связей между виктимизацией и проблемами поведения (Cook et al., 2010; Reijntjes et al., 2010; Olweus, 2013). Исследования демонстрируют, что виктимное поведение является значимым фактором риска дезадаптации, аддиктивных паттернов, тревожных расстройств и нарушений социального функционирования (Григорьева & Усова, 2020; Barboza, 2015; Cañas et al., 2020; Bettencourt et al., 2023; Liu et al., 2026), выделяются паттерны радикализации в образовательной среде (Ничипоренко и др., 2025), определяется роль раннего выявления уязвимых групп учащихся в снижении рисков травли, эмоционального выгорания и социального исключения (Salmivalli, 2010; Olweus, 2013). Обзор литературы показал, что в контексте рисков возникновения девиаций виктимность приобретает антропологический смысл, так как определяет базовые способы существования ребенка в социальной среде и отношение к себе, сверстникам, взрослым, нормам, риску, помощи и защите собственных границ.

Несмотря на значительное число работ, посвященных отдельным аспектам проблемы, задача анализа виктимных риск-маркеров как основы проектирования профилактических программ остается актуальной. Нуждается в проработке вопрос определения антропологических основ как совокупности базовых способов существования ребенка в образовательной среде, которые учтут состояние виктимности как индивидуальной уязвимости к рискам девиантного поведения. Это определило цель исследования – изучение виктимности учащихся в аспекте ее интерпретации как возможной антропологической основы профилактики девиантных рисков.

Методы

Исследование носило одномоментный (поперечный) срез с использованием методов опроса и последующей статистической обработкой. Сбор данных проводился в апреле–мае 2025 года. В исследовании приняли участие 740 учащихся 1–11 классов общеобразовательных школ в городах присутствия ФосАгро (Череповец, Балаково, Волхов, Кировск). В выборке представлены 426 девочек (57,6 %) и 314 мальчиков (42,4 %). Опрос носил добровольный характер, проходил посредством заполнения онлайн-формы, что привело к неравномерности распределения по классам (1 класс – 30 человек; 2 класс – 69; 3 класс – 148; 4 класс – 223; 5 класс – 68; 6 класс – 88; 7 класс – 9; 8 класс – 22; 9 класс – 44; 10 класс – 37; 11 класс – 2 человека). Наиболее полно представлены младшие и средние классы, что учитывалось при интерпретации возрастных данных. В исследовании использован опросник виктимного поведения, состоящий из 30 утверждений с бинарными ответами («да» – 1, «нет» – 0), сформированный на основе модели О. О. Андронниковой. В соответствии с моделью выделено три уровня выраженности виктимности и пять субшкал виктимности: агрессивная, самоповреждающая, зависимая, некритичная, реализованная. На каждый тип виктимности предложено по пять вопросов, предполагающих бинарный ответ и фиксирующих наличие риск-маркера. Шестой блок вопросов включал шкалы лжи и рассматривался дополнительно как гиперсоциальная виктимность. Используемая методика представляет собой адаптированный скрининговый опросник, механизм адаптации которого включает содержательное соотнесение пунктов с типами виктимности, упрощение формулировок для школьной аудитории, бинаризацию ответов. Субшкалы методики применены в исследовании не как классический клинический инструмент, а как содержательно-аналитические блоки мониторинга. Статистическая обработка включала частотный анализ, описательные статистики, корреляционный анализ и разведочную кластеризацию методом K-means. Анализ проводился в среде JASP (версия 0.19). При статистической обработке базы данных и подсчете корреляционных связей частично использованы технологии на основе искусственного интеллекта.

Исследование проводилось с соблюдением этических принципов работы с несовершеннолетними (добровольность, информированное согласие родителей, опрос в обезличенной форме, конфиденциальность, ограниченность доступа рамками исследовательской группы).

Результаты

Средний суммарный балл по всей выборке составил 8,92 ($SD = 3,12$), медиана – 9, минимум – 3, максимум – 23. При условном делении на группы по выраженности риск-маркеров низкая выраженность была выявлена у 171 обучающегося (23,1 %), средняя выраженность – у 485 обучающихся (65, %), высокая выраженность – у 84 обучающихся (11,4 %). Эти данные не позволяют говорить о массовой реализованной виктимизации, однако показывают наличие значительного слоя обучающихся со средним уровнем риск-маркеров и меньшей, но содержательно важной группы повышенного психолого-педагогического внимания.

Анализ данных по субшкалам показал, что самыми высокими оказались показатели по зависимой виктимности: в среднем 1,99 из 5. Далее идут самоповреждающая/рискованная ($M = 1,44$ из 5), некритичная ($M = 1,30$ из 4), агрессивная ($M = 1,17$ из 5) и, наконец, реализованная виктимность ($M = 0,50$ из 4). Гиперсоциальная виктимность, связанная с желанием воспроизвести социально одобряемое поведение, характеризуется $M = 1,09$ из 5. Признаки реализованной виктимизации выражены существенно ниже. Так, 37 школьников (5 %) заявили, что не общаются со сверстниками из-за обид; 50 (6,8 %) сообщили, что сверстники их часто обижают; 76 (10,3 %) ответили, что их часто дразнят. Еще 208 человек (28,1 %) считают других людей более счастливыми, чем себя. Эти цифры нельзя игнорировать, но и расценивать их как прямое свидетельство массового буллинга не вполне корректно.

Анализ реализованных выборов показал, что чаще всего встречались риск-маркеры, отражающие не прямую виктимизацию, а фоновые формы дезадаптивной уязвимости: трудности принятия замечаний, импульсивность, ожидание помощи взрослых, нарушение правил, пассивность в ситуации агрессии, неуверенность в возможности справиться с трудностью, т. е. признаки нарушения саморегуляции, автономии и безопасной коммуникации (таблица 1).

Таблица 1. Частые риск-маркеры виктимности

Table 1. Frequent risk markers of victimisation

Риск-маркер	n	%
Не любит, когда делают замечания	587	79,3
Иногда делает что-то не думая	546	73,9
Ждет помощи от взрослых	534	72,2
Иногда нарушает правила взрослых	476	64,3
Не вмешивается, если кого-то обижают	462	62,4
Часто кажется, что не справится	348	47,0
Легко теряет терпение	299	40,4
Готов отомстить, если обидели	277	37,5

В антропологическом плане это отражает уязвимое положение ребенка в системе школьных отношений: часть обучающихся одновременно ориентирована на внешнюю помощь взрослых и демонстрирует импульсивные либо недостаточно контролируемые действия. Таким образом, в обследованной выборке виктимное поведение проявляется не столько через реальное попадание в роль жертвы, сколько через зависимо-импульсивный профиль уязвимости. Анализ ответов респондентов показал, что за каждой линией уязвимости стоят свои доминирующие риски: зависимая виктимность – ожидание помощи от взрослых и трудности с самостоятельным выходом из сложных ситуаций; рискованная – импульсивность, склонность действовать без раздумий; некритичная – пассивность, когда ребенок видит агрессию, но не способен противостоять давлению окружающих.

Для уточнения вклада отдельных пунктов в интегральный показатель виктимности был проведен корреляционный анализ методом скорректированной корреляции пункта с общим баллом (CITC). Выявлено, что эмпирическое ядро интегрального показателя виктимности образуют не самые частотные ответы, а пункты, отражающие эмоциональную уязвимость, переживание социальной небезопасности, реализованную виктимизацию и импульсивно-

агрессивную реактивность. Наиболее сильные скорректированные связи выявлены из утверждений: «Я часто чувствую, что все против меня» ($r = 0,362$; $p < 0,001$), «Меня часто дразнят» ($r = 0,347$; $p < 0,001$), «Другие люди кажутся счастливее меня» ($r = 0,344$; $p < 0,001$), «Мне часто кажется, что я не справлюсь» ($r = 0,326$; $p < 0,001$), «Меня часто обижают» ($r = 0,309$; $p < 0,001$). Эти пункты отражают субъективное переживание небезопасности, социальной уязвимости и трудности совладания с ситуацией. Ожидание помощи от взрослых, пассивность в ситуации наблюдаемой агрессии и трудности принятия замечаний являются массово представленными признаками, однако их связь с суммой остальных пунктов слабая или статистически неустойчивая. Эти массовые поведенческие ответы выступают фоновыми мониторинговыми индикаторами школьной среды и школьного климата и отражают особенности возрастной регуляции и дефицит безопасных сценариев поведения.

Для оценки типологизации виктимности была выполнена разведочная кластеризация методом K-means (таблица 2).

Таблица 2. Профили виктимности

Table 2. Victimisation profiles

Кластер	n	%	Средний общий балл	Содержательная характеристика
Профиль 1	175	23,6	12,85	Повышенный риск: агрессивные, рискованные и реализованные признаки
Профиль 2	247	33,4	8,31	Зависимо-гиперсоциальный профиль при низкой реализованной виктимизации
Профиль 3	318	43	7,64	Умеренный риск с элементами импульсивности

Профиль 1 (агрессивно-импульсивный, высокий риск) характеризуется максимальными значениями агрессивной ($M = 2,8$) и самоповреждающей ($M = 3,1$) субшкал, повышенной реализованной виктимностью ($M = 1,4$). Профиль 2 (тревожно-зависимый) – пик по зависимой субшкале ($M = 3,2$), низкая агрессия. Профиль 3 (низкорисковый адаптивный) – низкие значения по всем субшкалам с элементами уязвимости.

Для оценки внутренней связанности каждого профиля были рассчитаны корреляции между шестью субшкалами методом ранговой корреляции Спирмена. По профилю 1 выявлено, что связь слабая–умеренная (средняя связь между субшкалами $\rho = 0,127$; максимальная $\rho = 0,450$). Это наиболее структурированный профиль. По профилю 2 выявлено, что связь слабая (средняя связь между субшкалами $\rho = 0,103$; максимальная $\rho = 0,286$). Профиль менее внутренне связанный. По профилю 3 выявлено, что связь очень слабая (средняя связь между субшкалами $\rho = 0,067$; максимальная $\rho = 0,151$). Это наиболее разнородный профиль. Таким образом, внутри кластеров нет сильной общей связанности всех характеристик между собой, а сами профили не являются плотными. Скорее это эмпирические профили, где отдельные признаки выражены сильнее, но не обязательно жестко связаны друг с другом.

Анализ вариативности выделенных профилей по полу показал, что структура внутрикластерных связей у мальчиков более выражена, особенно в агрессивно-импульсивном профиле, однако эти различия носят скорее описательный характер и не могут интерпретироваться нами как доказанное половое различие. Возрастной анализ также не выявил статистически значимой связи между возрастом и принадлежностью к профилю, так как профили

представлены во всех возрастных группах, статистические различия по данному параметру выявлены не были. В антропологическом смысле это означает, что профилактическая работа должна строиться не столько по возрастному принципу, сколько на основе принципов индивидуализации и дифференциации риск-маркеров.

Для классов с достаточной наполненностью (1–4, 5–6, 9–10) были рассчитаны средние значения субшкал. С учетом однородности данных и отсутствия статистически значимых различий между 1–4, 5–6 и 9–10 классами результаты были сгруппированы в данные по уровням образования: начальное, основное, среднее (таблица 3).

Таблица 3. Средние значения субшкал по классам (для классов с N≥30)

Table 3. Average values of subscales by class (for classes with N≥30)

Возрастная группа	Агрессивная	Самоповреждающая	Зависимая	Гиперсоциальная	Некритичная	Реализованная
1–4 классы	1,03	1,32	2,11	1,12	1,43	0,50
5–6 классы	1,14	1,95	1,76	1,05	1,26	0,53
10–11 классы	1,90	1,46	1,32	0,95	1,46	1,94

Анализ средних значений субшкал показывает, что структура виктимных риск-маркеров различается по классам, однако эти различия следует рассматривать преимущественно как описательные, а не как доказанный устойчивый возрастной тренд. Описательные данные указывают на возможное повышение самоповреждающей / рискованной субшкалы в 5–6 классах и реализованной виктимности в старших группах, однако данные требуют осторожной интерпретации из-за неравномерной численности возрастных подгрупп.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают многомерную природу виктимности, постулируемую в модели О. О. Андронниковой (2019), и подтверждают, что виктимное поведение есть многокомпонентное образование, включающее не только факты реализованной виктимизации, но и широкий спектр предшествующих признаков. В исследуемой выборке наиболее массово представлены зависимость от взрослых, импульсивность, пассивность в ситуации агрессии, неуверенность в возможности справиться с трудностью и трудности эмоциональной саморегуляции. Эти признаки образуют мониторинговый профиль школьной уязвимости. В то же время данные о наличии обучающихся с прямыми признаками обид или социальной изоляции требуют адресного внимания, поскольку описанная в литературе связь виктимизации с психосоциальным неблагополучием, внутренними проблемами и внешними поведенческими трудностями (Reijntjes et al., 2010) не может игнорироваться при решении вопроса безопасности детей и подростков. Выделенные эмоциональная уязвимость, импульсивность и социальная нестабильность согласуются с данными зарубежных исследований (Barboza, 2015; Marengo et al., 2019). Отметим, что эмоциональная уязвимость оказалась самым сильным фактором, связанным с показателем общего риска, что подтверждает центральную роль внутренней беспомощности (Андронникова, 2019; Реан, 2018; Lee et al., 2023).

Кластерный анализ позволил выделить три профиля. Особый интерес представляет наиболее оформленный и внутренне структурированный профиль 1 (агрессивно-импульсивный,

23,6 % выборки), который характеризуется максимальным средним интегральным баллом, а также более высокими значениями по агрессивной, рискованной и реализованной линиям. По сочетанию импульсивности, агрессивной реактивности и следов перенесенных обид этот эмпирически сформированный профиль требует особого психолого-педагогического внимания. Этот вывод согласуется с данными метаанализов (Cook et al., 2010; Olweus, 2013; Salmivalli, 2010). На наш взгляд, важно и то, что в этом профиле одновременно высоки показатели по самоповреждающей субшкале, что, по данным А. А. Григорьевой и Л. Е. Усовой (2020), коррелирует с риском аддиктивного поведения. С учетом разнородности внутренних связей в двух других профилях наблюдается значительное число школьников с пассивной позицией, предпочитающих не вмешиваться, когда кто-то становится объектом агрессии. По нашему мнению, не стоит автоматически приписывать виктимность каждому из них. Скорее всего, природа такого явления кроется в дефиците безопасных сценариев и несформированности культуры взаимовыручки. Практическое следствие данного результата состоит в следующем: в программу профилактики необходимо включать обучение детей безопасным способам реагирования. В то же время в профиле 3 (низкорисковый адаптивный) заметны черты, характерные для традиционного уклада (уверенность в себе и самостоятельность). Это говорит о том, что формирование традиционных устоев, в том числе укрепление коллективистских связей, снижение индивидуализма, может выступить фактором девиктимизации детей и подростков, а сама ценностно-ориентированная профилактика обладает существенным превентивным потенциалом, что согласуется с позицией П. Г. Мартысюка (2024).

Возрастная динамика в целом отражает закономерные этапы развития регуляторных функций. В начальной школе высока зависимость от взрослых. Несмотря на то что это возрастная норма, данные свидетельствуют о необходимости целенаправленной работы по формированию самостоятельности и критичности мышления. Импульсивность более выражена в 5–6 классах, что совпадает с началом пубертата. Частые ссылки детей этого возраста на действия «не подумав», склонность нарушать правила и готовность мстить показывают: школьная виктимность далеко не всегда носит пассивный характер, дети готовы ответить на социальное напряжение агрессивно, реактивно или с риском для себя. В 9–10 классах (15–16 лет) на первый план выходят реальная агрессия и реальный опыт виктимизации. Это хорошо согласуется с исследованиями школьного буллинга (Буткевич, 2024), а также с данными о возрастных пиках формирования паттерна радикализации в их созависимости – от дефицита доверия и поддержки в образовательной среде (Ничипоренко и др., 2025).

Полученные данные позволяют рассматривать виктимность как возможную антропологическую основу профилактики девиантных рисков в трех смыслах: отношение ребенка к себе (уверенность, самооффективность, переживание собственной уязвимости); отношение к другим (способность взаимодействовать со сверстниками, отказывать, просить помощь, реагировать на агрессию); отношение к норме и риску (способность соблюдать правила, удерживать импульс, предвидеть последствия и выбирать безопасный способ действия). Результаты показывают, что профилактическую работу следует направлять не только на выявленные случаи девиаций, но и на более массовые фоновые риски: зависимость от взрослых, импульсивность, пассивность наблюдателя, трудность принятия замечаний, неуверенность и ограниченную критичность.

Заключение

Проведенное исследование показало, что виктимное поведение детей и подростков в школьной среде имеет многокомпонентную структуру. В исследуемой выборке признаки реализованной виктимизации выражены у меньшей части обучающихся, однако значительно шире представлены фоновые риск-маркеры: зависимость от помощи взрослых, импульсивность,

пассивность в ситуации агрессии, трудности эмоциональной саморегуляции, неуверенность и недостаточная критичность.

Интегральный показатель виктимности у большинства обучающихся находится в среднем диапазоне, а группа высокого уровня составляет примерно 1/10. Наиболее выраженной субшкалой является зависимая виктимность, что указывает на значимость проблемы автономии и субъектности ребенка в школьной среде. Ядро виктимного риска составляют эмоциональная уязвимость, переживание социальной небезопасности, признаки дразнения и обид, а также импульсивно-агрессивные реакции.

Виктимность может рассматриваться как антропологическая основа профилактики девиантных рисков в том смысле, что она отражает нарушение базовых способов существования ребенка в образовательной среде: отношения к себе, к другим, к норме, к риску, к взрослой помощи и к защите собственных границ. Полученные данные указывают на наличие риск-маркеров, требующих профилактической работы, охватывающей всех субъектов образовательных отношений – родителей, педагогов, детей и их окружение. Профилактическая работа должна строиться как система раннего выявления и сопровождения, включающая развитие эмоциональной саморегуляции, навыков безопасного общения, критичности, способности обращаться за помощью, конструктивного разрешения конфликтов и формирования культуры поддержки свидетелей агрессии. Самое главное – не стигматизировать обучающихся с повышенными показателями, а использовать данные мониторинга для адресной и многоуровневой профилактики школьной дезадаптации и небезопасных форм поведения.

Выявленные профили и фоновые риск-маркеры могут быть рассмотрены как база реализации основ социальной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и как важное условие формирования безопасного поведения у детей и подростков.

Список литературы

- Андронникова, О. О. (2019). Психологическая модель генезиса индивидуальной виктимизации: детский, подростковый и юношеский возраст. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, (2), 55–64.
- Буткевич, С. А. (2024). Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений. *Российский девиантологический журнал*, 4(4), 599–610. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-599-610>
- Быстрова, Ю. А., & Быстров, А. Е. (2023). Психологические предикаты виктимного поведения молодых людей с интеллектуальными нарушениями. *Вестник практической психологии образования*, 20(4), 67–77. <https://doi.org/10.17759/bppe.2023200406>
- Григорьева, А. А., & Усова, Л. Е. (2020). Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и рисков употребления психоактивных веществ у подростков. *Психология и право*, 10(3), 211–223. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100314>
- Мартысюк, П. Г. (2024). Трансформация концепта культурной девиации в контексте общественного развития. *Человек. Культура. Образование*, 2(52), 10–24. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-10>
- Ничипоренко, Н. П., Пацакула, И. И., & Галиев, И. Ш. (2025). Характеристика и условия формирования паттерна радикализации у обучающихся. *Российский девиантологический журнал*, 5(2), 267–281. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-2-267-281>
- Реан, А. А. (2015). Семья как фактор профилактики и риск виктимного поведения. *Национальный психологический журнал*, 1(17), 3–8. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0101>
- Реан, А. А. (2018). Профилактика агрессии и антисоциального поведения подростков. *Национальный психологический журнал*, 11(2), 3–12. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>

- Семенова, К. Г. (2024). Социально-психологическая дезадаптация подростков: типология и взаимосвязь с системой ценностных ориентаций. *Вестник практической психологии образования*, 21(1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>
- Тойнби, А. Дж. (2001). *Постижение истории* (Е. Д. Жарков, Пер.; В. И. Уколова & Д. Э. Харитонович, Ред.). Айрис-Пресс; Рольф. (Оригинальная работа опубликована 1934–1961).
- Axford, N., Bjornstad, G., Clarkson, S. *et al.* (2020). The Effectiveness of the KiVa Bullying Prevention Program in Wales, UK: Results from a Pragmatic Cluster Randomized Controlled Trial. *Prevention Science*, 21, 615–626. <https://doi.org/10.1007/s11121-020-01103-9>
- Barboza, G. E. (2015). The association between school exclusion, delinquency and subtypes of cyber- and F2F-victimizations: Identifying and predicting risk profiles and subtypes using latent class analysis. *Child Abuse & Neglect*, 39, 109–122. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2014.08.007>
- Bettencourt, A. F., Clary, L. K., Ialongo, N., & Musci, R. J. (2023). Long-term consequences of bullying involvement in first grade, *Journal of School Psychology*, 97, 63-76. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2023.01.004>
- Cañas, E., Estévez, E., León-Moreno, C., & Musitu, G. (2020). Loneliness, Family Communication, and School Adjustment in a Sample of Cybervictimized , *Adolescents. International journal of environmental research and public health*, 17(1), 335. <https://doi.org/10.3390/ijerph17010335>
- Cook, C. R., Williams, K. R., Guerra, N. G., Kim, T. E., & Sadek, S. (2010). Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation. *School Psychology Quarterly*, 25(2), 65–83. <https://doi.org/10.1037/a0020149>
- DuPont-Reyes, M.J., Villatoro, A.P., Phelan, J.C., Painter, K., Barkin, K. & Link, B.G. (2021), School Mental Health Curriculum Effects on Peer Violence Victimization and Perpetration: A Cluster-Randomized Trial. *Journal of School Health*, 91, 59–69. <https://doi.org/10.1111/josh.12978>
- Garandeau, C. F., Turunen, T., Saarento-Zaprudin, S., & Salmivalli, C. (2023). Effects of the KiVa anti-bullying program on defending behavior: Investigating individuallevel mechanisms of change. *Journal of school psychology*, 99, 101226. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2023.101226>
- Garandeau, C. F., Yanagida, T., Vermande, M. M., Strohmeier, D., & Salmivalli, C. (2019). Classroom Size and the Prevalence of Bullying and Victimization: Testing Three Explanations for the Negative Association. *Frontiers in psychology*, 10, 2125. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02125>
- Lee, M. B., Yeom, Y. O., Kim, M. S., Lee, Y., Kim, K. M., Kim, D. H., Lee, C. M., & Lim, M. H. (2023). Effects of school sandplay group therapy on children victims of cyberbullying. *Medicine*, 102(14), e33469. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000033469>
- Liu, L., Gai, J., Luo, M. *et al.* (2026). The effects of school bullying victimization on the development of adolescent depression across genders: a hierarchical linear model analysis. *BMC Public Health*, 26, 1455. <https://doi.org/10.1186/s12889-026-27128-3>
- Marengo, D., Settanni, M., Prino, L. E., Parada, R. H., & Longobardi, C. (2019). Exploring the dimensional structure of bullying victimization. *Frontiers in Psychology*, 10, 770. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00770>
- Olweus, D. (2013). School bullying: Development and some important challenges. *Annual Review of Clinical Psychology*, 9 (1), 751–780. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516>
- Reijntjes, A., Kamphuis, J. H., Prinzie, P., & Telch, M. J. (2010). Peer victimization and internalizing problems in children: A meta-analysis of longitudinal studies. *Child Abuse & Neglect*, 34(4), 244–252. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2009.07.009>
- Salmivalli, C. (2010). Bullying and the peer group: A review. *Aggression and Violent Behavior*, 15(2), 112–120. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2009.08.007>

References

- Andronnikova, O. O. (2019). Psikhologicheskaya model genezisa individualnoy viktimizatsii: detskiy, podrostkovyy i yunosheskiy vozrast. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, (2), 55–64.
- Butkevich, S. A. (2024). Shkolnaya travlya: osobennosti genezisa, proyavleniy i preventsii deviatsiy mezhlichnostnykh obshcheniy. *Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal*, 4(4), 599–610. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-599-610>
- Bystrova, Yu. A., & Bystrov, A. E. (2023). Psikhologicheskie predikaty viktimnogo povedeniya molodykh lyudey s intellektualnymi narusheniyami. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 20(4), 67–77. <https://doi.org/10.17759/bppe.2023200406>
- Grigoreva, A. A., & Usova, L. E. (2020). Vzaimosvyaz sklonnosti k viktimnomu povedeniyu i riskov upotrebleniya psikhoaktivnykh veshchestv u podrostkov. *Psikhologiya i pravo*, 10(3), 211–223. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100314>
- Martysyuk, P. G. (2024). Transformatsiya kontsepta kulturnoy deviatsii v kontekste obshchestvennogo razvitiya. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie*, 2(52), 10–24. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-10>
- Nichiporenko, N. P., Patsakula, I. I., & Galiev, I. Sh. (2025). Kharakteristika i usloviya formirovaniya patterna radikalizatsii u obuchayushchikhsya. *Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal*, 5(2), 267–281. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-2-267-281>
- Rean, A. A. (2015). Semya kak faktor profilaktiki i risk viktimnogo povedeniya. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal*, 1(17), 3–8. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0101>
- Rean, A. A. (2018). Profilaktika agressii i antisotsialnogo povedeniya podrostkov. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal*, 11(2), 3–12. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>
- Semenova, K. G. (2024). Sotsialno-psikhologicheskaya dezadaptatsiya podrostkov: tipologiya i vzaimosvyaz s sistemoy tsennostnykh orientatsiy. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 21(1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>
- Toynbee, A. J. (2001). *Postizhenie istorii* (E. D. Zharkov, Trans.; V. I. Ukolova & D. E. Kharitonovich, Eds.). Ayris-Press; Rolf. (Original work published 1934–1961).
- Axford, N., Bjornstad, G., Clarkson, S. *et al.* (2020). The Effectiveness of the KiVa Bullying Prevention Program in Wales, UK: Results from a Pragmatic Cluster Randomized Controlled Trial. *Prevention Science*, 21, 615–626. <https://doi.org/10.1007/s11121-020-01103-9>
- Barboza, G. E. (2015). The association between school exclusion, delinquency and subtypes of cyber- and F2F-victimizations: Identifying and predicting risk profiles and subtypes using latent class analysis. *Child Abuse & Neglect*, 39, 109–122. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2014.08.007>
- Bettencourt, A. F., Clary, L. K., Ialongo, N., & Musci, R. J. (2023). Long-term consequences of bullying involvement in first grade, *Journal of School Psychology*, 97, 63–76. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2023.01.004>
- Cañas, E., Estévez, E., León-Moreno, C., & Musitu, G. (2020). Loneliness, Family Communication, and School Adjustment in a Sample of Cybervictimized , *Adolescents. International journal of environmental research and public health*, 17(1), 335. <https://doi.org/10.3390/ijerph17010335>
- Cook, C. R., Williams, K. R., Guerra, N. G., Kim, T. E., & Sadek, S. (2010). Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation. *School Psychology Quarterly*, 25(2), 65–83. <https://doi.org/10.1037/a0020149>
- DuPont-Reyes, M.J., Villatoro, A.P., Phelan, J.C., Painter, K., Barkin, K. & Link, B.G. (2021), School Mental Health Curriculum Effects on Peer Violence Victimization and Perpetration: A Cluster-Randomized Trial. *Journal of School Health*, 91, 59–69. <https://doi.org/10.1111/josh.12978>
- Garandau, C. F., Turunen, T., Saarento-Zaprudin, S., & Salmivalli, C. (2023). Effects of the KiVa

- anti-bullying program on defending behavior: Investigating individual level mechanisms of change. *Journal of school psychology*, 99, 101226. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2023.101226>
- Garandeau, C. F., Yanagida, T., Vermande, M. M., Strohmeier, D., & Salmivalli, C. (2019). Classroom Size and the Prevalence of Bullying and Victimization: Testing Three Explanations for the Negative Association. *Frontiers in psychology*, 10, 2125. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02125>
- Lee, M. B., Yeom, Y. O., Kim, M. S., Lee, Y., Kim, K. M., Kim, D. H., Lee, C. M., & Lim, M. H. (2023). Effects of school sandplay group therapy on children victims of cyberbullying. *Medicine*, 102(14), e33469. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000033469>
- Liu, L., Gai, J., Luo, M. *et al.* (2026). The effects of school bullying victimization on the development of adolescent depression across genders: a hierarchical linear model analysis. *BMC Public Health*, 26, 1455. <https://doi.org/10.1186/s12889-026-27128-3>
- Marengo, D., Settanni, M., Prino, L. E., Parada, R. H., & Longobardi, C. (2019). Exploring the dimensional structure of bullying victimization. *Frontiers in Psychology*, 10, 770. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00770>
- Olweus, D. (2013). School bullying: Development and some important challenges. *Annual Review of Clinical Psychology*, 9 (1), 751–780. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516>
- Reijntjes, A., Kamphuis, J. H., Prinzie, P., & Telch, M. J. (2010). Peer victimization and internalizing problems in children: A meta-analysis of longitudinal studies. *Child Abuse & Neglect*, 34(4), 244–252. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2009.07.009>
- Salmivalli, C. (2010). Bullying and the peer group: A review. *Aggression and Violent Behavior*, 15(2), 112–120. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2009.08.007>

Информация об авторах

Ольга Александровна Денисова – заведующий кафедрой дефектологического образования Череповецкого государственного университета, директор Ресурсного учебно-методического центра Северо-Западного федерального округа по обучению лиц с ОВЗ и инвалидностью на базе ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (РУМЦ СЗФО ЧГУ), доктор педагогических наук, профессор.

Ольга Леонидовна Леханова – доцент кафедры дефектологического образования Череповецкого государственного университета, заместитель директора Ресурсного учебно-методического центра Северо-Западного федерального округа по обучению лиц с ОВЗ и инвалидностью на базе ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (РУМЦ СЗФО ЧГУ), кандидат педагогических наук, доцент.

Александра Владиславовна Михайлова – заведующий кабинетом кафедры дефектологического образования Череповецкого государственного университета, младший научный сотрудник лаборатории Ресурсного учебно-методического центра Северо-Западного федерального округа по обучению лиц с ОВЗ и инвалидностью на базе ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (РУМЦ СЗФО ЧГУ).

About the authors

Olga A. Denisova – Head of the Department of Defectological Education of Cherepovets State University, Director of the Resource Educational and Methodological Center of the North-Western Federal District for Training Persons with Disabilities and Handicaps on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Cherepovets State University” (RUMC of the NWFD of ChSU), Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Olga L. Lekhanova – Associate Professor at the Department of Defectological Education at Cherepovets State University, Deputy Director of the Resource Training and Methodological Center for the Education of People with Disabilities in the Northwestern Federal District at Cherepovets State University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Alexandra V. Mikhailova – Head of the Office of the Department of Defectological Education at Cherepovets State University, a junior researcher at the Laboratory of the Resource Educational and Methodological Center of the Northwestern Federal District for the Education of People with Disabilities at the Cherepovets State University.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 22.05.2026

Одобрена после рецензирования 06.07.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted May 22, 2026

Approved after reviewing July 06, 2026

Accepted July 30, 2026

Оригинальная статья

УДК 343.97

Коррупционное преступное поведение в контексте антропологического подхода

Максим Викторович Бавсун

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
kafedramvd@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1407-2609**Елена Викторовна Стебенева**

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
st.el@list.ru

ORCID: 0000-0002-3659-3595**Аннотация**

Человеческая природа (ее сущность) в контексте истории остается практически неизменной. Собственность, накопительство, корысть, мздоимство являются традиционными желаниями и пороками, с которыми всегда пыталось бороться государство. Борьба эта имеет статус вечной (с тем или иным успехом), находя отражение в конкретных показателях тех видов преступлений, которые для нее характерны. Взяточничество, подкуп, мошенничество, превышение должностных полномочий и злоупотребление ими, присвоение и хищение так и не перестают быть теми общественно опасными деяниями, которые существовали, по сути, всегда. В то же время полное избавление от их проявлений по-прежнему оказывается недостижимой целью для любой власти в каждый из исторических периодов ее существования. Несмотря на неизменность желаний человека, трансформация общественных отношений наряду с кардинальными изменениями в современных технологиях (медицине, генетике, технике, экономике и т. д.) привела к небезосновательным рассуждениям об уже случившемся вторжении в традиционно запретную сферу – в антропологическое содержание человека. Собственно, именно на этом строятся все рассуждения о так называемом постчеловеке, границы и возможности которого пока остаются не изученными не только в праве, но и в современной философии, психологии и медицине. Изучение корыстных посягательств именно в данном контексте сегодня представляется весьма перспективным и способно если не ответить, то по крайней мере обозначить круг тех вопросов, которые типичны для данного этапа развития нашего общества. **Цель:** определить сущность антропологии коррупционного преступного поведения через анализ специфики криминологического механизма совершения деяний коррупционной направленности, особенно с учетом трансформации современного общества. **Методология, методы и методика:** в проведенном исследовании использованы общенаучные (диалектический, гносеологический) методы, методы анализа и сравнения. Частнонаучные методы – сравнительно-правовой, социологический (анкетирование и опросы), психологический – составили эмпирическую базу представленного

исследования. **Результаты:** осуществлен криминологический анализ специфики коррупционного индивидуального преступного поведения субъекта, что послужило основой определения антропологической сущности коррупционных актов в современном обществе. **Научная новизна:** определяется сформулированными выводами, согласно которым сегодня наблюдается трансформация не только коррупционной преступности, но и личностей тех, кто совершает преступления данной категории. Антропологические предпосылки такой трансформации обсуждаются в совокупности с уже полученными знаниями в философии, нейрокриминологии, медицине и других отраслях знаний. Предпринятый криминологический анализ коррупционного преступного поведения с позиций антропологии обогащает научные знания о сущности коррупции как феномене современного общества и вносит вклад в противодействие коррупционным преступлениям в целом, особенно на современном этапе. **Практическая значимость:** положения, выводы, результаты, полученные в ходе исследования, направлены на восполнение имеющихся криминологических знаний о коррупционном преступном поведении с позиций антропологического подхода, что призвано повысить эффективность индивидуальной профилактики преступлений коррупционной направленности и предупреждения коррупции в целом.

Ключевые слова

коррупция, коррупционное преступное поведение, антропология коррупции, антропологический подход, личность коррупционного преступника, мотивация коррупционного поведения, взяточничество, виктимологическая амбивалентность, корыстная преступность, общество потребления, криминологическая профилактика, должностные преступления

Для цитирования: Бавсун, М. В., Стебенева, Е. В. (2026). Коррупционное преступное поведение в контексте антропологического подхода. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 329–341.

Original paper

Anthropological approach to corrupt criminal behavior

Maxim V. Bavsun

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
kafedramvd@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1407-2609

Elena V. Stebeneva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
st.el@list.ru

ORCID: 0000-0002-3659-3595

Abstract

Human nature (its essence) has remained virtually unchanged throughout history. Property, accumulation, greed, and bribery have consistently been traditional desires and vices that the state has always sought to combat. This struggle has the status of an eternal one (with varying degrees of success), reflected in specific indicators of those types of crimes characteristic of it. Bribery, corruption, fraud, abuse of power, embezzlement, and theft remain socially dangerous acts that have always existed.

At the same time, complete elimination of their manifestations remains an unattainable goal for any authority in any historical period. They exist at the genetic level, including the ability to be transmitted precisely in this way. Meanwhile, despite the immutability of human desires, the transformation of social relations, along with radical changes in modern technologies (medicine, genetics, technology, economics, etc.), has led to well-founded speculation about an already accomplished intrusion into the traditionally forbidden sphere - namely, the anthropological content of human beings. Indeed, it is precisely on this premise that all reasoning about the so-called posthuman is constructed – a being whose boundaries and capacities remain unexplored not only in law, but also in contemporary philosophy, psychology, and medicine. The study of acquisitive offences in this context appears highly promising today and is capable, if not of providing answers, then at least of outlining the range of issues typical for this stage of the development of our society. **Objective:** To determine the essence of the anthropology of corrupt criminal behavior through an analysis of the specific criminological mechanism of committing corruption-related acts, particularly in light of the transformation of modern society. **Methodology, Methods, and Techniques:** The study employed general scientific dialectical and epistemological methods, as well as methods of analysis and comparison. Private scientific methods – comparative legal, sociological (questionnaires and surveys), and psychological – constituted the empirical basis of the research. **Results:** A criminological analysis of the specifics of individual corrupt criminal behavior of the subject was carried out, which served as the basis for determining the anthropological essence of corrupt acts in modern society. **Scientific novelty** lies in the conclusions showing that both corruption crime and the personalities of offenders are currently undergoing transformation. The anthropological prerequisites for this transformation are discussed alongside current knowledge in philosophy, neurocriminology, medicine, and other disciplines. The criminological analysis of corrupt criminal behavior from an anthropological perspective enriches our understanding of corruption as a modern societal phenomenon and contributes to countering corruption-related crimes, especially today. **Practical significance:** The findings and conclusions of the research aim to fill the gaps in criminological knowledge on corrupt criminal behaviour from an anthropological perspective, enhancing individual-level prevention of corruption-related crimes and the overall prevention of corruption.

Keywords

corruption, corrupt criminal behavior, anthropology of corruption, anthropological approach, personality of the corrupt offender, motivation of corrupt behavior, bribery, victimological ambivalence, acquisitive crime, consumer society, criminological prevention, crimes committed by public officials

For citation: Bavsun, M. V., Stebeneva, E. V. (2026). Anthropological approach to corrupt criminal behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 329–341.

Введение

Современный этап существования человечества задает уникальные координаты общественной парадигмы развития, отличающиеся интенсивными процессами глобального порядка, технологическими революциями, инновационными подходами, что оказывает влияние на все мироустройство и архитектуру социальных отношений. Превалирование во всех сферах деятельности информационных систем, автоматизированных процессов, искусственного интеллекта, казалось бы, вытесняет, исключает человека из многих процессов, но одновременно продвижение идей гуманизации, социальной ориентированности государства, сохранения человеческого капитала определяет необходимость изучения экзистенции человека в современном мире и трансформаций его поведения. При этом актуализируется потребность в выявлении сущности делинквентного поведения, что будет способствовать укреплению

хрупкого, неустойчивого правопорядка, тем самым приводя нас к исследованию антропологии девиантного поведения отдельных видов.

Трудно спорить с Ж. Бодрийяром (Бодрийяр, 2021), полагавшим, что современное общество – это общество потребления, формирующее ценности, безответственно ориентирующие на потребительское поведение; и с Э. Фроммом (Фромм, 2004), показавшим извечно существующий выбор между «быть» или «иметь». Корыстные преступления преобладают среди ежегодно регистрируемых общественно опасных деяний в странах всего мира; нацеленность на достижение материального успеха, высокого уровня жизни признается приоритетным многими, если не большинством граждан. В связи с этим особого внимания заслуживает изучение преступлений коррупционной направленности, так как они не только являются корыстными деяниями, но и совершаются с использованием должностного положения, служебных полномочий лицами, наделенными ими легально, что обуславливает специфику коррупционного поведения и особенности его трансформаций, предопределяя его исследование с позиций антропологии коррупционного преступного поведения. Нельзя при этом забывать о том, что в стремительно меняющемся обществе не менее стремительно трансформируется и сам человек, а точнее, то, что составляет его сущность¹. Активную пропаганду перехода от одной системы ценностей, так называемой базовой, к принципиально другой, строящейся на полном отказе от того, что присуще человеку по его природе, т. е. изначально, и уже полученные результаты такой деятельности невозможно игнорировать в ходе прогноза делинквентности как таковой. Дело в том, что якобы переосмысление (а по сути подмена) системы ценностей не происходит одномоментно, по указанию свыше. Для этого необходимы обязательные условия, одним из которых является формирование общества потребления, которое для большинства субъектов правоотношений должно стать смыслом всего существования, а погоня за продуктами новых технологий – одним из его основных элементов. Это, в свою очередь, влечет глубокие процессы трансформации абсолютно всех сфер деятельности, включая преступность, где доля корыстных посягательств всегда была доминирующей, хотя нельзя не признать, что материальные блага для человека во все периоды его существования выступали одним из движущих факторов как прогресса, так и преступности. Между тем погоня за материальным рано или поздно меняет человека, причем не только в части отрицательных качеств, но и позитивных.

В данном случае сложно говорить о происходящих изменениях именно в антропологическом содержании человека, хотя сама по себе эта мысль не относится к категории крамольных. А. А. Федотов пишет: «Учитывая масштаб преобразований, нужно понимать, что идеи Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции ставят весьма серьезные вопросы о том, каковы же будут ее антропологические перспективы» (Федотов, 2022). С учетом достижений медицины, генной инженерии, а отсюда и фармацевтики, вопрос об антропологических перспективах развития любого из видов преступности вполне логичен и крайне актуален, что делает его рассмотрение в современных условиях ничуть не менее, а может быть, и гораздо более важным, чем когда бы то ни было.

Во многом этому способствуют возросшие в геометрической прогрессии возможности человека в части обладания материальными ценностями. Альберт Швейцер пишет по этому поводу: «Роковым для нашей культуры является то, что ее материальная сторона развилась

¹ С этим тезисом можно и нужно спорить, так как человек от рождения – так или иначе существо как биологическое, так и социальное, каждое из которых при этом личность. Однако, это не отменяет и того, что трансформация содержания этой личности, в том числе затрагивающая ее сущность, то есть основное предназначение, в историческом контексте прослеживается достаточно четко. Как минимум этот вывод следует на основе самого представления человека о себе, а также той роли, которую ему отводит государство.

намного сильнее, чем духовная. Равновесие ее нарушено. Наши познания обогатились, а возможности возросли в масштабах, которые ранее вряд ли могли бы считаться мыслимыми. Восторгаясь успехами науки и практики, мы, увы! – пришли к ошибочной концепции культуры. Мы переоцениваем все материальные достижения и не принимаем во внимание значение духовного начала в той мере, в какой следовало бы. Но вот мы сталкиваемся с фактами, и они все больше заставляют нас задумываться. Беспощадно суровым языком они говорят нам, что культура, развивающая лишь материальную сторону без соответствующего прогресса духовного, подобна кораблю, который, лишившись рулевого управления, теряет маневренность и неудержимо мчится навстречу катастрофе» (Швейцер, 1973). И эта катастрофа не может не иметь антропологической основы, так как, теряя в духовности из-за перекоса материального, человек меняет свою сущность, уходя от истинного своего предназначения.

Обзор литературы

При исследовании использованы научные труды, касающиеся изучения коррупции как социального феномена с применением различных подходов – криминологического, антропологического, девиантологического, культурологического. Особое внимание уделено изучению структуры криминогенной личности, что легло в основу оценки полученных результатов при исследовании характеристики лиц, совершивших коррупционные преступления.

Методология, методы и материалы исследования

В исследовании использовался методологический плюрализм ввиду многоаспектности изучаемого явления и связанного с ним коррупционного преступного поведения. Это определило использование как общенаучных методов (диалектического, гносеологического) для определения сущности изучаемого феномена коррупции, так и частнонаучных – социологических (опрос, анкетирование), сравнительно-правового (анализ нормативных правовых актов), психологического (при изучении характеристик структуры личности), что послужило эмпирической базой представленного научного исследования. Метод анализа заложил фундаментальную основу в выведении положений и выводов по результатам проведенного исследования.

Результаты исследования

Анализируя антропологию того или иного вида поведения без исследования сущности явления, порождающего его, мы неизбежно придем лишь к изучению последствий, не осознавая до конца его детерминантов. Онтология коррупции зиждется на понимании сущности данного феномена через ее социальную природу и те последствия, которые она влечет – общественную опасность. Используя в двух ракурсах онтологический подход, отражающий сущность рассматриваемого явления, следует отметить, что ее (сущность) характеризуют как системная совокупность свойств коррупции, так и системная совокупность составляющих ее элементов, т. е. реальных практик в виде совершения различного вида коррупционных правонарушений, среди которых наиболее высокой общественной опасностью обладают преступления коррупционной направленности, преобладающее большинство которых связано с взяточничеством. Ежегодно в общем массиве зарегистрированных преступлений коррупционной направленности 40–50 % и более составляют преступления, относящиеся к взяточничеству (ст. ст. 290–291² УК РФ)².

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. *Статистические данные о состоянии преступности в России за 2020–2025 годы*. Официальный сайт МВД России. Получено 12 апреля 2026 г., из <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

Отдельные ученые оценивают масштабы коррупции по таким трем переменным аргументам, причастным к повышенной или пониженной динамике коррупционных показателей, как генная заданность, количество коррупционеров (креаторы), институциональная среда (совокупность заданных и сотворенных обстоятельств) (Косьмин & Кузнецов, 2022). Подвергая сомнению утверждение о генной заданности коррупции, нельзя исключать мотивационный элемент механизма индивидуального преступного коррупционного поведения – желание удовлетворять материальные потребности, формирующие корыстный мотив любого поведения, сильный и стойкий к любым внешним воздействиям и объективным трансформациям. Преступный коррупционный акт не является исключением: именно на стадии принятия решения, каким путем удовлетворить свой корыстный мотив, лицо на основе сформированных морально-нравственных ценностных установок признает необходимым совершение общественно опасного деяния, испытывая при этом своеобразный конфликт интересов – чаще всего коррупционные преступления совершают должностные лица, которые используют свои должностные полномочия, служебные обязанности (легальные права) в незаконных целях. В отдельных случаях, например при взяточничестве, лица, не обладающие необходимыми правами, используют полномочия, служебное положение должностных лиц для реализации своего незаконного корыстного мотива. В данном случае имеет место коррупционная сделка, поэтому именно свойства личности (особенно с учетом современных реалий) побуждают нас обратиться к антропологическому подходу в изучении особенностей коррупционного преступного поведения.

Обсуждение результатов исследования

Как показывают результаты социологических исследований (Стебенева, 2024) и судебная практика, особенности криминологического механизма коррупционного поведения заключаются в неизменности мотивации, трудно поддающейся историко-временной трансформации, но при этом изменяются потребности, интересы, ценности, формирующие ее. Формирование мотивации происходит под воздействием существующих в обществе негативных ценностных установок потребительства (культура потребительства), распространенной коррупционной идеологии. При этом сильнее всего изменяются виды и способы совершения деяний коррупционной направленности в силу развития общественных отношений, распространенности в той или иной сфере социума: от получения/дачи взятки (ст. ст. 290, 291, 291¹, 291² УК РФ) до подкупа спортивных арбитров³ (ст. 184 УК РФ).

Несомненно, запускающий механизм коррупционного преступного поведения – это формирование мотивации, что является максимально привлекательным для определения непосредственного предмета исследования в ходе отдельного сравнительного криминологического исследования⁴. Так, при опросе респондентов на вопрос, что способствует коррупционному поведению должностных лиц, закономерно (учитывая корыстную природу рассматриваемых преступлений) свыше 60 % опрошенных ответили: «недостаточное материальное и социальное обеспечение», но при этом на втором месте (выбрали свыше 16 % опрошенных) оказался ответ «убежденность должностного лица, что оно имеет право за счет своего должностного положения удовлетворять свои материальные и иные личные потребности»; на третьем месте (свыше

³ РБК. (2026, February 26). *МВД возбудило уголовное дело в отношении девяти российских футбольных судей*. <https://www.rbc.ru/sport/26/02/2026/69a046b99a7947867c474c7b>

⁴ Согласно проведенному опросу в марте-апреле 2026 г. среди обучающихся одной из образовательных организаций высшего образования юридического профиля Санкт-Петербурга (всего 111 чел.). Опрос осуществлен с помощью анкеты, представленной посредством Яндекс Формы. URL: <https://forms.yandex.ru/cloud/69ae9a25e010dbd509fe46fe>

9 % опрошенных) – «нежелание законным путем повысить свое материальное благосостояние». При этом на вопрос, что могло бы способствовать совершению коррупционного преступления именно Вами, свыше 23 % респондентов ответили: «тяжелое материальное положение, критическая жизненная ситуация, связанная с недостатком денег». Приведенные результаты ожидаемо свидетельствуют, что корыстный мотив и его незаконное удовлетворение играют решающую роль в формировании мотивации коррупционного преступного поведения (несмотря на то что выделяют также игровые, псевдосоциальные мотивы и пр.) (Стебенева, 2025), но присутствие профессиональной деформации, подмены истинных позитивных ценностей выступают мотиватором в определенной (и немалой) части коррупционных преступлений.

С точки зрения антропологического подхода интересны ответы респондентов на вопросы, затрагивающие когнитивный, эмоциональный и волевой аспекты поведения. Так, на вопрос, касающийся того, чем будет руководствоваться лицо в ситуации принятия решения, свыше 57 % респондентов выбрали ответ «только законом», и лишь 1,8 % опрошенных выбрали вариант ответа «только личными интересами». Для сравнения подобные вопросы в ходе отдельного криминологического исследования были заданы ранее лицам, осужденным за совершения коррупционных преступлений и отбывающим наказание в местах лишения свободы (Стебенева, 2024). Например, на вопрос, касающийся того, чем будет руководствоваться лицо в ситуации принятия решения: личными интересами или законом, большинство лиц, осужденных за коррупционные преступления, также выбрали вариант ответа «только законом», но в меньшем количестве (32 %). Указанный вопрос ориентирует нас на оценку осознания, осмысления субъектом соблюдения правовых норм (когнитивный аспект). Данный вопрос позволяет осуществить оценку зрелости правосознания личности, и если обратиться к теории Л. Колберга (Kohlberg, 1973; Бровкина, 2012) о динамике морального сознания субъекта, то с позиции уровневого подхода трансформации морального сознания субъекта, обусловленной физиологическим, социальным и образовательным ростом, у респондентов, осужденных за коррупционные преступления, внутренняя правопослушная позиция (установка) менее сформирована и устойчива.

Следующий вопрос, предложенный респондентам, касался эмоционального аспекта – оценки привлекательности и позитивных ожиданий субъектов от правопослушного поведения. Для оценки эмоциональной увлеченности, стремления к личным удовольствиям (Чечулин, 2014)⁵, азартности в достижении корыстного результата и рискориентированного поведения респондентам был предложен вопрос об оценке возможности своего участия в лотерее, на который преобладающее большинство как правопослушных респондентов (свыше 50 %), так и осужденных за коррупционные преступления (64 %) ответили нейтрально, выбрав вариант ответа «ни по шансам на выигрыш, ни по вероятности проигрыша». Это свидетельствует о высоком уровне осознанности в поведении и его низкой рискориентированности, о ровном (осознанном) отношении к случайной выгоде. Об этом говорится и в иных исследованиях: значимость материальных ценностей для лиц, совершивших коррупционные преступления, не настолько высока, как это, на первый взгляд, предполагает вид совершаемого деяния (Кроз & Ратинова, 2019).

Для оценки волевого аспекта поведения (сфокусированности субъекта на недопущении криминального поведения, стойком предпочтении законного поведения незаконному в ситуации выбора) (Злоказов, 2023) и в целях определения факторов, детерминирующих, согласно А. Н. Пастушене (Пастушеня, 2000, с. 11), криминогенные потенции личности, респондентам был задан вопрос о том, что удерживает людей от совершения правонарушения: личные убеждения или страх наказания. Среди лиц, осужденных за коррупционные преступления,

⁵ По теории деятельности Л. С. Выготского линия развития по стремлению к удовольствиям является отклоняющейся (деструктивной).

большинство выбрало ответ «личные убеждения» (46 %), тогда как большинство правопослушных респондентов выбрало нейтральный ответ – «в равной степени и личные убеждения, и последствия наказания» (свыше 50 %). Что свидетельствует о значимости волевой регуляции и ее недостаточности при совершении преступления в качестве функции контроля своего поведения. Это имеет решающее значение в заявленном нами ранее конфликте интересов, возникающем при принятии решения о совершении преступного деяния; определяет приоритет не просто повышения материальной, социальной защищенности, ужесточения наказания в целях предупреждения коррупционных преступлений (хотя данные факторы немаловажны), но и формирования антикоррупционной идеологии, правового позитивного мировоззрения, устойчивости самоконтроля и самовоспитания, что способствует выбору законного пути.

Коррупционное преступное поведение специфично с точки зрения антропологического подхода также в следующем: разграничение между субъектом-преступником и субъектом-потерпевшим порой размыто, а при взяточничестве – жертва не явная, не определяемая физически, так как страдают интересы государства, его авторитет; нарушаются интересы государственной службы. При факте взяточничества наличествует так называемая виктимологическая амбивалентность: обе стороны, взяткодатель и взяткополучатель, заинтересованы в криминальном акте (Кашкаров, 2017). Заблуждение об отсутствии видимого пострадавшего, что ярко проявляется при совершении коррупционных преступлений, где должностное лицо может совершать преступное деяние даже единолично (например, ст. ст. 285, 292 УК РФ и др.), приводит к обезличиванию и отсутствию полного осознания общественной опасности совершаемого и социальных последствий.

Согласно проведенному исследованию (Стебенева, 2024)⁶, свыше 35 % опрошенных осужденных за совершение коррупционного преступления отметили провоцирующее поведение потерпевшего при совершении ими деяния – активное предложение взятки, иное склонение к совершению коррупционного преступления, что в очередной раз подтверждает недопустимость исключения из коррупционных схем взяткодателей, посредников и предупредительной работы в отношении данной категории лиц.

Виктимологический аспект коррупционного поведения должностных лиц требует отдельного внимания. Должностные лица обладают повышенной виктимной привлекательностью (Вишневецкий & Кашкаров, 2021), так как имеют те должностные полномочия, служебные обязанности, авторитет и статус, которые способствуют реализации криминальных интересов, что неизбежно влечет высокую виктимность. Склонение к совершению коррупционного деяния, вовлечение в коррупцию достигается путем физического, психического воздействия как непосредственно на само должностное лицо, так и через родственников, близких людей, вплоть до шантажа, фальсификаций и провокаций взяток⁷.

Несомненно, возможна трансформация должностного лица из жертвы в преступника при принятии решения, совершении преступления, но при этом необходимо учитывать положения ст. 40 УК РФ; пп. 30, 32, 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных

⁶ По результатам проведенного в 2023–2024 гг. опроса в виде анкетирования осужденных, бывших должностных лиц, отбывавших наказание за совершение коррупционных преступлений в ФКУ ИК-11 ГУ ФСИН Нижегородской области; ФКУ ИК-3 УФСИН по Рязанской области (для бывших сотрудников правоохранительных органов) (всего 100 человек).

⁷ Верховный Суд Российской Федерации. (2004, 1 июля). *Кассационное определение № 58-004-33 в связи с оправданием обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, в виду отсутствия в его действиях состава преступления*. КонсультантПлюс.

преступлениях» о совершении коррупционного преступления под воздействием принуждения, при провокации. Согласно исследованиям некоторых ученых, почти в 30 % случаев взяточдатель формирует модель поведения преступника, что предполагает наличие так называемого виновного потерпевшего (Репецкая, 1994; Сидоренко, 2017).

Антропология любого явления предполагает изучение не только субъективных факторов, но и объективных, преломляющихся в сознании индивида, отражающихся в его поведении. Тем самым личность преступника, будучи своеобразным индикатором, позволяет оценить те процессы, которые протекают в обществе и способствуют совершению преступлений (Бавсун & Стебенева, 2023).

В немалой степени формированию коррупционного преступного поведения способствует неоднозначное отрицательное отношение к коррупции в обществе, ее хабиитуализация, распространенность культуры потребительства, что дает основание отнести коррупцию к негативному социокультурному явлению, так как культура имеет фундаментальное значение для формирования психики, мышления и поведения (Бибик, 2016). Следует согласиться с тем, что стереотипы реакции индивида на происходящие процессы и выбор модели поведения формируются в социокультурной среде. Культурные ценности создают фундамент системы ценностных ориентаций личности, а в дальнейшем и всех моделей поведения (Бибик, 2012, с. 305–307). Именно внутренняя интенция актора выступает основополагающей в свободе выбора индивидом поведенческих норм с учетом поливариативности ценностных ориентаций (Михайлюк, 2015), качество которых зависит от сформированности и распространенности антикоррупционной идеологии и уровня нетерпимости к коррупции в обществе. Результаты проведенных исследований (Стебенева, 2025) показывают, что терпимость к коррупционным деяниям высока, а порой и допустима; уровень восприятия коррупции среди населения, к сожалению, не однозначно негативен: 19 % опрошенных ответили утвердительно на вопрос, допускают ли они возможность прибегать к даче взятки, совершению коммерческого подкупа в отдельных случаях; 13 % респондентов относятся равнодушно к коррупции как социальному явлению, а почти 5 % – положительно; свыше 82 % участников опроса относятся к коррупции негативно. Более того, на вопрос: «Как бы Вы реагировали, если бы узнали о факте взяточничества или ином факте коррупции?», почти 20 % ответили, что отнеслись бы равнодушно, а свыше 10 % – с сочувствием и пониманием, и только около 11 % опрошенных сообщили бы о данном факте в соответствующие органы, занимающиеся рассмотрением сообщений по данным фактам; почти 60 % лишь предупредили бы о недопустимости такого поведения. При этом свыше 13 % опрошенных допускают возможность совершения фактов коррупции; свыше 12 % респондентов считают коррупцию полезной⁸. Результаты опроса подтверждают существующую в обществе апологию коррупции, что не только негативно влияет на отношение к данному виду деяний, но и способствует негативному воспитанию и распространению коррупционной идеологии.

Выводы

Проведенные опросы позволяют определить специфику коррупционного преступного поведения, заключающуюся в особенностях формирования мотивации лица под воздействием существующей в обществе коррупционной идеологии, подпитываемой культурой

⁸ Согласно проведенному опросу в марте-апреле 2026 г. среди обучающихся одной из образовательных организаций высшего образования юридического профиля Санкт-Петербурга (всего 111 чел.). Опрос осуществлен с помощью анкеты, представленной посредством Яндекс Формы. URL: <https://forms.yandex.ru/cloud/69ae9a25e010dbd509fe46fe>

потребления («общество потребления»); в неизменности мотивации, в ее устойчивости к трансформациям в социуме, но при этом находящей разнообразие в меняющихся способах и видах коррупционных деяний. При этом личность преступника, совершившего коррупционное преступление, обладает отдельными, характеризующими именно ее, чертами на когнитивном, эмоциональном, волевом уровнях, что проявляется в неустойчивом правосознании, низком рискориентированном поведении, слабой зависимости от случайной материальной выгоды, недостаточности волевой регуляции и самоконтроля. Важной особенностью изученного механизма коррупционного преступного поведения является наличие амбивалентности интересов: участники коррупционного акта, например, при взяточничестве, имеют обоюдную заинтересованность, что, во-первых, делает жертву преступления неявной (государственную власть), а во-вторых, искусственно сглаживает осознание общественной опасности данного деяния, повышает его латентность и формирует ложное понимание о «полезности» коррупции, приводящей к ее апологии.

Безусловный интерес представляет ответ на вопрос, почему мы наблюдаем именно такие тенденции и возможно ли их преодоление с учетом глубины происходящих процессов. Ответ на второй вопрос, на наш взгляд, уже давно затмил не только сознание, но и духовность критической массы людей. На материальности выстроена вся система управления, взаимоотношений между людьми и государством, их статусов, технологий и производного от них технократического пути развития человечества в целом. Это не просто взаимосвязанные явления и процессы, они определяют роль каждого индивида в обществе от момента его рождения и смерти. Его соответствие установленным правилам неизбежно, иначе ему уготована роль изгоя, влачащего если и не жалкое, то крайне сложное (ограниченное по возможностям) существование.

«Человек сам по себе – ничто. Поступательное движение жизни – возрастание в духовности – это все» (Льюис, 2011, с. 139). Соответствие второй части данного постулата в чистом виде и с такой категоричностью каждого человека на сегодняшний момент видится утопичным. В противовес ему фактически реализуется другое начало, согласно которому достижение максимального количества благ выступает в качестве одного из ключевых условий продвижения человека по социальной лестнице. Это фатальная безальтернативность, противостоять которой практически невозможно. Обреченность в принятии правил игры создает необходимую основу для управления общественными отношениями. Жесткий контроль и подавление заменить здесь практически нечем, меняются лишь формы и методы. Однако в таких условиях чистота выбираемых средств каждым субъектом правоотношения начинает значить все меньше, а вырабатываемые привычки – все больше. Доминирование в них именно материальных качеств определяет поведение человека, в том числе обуславливая его противоправный (коррупционный) характер.

Здесь и ответ на второй вопрос. Человек находится под воздействием этих привычек, способных основательно трансформировать его, менять его сущность. Если однажды человек приобретает ту или иную привычку, то обычно избавиться от нее ему становится крайне сложно. Если эта привычка ключевая, позволяющая выживать в сложных, хотя и в повседневных условиях (в которых она лишь оттачивается), она становится той базой, на которой происходит дальнейшее развитие человека, а также всех, кто имеет к нему отношение (в основном речь идет о детях). Антропологическая ли это предпосылка преступного, а в нашем случае коррупционного, поведения или нет – вопрос спорный. В чистом виде антропологии как таковой здесь может и не быть, но ее основа в виде формирующейся под воздействием внешних условий устойчивой склонности человека к совершению преступлений определенной

группы, способной задать направление развития его сущностной девиации, отрицать невозможно. Складывающаяся при этом глубокая устойчивая потребность в отклоняющейся (коррупционной) деятельности через различные механизмы способна передаваться другим поколениям, впрочем, без фатальной предопределенности.

Список литературы

- Бавсун, М. В., & Стебенева, Е. В. (2023). Трансформация личности преступника в пост-индустриальном обществе. *Всероссийский криминологический журнал*, 17(4), 340–351.
- Бибик, О. Н. (2012). *Введение в культурологию уголовного права*. Юрлитинформ.
- Бибик, О. Н. (2016). Культурологические аспекты противодействия преступности. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 2, 21.
- Бодрийяр, Ж. (2021). *Общество потребления* (Е. А. Самарская, пер.). АСТ.
- Бровкина, А. Р. (2012). Теория развития морального субъекта Л. Колберга. *Система ценностей современного общества*, 25, 19–23.
- Вишневецкий, К. В., & Кашкаров, А. А. (2021). Виктимологическая характеристика коррумпирования должностного лица органа публичной власти. *Философия права*, 3, 68–72.
- Злоказов, К. В. (2023). Правопослушная направленность: эмпирическая проверка конструкта. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, 6, 643.
- Кашкаров, А. А. (2017). Виктимная амбивалентность на примере взяточничества. *Виктимология*, 2, 35–38.
- Косьмин, А. Д., & Кузнецов, В. В. (2022). Онтология коррупции: понятие и содержание. *Экономическая безопасность*, 5(3), 1093–1108.
- Кроз, М. В., & Ратинова, Н. А. (2019). Психология личности коррупционного преступника. В А. Н. Савенков (Ред.), *Совершенствование криминологических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер противодействия преступности в современных условиях: Материалы XI Кудрявцевских чтений, Москва, 10 октября 2018 года* (с. 232–235). Институт государства и права РАН.
- Льюис, К. С. (2011). *Космическая трилогия*.
- Михайлюк, В. А. (2015). Феномен коррупции в исследовательской парадигме социологии культуры. *Известия Сочинского государственного университета*, (3-1), 32–36.
- Пастушеня, А. Н. (2000). *Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект)* [Автореферат диссертации доктора психологических наук].
- Репецкая, А. Л. (1994). *Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике*. Иркутский государственный университет.
- Сидоренко, Э. Л. (2017). Коррупционная преступность в контексте комплексного криминологического анализа. *Библиотека уголовного права и криминологии*, 1, 144–150.
- Стебенева, Е. В. (2024). Механизм коррупционного преступного поведения: особенности и криминологическая трансформация. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*, 14(6), 143–159.
- Стебенева, Е. В. (2024). Особенности личности должностных лиц, совершивших коррупционные преступления: на примере отдельного криминологического исследования. *Уголовно-исполнительное право*, 19(3), 475–486.
- Стебенева, Е. В. (2025). Идеологический фактор в детерминации коррупции. *Уголовно-исполнительное право*, 20(1), 142–155.
- Стебенева, Е. В. (2025). *Криминологическая трансформация коррупции*. Санкт-Петербургский университет МВД России, 151–152.

- Федотов, А. А. (2018). Антропологические перспективы в свете идей Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции. *На пути к гражданскому обществу*, (2), 61–65.
- Фромм, Э. (2004). *Иметь или быть? Ради любви к жизни*. Айрис-Пресс.
- Чечулин, В. Л. (2014). *Логико-семантические модели в психологии и их приложение*. Пермский государственный национальный исследовательский университет.
- Швейцер, А. (1973). *Культура и этика*. Прогресс.
- Kohlberg, L. (1973). The claim to moral adequacy of a highest stage of moral judgment. *Journal of Philosophy*, 70(18), 630–646. https://www.pdcnet.org/jphil/content/jphil_1973_0070_0018_0630_0646

References

- Bavsun, M. V., & Stebeneva, E. V. (2023). Transformaciya lichnosti prestupnika v postindustrial'nom obshchestve. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 17(4), 340–351.
- Bibik, O. N. (2012). *Vvedenie v kul'turologiyu ugovnogo prava*. Yurlitinform.
- Bibik, O. N. (2016). Kul'turologicheskie aspekty protivodejstviya prestupnosti. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2, 21.
- Bodriyar, Zh. (2021). *Obshchestvo potrebleniya* (E. A. Samarskaya, per.). AST.
- Brovkina, A. R. (2012). Teoriya razvitiya moral'nogo sub'ekta L. Kolberga. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva*, 25, 19–23.
- Vishneveckij, K. V., & Kashkarov, A. A. (2021). Viktimologicheskaya harakteristika korrumpirovaniya dolzhnostnogo lica organa publichnoj vlasti. *Filosofiya prava*, 3, 68–72.
- Zlokazov, K. V. (2023). Pravoposlushnaya napravlennost': empiricheskaya proverka konstrukta. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, 6, 643.
- Kashkarov, A. A. (2017). Viktimnaya ambivalentnost' na primere vzyatochnichestva. *Viktimologiya*, 2, 35–38.
- Kos'min, A. D., & Kuznecov, V. V. (2022). Ontologiya korrupcii: ponyatie i sodержanie. *Ekonomicheskaya bezopasnost'*, 5(3), 1093–1108.
- Kroz, M. V., & Ratinova, N. A. (2019). Psihologiya lichnosti korrupcionnogo prestupnika. V A. N. Savenkov (Red.), *Sovershenstvovanie kriminologicheskikh, ugovno-pravovykh i ugovno-processual'nykh mer protivodejstviya prestupnosti v sovremennykh usloviyakh: Materialy XI Kudryavcevskikh chtenij, Moskva, 10 oktyabrya 2018 goda* (s. 232–235). Institut gosudarstva i prava RAN.
- L'yuis, K. S. (2011). *Kosmicheskaya trilogiya*.
- Mihajlyuk, V. A. (2015). Fenomen korrupcii v issledovatel'skoj paradigme sociologii kul'tury. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3-1), 32–36.
- Pastushenya, A. N. (2000). *Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika (psihologicheskij aspekt)* [Avtoreferat dissertacii doktora psihologicheskikh nauk].
- Repeckaya, A. L. (1994). *Vinovnoe povedenie poterpevshego i princip spravedlivosti v ugovnoy politike*. Irkutskij gosudarstvennyj universitet.
- Sidorenko, E. L. (2017). Korrupcionnaya prestupnost' v kontekste kompleksnogo kriminologicheskogo analiza. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii*, 1, 144–150.
- Stebeneva, E. V. (2024). Mekhanizm korrupcionnogo prestupnogo povedeniya: osobennosti i kriminologicheskaya transformaciya. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 14(6), 143–159.
- Stebeneva, E. V. (2024). Osobennosti lichnosti dolzhnostnykh lic, sovershivshikh korrupcionnye prestupleniya: na primere otchel'nogo kriminologicheskogo issledovaniya. *Ugovno-ispolnitel'noe pravo*, 19(3), 475–486.

- Stebeneva, E. V. (2025). Ideologicheskij faktor v determinacii korruptcii. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 20(1), 142–155.
- Stebeneva, E. V. (2025). *Kriminologicheskaya transformaciya korruptcii*. Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 151–152.
- Fedotov, A. A. (2018). Antropologicheskie perspektivy v svete idey Klavda Shvaba o Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*, (2), 61–65.
- Fromm, E. (2004). *Imet' ili byt'? Radi lyubvi k zhizni*. Ajris-Press.
- Chechulin, V. L. (2014). *Logiko-semanticheskie modeli v psikhologii i ih prilozhenie*. Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet.
- Shvejcer, A. (1973). *Kul'tura i etika*. Progress.
- Kohlberg, L. (1973). The claim to moral adequacy of a highest stage of moral judgment. *Journal of Philosophy*, 70(18), 630–646. https://www.pdcnet.org/jphil/content/jphil_1973_0070_0018_0630_0646

Информация об авторах

Максим Викторович Бавсун – заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Елена Викторовна Стебенева – ученый секретарь ученого совета Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

About the authors

Maxim V. Bavsun – Deputy Head of Saint Petersburg University of the MIA of Russia for Research, Dr. Sci. (Jurid.), Professor.

Elena V. Stebeneva – Academic Secretary of the Academic Council of Saint Petersburg University of the MIA of Russia for Research, Dr. Sci. (Jurid.), Associate Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 18.05.2026

Одобрена после рецензирования 30.06.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted May 18, 2026

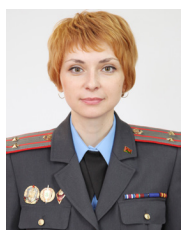
Approved after reviewing June 30, 2026

Accepted July 30, 2026

УДК 343.9

Антикоррупционная политика государства: философско-доктринальное осмысление и правовое регулирование понятийного аппарата

Татьяна Георгиевна Терещенко

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
(Минск, Республика Беларусь)
tati2034@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8705-2046

Аннотация

Посредством применения различных методов исследования определяется сущностное содержание понятия «антикоррупционная политика государства», приводится ее скорректированное определение для последующего концептуального выстраивания управленческой деятельности государства на криминологических началах. **Введение.** В настоящее время коррупция и производные формы коррупционного поведения препятствуют адекватному развитию общества, его систем, воздействуя на все сферы деятельности. Тем самым нарушаются базовые условия криминологической безопасности личности, общества, государства. В связи с этим возрастает роль государства в противодействии системному (сетевому, институциональному) негативному социально опасному конклюдентному феномену коррупции, но уже на концептуальной криминологической основе. Это, в свою очередь, предполагает криминологическое осмысление исследуемого понятия «антикоррупционная политика государства». **Цель:** на основе обобщения данных, полученных из научных (доктринальных), исторических, нормативных источников, предложить авторское видение понятия «антикоррупционная политика государства». **Методология, методы и методики:** при проведении исследования использовались историко-правовой, сравнительно-правовой, теоретические методы формальной и диалектической логики, анализа и синтеза. Применялись также специальные методы: юрико-догматический метод и метод толкования правовых норм. **Результаты:** противодействие коррупционной преступности, включая его предикативные формы, является приоритетом для любого государства, и одним из направлений деятельности становится выстраивание на уровне государства концептуальной антикоррупционной модели, которая объединяет вокруг себя соответствующих субъектов, имеет объектную направленность и прикладные цели реализации. Сущностное содержание понятия «антикоррупционная политика государства» позволяет устранить терминологический диссонанс. **Научная новизна:** в результате исследования предложена авторская редакция понятия «антикоррупционная политика государства». **Практическая значимость** обусловлена возможным устранением терминологических противоречий в понимании соответствующей дефиниции. Криминологическая основа сформулированного понятия ложится в основу концептуальной модели противодействия коррупции.

Ключевые слова

антикоррупционная политика, государство, девиация, коррупция, преступность

Благодарности

Выражаю благодарность моему идейному вдохновителю – научному консультанту и талантливому ученому – доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Республики Беларусь Хомичу Владимиру Михайловичу.

Для цитирования: Терещенко, Т. Г. (2026). Антикоррупционная политика государства: философско-доктринальное осмысление и правовое регулирование понятийного аппарата. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 342–357.

Original paper

State's anti-corruption policy: a philosophical and doctrinal analysis and the legal regulation of the conceptual framework

Tatyana G. Tereshchenko

Academy of the MIA of the Republic of Belarus

(Minsk, Republic of Belarus)

tati2034@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8705-2046

Abstract

Through the application of various research methods, the essential meaning of the concept of 'state anti-corruption policy' is identified, along with its revised definition, providing a basis for the subsequent conceptual structuring of the state's administrative activities on criminological principles. **Introduction.** At present, corruption and related forms of corrupt behaviour hinder the proper development of society and its systems, affecting all spheres of activity. Thus, the fundamental conditions for the criminological security of individuals, society and the state are being undermined. Consequently, the state's role in countering the systemic (networked, institutional) negative and socially dangerous phenomenon of corruption is growing, based on a conceptual criminological framework. The concept of 'state anti-corruption policy' under consideration requires a criminological analysis. **The research aims** to propose the author's interpretation of the concept of 'state anti-corruption policy', based on a synthesis of data drawn from academic (doctrinal), historical and normative sources. **Methodology, methods and techniques:** the research was conducted using historical-legal and comparative-legal methods, as well as theoretical methods of formal and dialectical logic, and analysis and synthesis. Specialised methods were also applied, including legal-dogmatic analysis and the method of interpreting legal norms. **Results:** Counteracting corruption-related crime, including its predicate forms, is a priority for any state. One of the key areas of activity involves developing, at the state level, a conceptual anti-corruption model that brings together the relevant actors, with a clear focus on specific targets and practical implementation purposes. The essential meaning of the concept of 'state anti-corruption policy' makes it possible to overcome the terminological inconsistency. **Scientific novelty:** as a result of the research, the author proposes an original formulation of the concept of 'state anti-corruption policy'. **The practical significance** lies in the potential to overcome terminological inconsistencies in the interpretation of the relevant definition. The criminological basis of the concept serves as the basis for a conceptual model for countering corruption.

Keywords

anti-corruption policy, the state, deviance, corruption, crime

Acknowledgements

The author appreciates the support of his intellectual advisor, scientific consultant and talented scholar, Vladimir Mikhailovich Khomich, Dr. Sci. (Jurid.), Professor and Honoured Lawyer of the Republic of Belarus.

For citation: Tereshchenko, T. G. (2026). State's anti-corruption policy: a philosophical and doctrinal analysis and the legal regulation of the conceptual framework. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 342–357.

Введение

На современном этапе развития общества коррупция выступает дезинтегративным фоновым явлением, нарушающим целостность и органичность общественных отношений, препятствующим реализации задач и функций правового государства. Неоспорим также международный феномен коррупции. Необходимость скоординированной политики противодействия (предупреждения) коррупции¹, способствующей участию общества и отражающей принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности, признана международным и национальным сообществом и правом. Именно такой постулат заложен в Конвенции ООН против коррупции², одном из ведущих международных документов по противодействию указанному негативному социальному и правовому явлению. Используя уровневый подход к изучению коррупции и выстраиванию соответствующей концептуальной модели для ее предупреждения (противодействия ей), представляется целесообразным обратиться к положениям философской и правовой доктрины, международных, региональных и национальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы понимания антикоррупционной политики государства, ее содержательного аспекта в контексте криминологического осмысления преступности, ее тенденций и трансформаций для последующего конструирования соответствующей правовой дефиниции.

Обзор литературы

Стоит отметить, что вопросы антикоррупционной политики государства и авторское видение таковой политики рассматривались отечественными криминологами, российскими исследователями, зарубежными криминологами. Это и аспекты содержательного характера, и включение различных субъектов в данную деятельность, и проблемы реализации, и т. д. Бесспорно, основополагающие положения, предлагавшиеся учеными ранее, не утратили актуальности и сегодня. Вместе с тем существенная трансформация общественных отношений, видоизменение коррупции в современной матрице общества, направленность этой деятельности на государственном уровне обуславливают поиск новых закономерностей и решений. Далее мы приведем эти подходы с указанием авторства.

Методология, методы и материалы исследования

Отметим, что авторское видение понятия «антикоррупционная политика государства» базируется на определенной основе. Прежде всего, в философско-историческом аспекте концепции детерминизма считаем целесообразным осветить трансформацию антикоррупционной политики государства в различные исторические периоды, умышленно сместив акцент

¹ В научной литературе встречается и антикоррупционная политика государства (прим.авт.)

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (2003, 31 октября). <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-58-4>

на учения белорусских философов. Это позволит глубже проникнуть в трансформацию общественных отношений, тем самым отобразить логико-эпистемологический и гносеологический концепты базовых (принципиальных) начал данной деятельности. В последующем нормативное включение с позиции сравнительно-правового анализа и доктринальное осмысление позиций ученых методом критического анализа позволили предложить скорректированную, обновленную авторскую дефиницию.

Результаты исследования

Обсуждение результатов исследования

Историко-философский контекст антикоррупционной политики белорусского государства. Проблема криминального поведения и его предупреждения остается актуальной во все времена. Обращаясь к философскому осмыслению противодействия коррупции, стоит отметить, что белорусские исследователи в разные исторические периоды в своих научных изысканиях изучали указанное направление. При этом часто борьба с преступностью (ее предупреждение) в целом и коррупцией в частности, как и понимание антикоррупционной политики государства, рассматривалась в контексте осмысления истинности морали и права, становления правового государства, общеправовых и специальных принципов его функционирования, роли правителя (князя, господаря, монарха), введения юридической ответственности и ее соразмерности за совершение противоправных действий, связанных с государственной службой, политической деятельностью в русле социальной философии, принятия управленческих решений – в ракурсе философской рефлексии.

В связи с этим представляет научный интерес освещение указанных аспектов в воззрениях философов-правоведов с момента оформления древнебелорусской государственности, появления и развития писаного права, носившего частично религиозный контекст, и активизации научных публикаций с учетом социально-экономических и политических преобразований в эпоху позднего Средневековья, влияния протестантизма, кальвинизма и арианства в свете реформаторского движения, контрреформации; просвещения; классического и постклассического воздействия и ассимиляции европейской западной и русской философии с осмыслением национального культурного самоопределения, самости. Это позволяет говорить о философском контексте антикоррупционной политики государства с позиции преемственности и развития в духе материалистического и идеологического диалектизма для последующего правового оформления.

Так, влияние византийской философии и культуры наряду с принятием христианства в период ранней белорусской государственности позволило сформировать уникальную иерархию духовных ценностей, основанных на любви к ближнему, милосердии, нестяжательстве, что предопределило содержание взглядов на власть и закон, политико-правовую культуру в целом. Воззрения Е. Полоцкой, К. Смолятича, К. Туровского, И. Экзарха, основанные на симбиозе римского права с христианской нравственностью, определили изначально божественную онтологию политико-властных отношений (Козел, 2018, с. 14–26). При этом взгляды Платона и Аристотеля в контексте аксиологического понимания коррупции были восприняты отечественными просветителями в разрезе христианского миропонимания в единстве гносеологических, антропоцентрических и этических представлений. В свою очередь, это позволило сформировать антикоррупционные ценностные ориентиры политико-властных отношений: смиренномудрие, благочиние, благочестие, безлицемерие, непринятие наживы от государственного устройства, справедливость законов. Тем самым были заложены базовые ценностные ориентиры-принципы антикоррупционной политики государства, т. е. ее сущностное содержание.

Завершение процессов политической централизации и этнической консолидации белорусских земель периода Великого Княжества Литовского наряду с усилением теологического влияния римско-католической церкви и дискриминацией православных в политических и экономических правах обусловило стремление философско-правовой мысли Беларуси к идеям Ренессанса и Реформации. Просветители-гуманисты (С. Будный, А. Волан, М. Литвин, Л. Сапега, Ф. Скорина) в своих взглядах стремились преодолеть средневековую догматическую схоластику, обращаясь к воззрениям итальянских философов (Дж. Манетт, Т. Перентучелли, П. Мирандолла, Н. Макиавелли), в том числе в контексте осмысления государства и права, индивидуальной свободы и ответственности, общего и личного блага, регуляции общественных отношений по принципу справедливости, нравственных качеств должностных лиц, противодействия коррупции в целом (Баткин, 1978, с. 3–29). В связи с этим ценны воззрения Ф. Скорины о христианской модели правового государства и естественных (прирожденных) правах человека, о социальной справедливости законов. Созвучны в своих взглядах оказались А. Волан и М. Литвин, которые критиковали возможность неправомерного обогащения должностных лиц при наличии несовершенного законодательства. Реформаторские взгляды Л. Сапеги были реализованы в статутном законодательстве Великого Княжества Литовского в контексте ограничения полномочий правителя, закрепления принципа разделения властей, организации качественного судопроизводства.

Таким образом, гуманистические и реформаторские взгляды философов и правоведов Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой нашли свое отражение в антикоррупционных принципах и ограничениях, положенных в основу современного правового государства, институтов государственного устройства и закрепления властных полномочий (отношений). Это позволяет говорить о формировании содержательной основы антикоррупционной политики государства, базирующейся на принципах законности, гуманности, социального равенства, справедливости.

В последующем усиление позиций контрреформации в условиях теологического неравенства обусловило развитие социального компромисса, основанного на сосуществовании западных и восточных духовных ценностей. Идеи мирного синтеза освещали представители белорусской религиозно-философской школы (М. Смотрицкий, А. Филиппович, С. Полоцкий, А. Олизаровский), которые в своих учениях также обращались к христианской морали и справедливости, концепции государственного просвещения знания законов, преобладания нравственных регулятивов в системе управления (Козел, 2018, с. 14–26). Последние выражались в справедливых законах и подлежали обязательному выполнению. Наряду с этим поступательное преодоление духовной схоластики контрреформации и переориентация на деизм способствовали распространению на территории современной Беларуси рациональных материалистических начал в системе государственно-властных отношений периода просвещения (М. Почобут, К. Нарбут, Я. Снядецкий, И. Стройновский, И. Хрепотович, А. Мицкевич, Я. Чечот) (Дорошевич, 1971). Ориентир на сильное правовое государство, основанное на естественном и позитивном праве, соблюдении законов и прав личности, уважении к власти позволил определить онтологическое, антропологическое и эпистемологическое (рациональное) начало в антикоррупционной политике государства. Дальнейшее распространение влияния рационализма и идеализма Гегеля, метафизики и этики Канта определило среди белорусских просветителей, последователей филوماتов и филоретов, приверженность к синергии морали и права, диалектической системной взаимосвязи личного и общественного в предупреждении коррупции.

В дальнейшем конфронтация последователей западнорусизма и «русификаторской политики» относительно общественно-политического развития Беларуси активизировала

деятельность революционных демократов (Э. Пашкевич, Я. Купала, Я. Колос, М. Богданович) (Мохнач, 1976, с. 142–153), которые в своих трудах обращались к теме национального возрождения и свободы в духе демократических преобразований общества и государства, политической самостоятельности белорусского государства. Идеи о культурной специфике народа и его активной гражданской позиции, вызревшей «в толще народной жизни» (Новік, 2019), созвучны с современной концепцией общественного контроля коррупции. Формирование же духовно-нравственной самодостаточности в духе критического оптимизма и национального обновления определило неприятие противоправного поведения, включая ментальность коррупции.

Период советского и постсоветского философского понимания коррупции, политики ее предупреждения и противодействия ей на уровне государства ознаменовался обращением к философско-антропологическому концепту, содержащему личностный нравственно-патологический и социальный аспекты в условиях упадка культуры общества. Наряду с осмыслением личности и ее роли в культурном пространстве постигалась и религиозно-антропологическая детерминация коррупционного поведения как деформация нравственных и поведенческих начал (В. Н. Ивановский, С. Я. Вольфсон, И. М. Ильюшин, В. С. Степин, Т. И. Адуло, Е. М. Бабосов) (Зеленков, 2016). Современный философский дискурс определил соотношение научной рациональности с базовыми ценностными установками постиндустриального общества потребления, а также спецификой конструирования его культурных традиций и ментальностью. В силу этого ценностные кризисы в условиях депривации и фрустрации имеют прямую зависимость с экзистенциальными механизмами коррупционного поведения. Это может быть учтено в содержательном контексте антикоррупционной политики государства и ее правовом понимании как соответствующего вида деятельности, обусловленного системой властных отношений и институтами власти³.

В современном осмыслении, с позиции философской рефлексии, «политика»⁴ представляет собой социальную деятельность, направленную на формирование, исследование и проектирование различных форм государственного управления, многообразие государственно-административных институтов, морально-правовых норм; отношений и институтов власти, механизмов ее достижения, укрепления, реализации⁵. Можно заключить, что антикоррупционная политика государства позиционируется как особая форма социальной деятельности, основанная на этических и антропоцентрических принципах (началах), определяемая государством с учетом иерархической системы власти, направленной на предупреждение коррупции и минимизацию ее последствий с учетом социокультурного контекста белорусского общества, его ментальности и самости.

Нормативный контекст антикоррупционной политики государства. Обращаясь к положениям Конвенции ООН против коррупции, в частности, к главе 2 «Меры по предупреждению коррупции», можно заметить, что страновая политика противодействия коррупции предполагает наличие органа или в надлежащих случаях органов, осуществляющих предупреждение коррупции и осуществляющих надзор и координацию проведения такой политики; установление эффективных практик предупреждения коррупции (включают меры контроля государственной службы, ее этической составляющей; управление сферами закупок, правоохранительной и судебной деятельности и т. д.); оценку соответствующих правовых документов и административных мер, направленных на предупреждение коррупции с точки зрения их

³ Яскевич, Я. С. (2023). *Социальная философия: Учебное пособие для вузов* (2-е изд.). РИВШ БГУ.

⁴ От греч. *politika* – государственные и общественные дела (прим.авт.)

⁵ Там же.

адекватности в публичном и частном секторах. Именно такие основы прописаны в указанной конвенции. При этом понятие антикоррупционной политики государства в документе не приводится. Последнее фактически раскрывается мерами содержательного наполнения такой политики, что позволяет говорить о формировании международного стандарта в области противодействия коррупции (Сорокин, 2013, с. 21–22). Такая же позиция характерна в целом и для других региональных конвенций и соглашений. Например, Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией (1996)⁶ раскрывает только отдельные механизмы, необходимые для предотвращения, обнаружения, наказания и искоренения коррупции, что в целом встраивается в политику противодействия коррупции.

Конвенция Европейского союза о борьбе против коррупции должностных лиц Европейского сообщества и должностных лиц государств-членов⁷ содержит положения о криминализации и наказании за акты коррупции как отдельные меры противодействия, т. е. затрагивается лишь один из концептуальных аспектов исследуемой политики. При этом в целом европейское антикоррупционное законодательство, основанное на международных нормах и включающее положения о взаимной правовой помощи, уголовной и гражданско-правовой ответственности, защите финансовых интересов и борьбе с коррупцией в частном секторе, позволило Европейской комиссии сформулировать отдельный документ – «Комплексную политику ЕС по борьбе с коррупцией» (2003)⁸. Политика противодействия коррупции также терминологически не определяется, однако ее контекст раскрывается следующими мерами:

- политической приверженностью борьбы с коррупцией;
- включением стран ЕС в механизм мониторинга коррупции на уровне Группы стран по борьбе с коррупцией (далее – ГРЕКО);
- созданием финансовых мер противодействия коррупции с наличием инструментов расследования правонарушений;
- созданием специализированных органов по борьбе с коррупцией;
- наличием системы администрирования государственной службы и т. п.

Обращаясь к положениям Конвенции Африканского союза по противодействию и борьбе с коррупцией (2003)⁹, можно отметить одну из приоритетных целей международного документа – координацию и гармонизацию политики и законодательства для предотвращения, выявления, наказания и искоренения коррупции на континенте. Несмотря на отсутствие легального толкования политики противодействия коррупции, конвенция фактически раскрывает ее описанием отдельных мер борьбы с коррупцией, устанавливая криминализацию коррупционных деяний; предотвращение отмывания доходов и недолжного обогащения; предупреждение коррупции на государственной службе и в частном секторе; наличие специальных органов (агентств) по борьбе с коррупцией; защиту информаторов; процедуру финансирования партий; участие гражданского общества и т. д. Сходные положения содержатся

⁶ Организация американских государств. (1996). *Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией*. <https://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-58.html>

⁷ Европейский Союз. (1997). *Конвенция о борьбе с коррупцией, в которой участвуют должностные лица Европейских сообществ или должностные лица государств-членов Европейского Союза*. [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41997A0625\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41997A0625(01))

⁸ Европейская комиссия. (2003). *Сообщение Совету Комиссии, Европейскому парламенту и Европейскому экономическому и социальному комитету — о комплексной политике ЕС по борьбе с коррупцией*. <https://eur-lex.europa.eu/download-notice.html?legalContentId=cellar:f77c0734-5b70-415b-967f-d9694387aaa7¬iceType=branch&callingUrl=%2FEN%2Flegal-content%2Fsummary%2Fa-comprehensive-eu-anti-corruption-policy.html&lng=EN>.

⁹ Африканский союз. (2003). *Африканская конвенция о предупреждении и борьбе с коррупцией*. http://www.au.int/en/sites/default/files/AFRICAN_UNION_CONVENTION_PREVENTING_COMBATING_CORRUPTION.pdf

и в Арабской конвенции по борьбе с коррупцией (2010)¹⁰, которая в преамбуле, наряду с мерами законодательного характера, делает отсылку к важности религиозных принципов, устанавливая при этом, что каждое государство¹¹ в соответствии со своей системой права определяет национальную политику противодействия коррупции (ст. 5–6) мерами криминализации, судебного разбирательства, изъятия имущества и т. д.

Обращаясь к положениям модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (2003)¹² применительно к СНГ, отметим, что определение такой политики законодатель также не приводит. При этом нормативный правовой акт, раскрывая предмет правового регулирования, детализирует общественные отношения, на которые направлено воздействие по формированию начал соответствующей антикоррупционной политики, ее принципов, задач, субъектов реализации, приоритетных сфер воздействия с позиции коррупциогенности. Обобщая изложенное, можно заключить, что международно-правовое и региональное нормативное осмысление антикоррупционной политики государства (конвенциональное, модельное, резолютивное), как и национальный закон белорусского государства¹³, определяется ее содержательным наполнением в контексте отдельных мер, принципов, задач и форм реализации соответствующими субъектами ее претворения при отсутствии общего подхода к легальному определению исследуемого понятия.

Доктринальный контекст антикоррупционной политики государства. Научное осмысление антикоррупционной политики государства не нашло однозначного разрешения, что позволяет отметить терминологический диссонанс в понимании политики предупреждения (противодействия), борьбы с коррупцией и ее соотношением с политикой государства по предупреждению (противодействию), борьбе с преступностью, уголовной политикой государства в части антикоррупционной составляющей.

Научные изыскания В. В. Астанина, Ю. В. Быстровой, Г. А. Василевича, Н. А. Егоровой, Я. В. Гайворонской, Г. Н. Горшенкова, А. М. Клина, П. А. Кабанова, В. Н. Лопатина, С. Ю. Новикова, В. А. Номоконова, Г. А. Сатарова, Т. Я. Хабриевой, В. М. Хомича, С. Н. Чируна и других авторов подтверждают актуальность современного концептуального осмысления политики противодействия (предупреждения) коррупции, стратегический уровень воздействия и формирования национальных программ и практик (стратегий) противодействия, включая понятийный аспект антикоррупционной политики государства (Астанин, 2009; Ахмедханова и др., 2022; Василевич, 2015; Егорова, 2007; Горшенков, 2014; Кабанов, 2007; Клим, 2017, 2021; Лопатин, 2001; Новиков, 2009; Номоконов, 2005, 2007; Сатаров, 2025; Филоненко & Гайворонская, 2015; Хабриева, 2012; Хомич, 2020; Чирун, 2019).

Уместно отметить, что история формирования и развития науки криминологии и доминирующая концепция ее вычленения из уголовного права (Сергеевский, 1896, с. 121–124; Таганцев, 1901, с. 58–62; Чубинский, 1905) предопределили необходимость и дискуссионность

¹⁰ Лига арабских государств. (2010). *Арабская конвенция против коррупции*. <https://www.acta.gov.qa/ar-qa/Conventions/Documents/Arab-Convention-Against-Corruption-AR.pdf>

¹¹ Члены Лиги арабских государств, создана 22 марта 1945 г. на основании Александрийского протокола, включает порядка 22 государств.

¹² Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. (2003, 15 ноября). *Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике»* (Постановление № 22-15). <https://52.fsvps.gov.ru/files/modelnyj-zakon-osnovy-zakonodatelstva-ob-antikorrupcionnoj-politike-prinjat-v-g-sankt-peterburge-15-11-2003-postanovleniem-22-15-na-22-om-plenarnom-zasedanii-mezhparlamentskoj-assamblei-gosudarstv-uc/>

¹³ Закон Республики Беларусь № 305-З от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» устанавливает правовые основы государственной политики по предупреждению, выявлению и пресечению коррупции, не определяя таковую политику (прим. авт.)

соотношения содержания уголовной политики, «дающей указания для надлежащей постановки дела борьбы с преступностью как путем социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства», с уголовной этиологией, занимающейся исследованием причин преступности и ее развитием (в данном случае можно расценивать как политику предупреждения преступности).

Этиологическое смешение содержания понятия «уголовная политика» возникло в Европе еще в XIX в. благодаря учению Бентама и его последователей, которые включили в сущность этой политики необходимость исследовать преступления и средства борьбы с ними (Bentham, 1820, pp. 58–70). На похожих позициях стоял и Бемер, полагая, что уголовная политика должна опираться не только на уголовную репрессию, но и на меры предупреждения преступлений в контексте лучшего образования, порядка и мотиваций граждан (Böhmer, 1816, pp. 27–28). В противовес такому широкому осмыслению уголовной политики можно привести одно из классических, узких по объему определений, сводящихся к содержанию политики в русле организации «уголовного законодательства в данном государстве, соображаясь с основами естественного или философского уголовного права, и с состоянием культуры, характером, нравами и прочими особенностями известного народа» (Kappler, 1838, pp. 106–107).

Дальнейшая разобщенность толкования уголовной политики определялась видоизменением ее содержания в связи с усилением позиций уголовной антропологии и социологии, т. е. фактическим онаучиванием криминологии, ее акцентуацией на предупреждение преступности (Ferri, 1917, pp. 584–586; Liszt, 1900, pp. 170–172; Prins, 1899, pp. 25–26). Например, Лист упоминал об уголовной политике не только в смысле репрессивной (наказательной) составляющей преступности, но и в контексте общих и специальных мер ее превенции (например, дома для алкоголиков, приюты для несовершеннолетних и т. п.).

Представители школы дореволюционного уголовного права (Неклюдов, 1865, с. 5–6; Духовской, 1872; Фойницкий, 1889, с. 40–45), еще не обращаясь к учениям итальянской антропологической школы, в своих трудах также отмечали необходимость в государстве не только наличия карательных средств, но и проведения в обществе масштабных социальных реформ. В то же время И. Я. Фойницкий, отводя наказанию при реализации уголовной политики роль «государственной меры борьбы с состоянием преступности», не отказывался от необходимости исследования причин и условий преступности (космических, общественных и личных). В связи с этим и советское, и постсоветское, и современное понимание уголовной политики в ее соотношении с политикой предупреждения преступности (криминологической политикой) (Матвеева, 2024) определило две превалярующие позиции. Акцент смещается на содержательный аспект политики и включение в эту деятельность либо только мер уголовно-правовых и уголовно-исполнительных (криминализация и декриминализация; пенализация и депенализация), либо доведение мер криминологического, криминалистического и социального характера. При этом обобщающим началом в научных взглядах ученых является цель в виде минимизации и уменьшения негативного влияния преступности на общество, права и свободы граждан, безопасность государства в целом (Босхолов, 1999, с. 36–40).

Соглашаясь с мнением авторов относительно прикладной цели уголовной, уголовно-правовой, криминологической и предупредительной политики государства, исходя из содержательного аспекта соответствующих видов деятельности, считаем целесообразным в политику предупреждения преступности включать антикоррупционную политику государства, в том числе уголовно-правовое направление ее реализации. В связи с этим политика предупреждения преступности выступает обобщающим видом деятельности, обладающим превентивным потенциалом применительно к реализации антикоррупционной политики

государства, как целое и ее часть, включая наказательный (репрессивный, восстановительный, социализирующий) аспект правосудия за акты коррупции.

Определившись с соотношением политики предупреждения преступности и антикоррупционной политики государства, вычленим содержательное наполнение последней для формулирования соответствующего авторского определения. Критический анализ научных публикаций, посвященных вопросам антикоррупционной политики государства, позволяет заключить следующее: некоторые белорусские, российские и иные зарубежные авторы трагируют в своих публикациях преимущественно отдельные направления противодействия (борьбы) коррупции, описывая количественно-качественные, детерминирующие, личностные, превентивные аспекты. Включение же в текст монографий, научных статей, других публикаций понятий «политика государства», «антикоррупционная политика», «политика предупреждения (борьбы) коррупции» не всегда обусловлено авторским концептом, что позволяет определить исследуемое понятие только посредством содержательного его наполнения. Обратимся к некоторым авторским взглядам.

Представители российской криминологической школы, в частности В. В. Астанин, определяют антикоррупционную политику государства как «совокупность законодательных, экономических, политических, информационных, организационных мер, направленных на государственное регулирование в области противодействия коррупции. В криминологическом аспекте основное содержание антикоррупционной политики выражается в борьбе с уголовно наказуемыми коррупционными и иными проявлениями (продуцирующими коррупцию или ее производными) с обязательным использованием превентивных антикоррупционных средств, имеющих полиотраслевую специфику» (Астанин, 2009). Как видим, автор смещает акцент на вариативность мер, реализуемых приоритетно органами государства, что представляется нам не совсем верным. При этом в качестве объекта воздействия он справедливо указывает не только на коррупционную преступность, но и на продуцирующие коррупцию проявления. Похожее определение приводит С. Ю. Новиков, обращаясь в то же время и к неотвратимости юридической ответственности: «...разносторонние и последовательные меры по устранению причин и условий, порождающих и стимулирующих коррупцию в разных сферах жизни, а также меры по привлечению коррупционеров к гражданско-правовой и уголовной ответственности» (Новиков, 2009).

Еще один представитель российской криминологии О. И. Хамазина, наряду с мерами государственного воздействия в роли субъектов реализации антикоррупционной политики, справедливо предлагает привлечение институтов гражданского общества, что позволяет направить политику «...на разработку и постоянное осуществление разносторонних мер профилактического, предупредительного, ограничивающего и ликвидирующего характера, с целью устранения и минимизации проявлений причин и условий, порождающих коррупцию. В своей основе антикоррупционная политика, прежде всего правовая политика...» (Хамазина, 2008). Полагаем, что приоритет развития отраслевого законодательства может доминировать над формированием правовой культуры, морали и идеологии общества, с чем мы не можем согласиться.

Более узкое определение сферы реализации антикоррупционной политики приводит В. В. Потомский, конкретизируя при этом некоторые принципиальные основы таковой деятельности и ее векторность: «...научно обоснованная, последовательная и системная деятельность институтов государства и гражданского общества, связанная с профилактикой и сокращением негативного влияния коррупции, а также с устранением причин и условий, способствующих ее возникновению» (Потомский, 2016). Обращаясь к содержательному наполнению исследуемого понятия, В. Н. Лопатин системно и последовательно

описывает антикоррупционную политику государства в контексте ее целей и принципов; субъектов претворения в лице государства и гражданского общества; установления приоритетных направлений и мер предупреждения коррупции в правотворческой и правоприменительной деятельности для формирования правосознания социума в соответствии с антикоррупционными стандартами (Лопатин, 2001). Такой широкий подход автора в описании понятия видится оправданным, поскольку затрагиваются существенные начала реализации антикоррупционной политики государства, однако одновременно они перегружают смысловую конструкцию.

Одно из наиболее емких и стратегических определений, в силу чего и отличающихся от иных, приводит Г. Н. Горшенков, который формулирует антикоррупционную политику государства как «...научную разработку и практическую реализацию основных принципов, стратегических направлений, тактических задач и методов их решения на основе научно обоснованной оценки и прогнозирования явления коррупции и криминологической ситуации в целом и расчетов реальных возможностей (правовых, кадровых, финансовых, материальных и др.)» (Горшенков, 2014). Автор в свое определение включает несколько принципиально важных составляющих, а именно государственную идеологию как систему взглядов, руководящих идей, принципов в духе решимости претворения политики с учетом стратегических горизонтов сферы управления. На таких же идеологических позициях стоит и А. И. Бойко, только применительно к описанию уголовной политики: «...здесь располагается государственно-правовая идеология...»¹⁴, что вполне справедливо, поскольку в данном случае обозначена подлинная поддержка и приверженность со стороны ключевой заинтересованной стороны в реализации политики – воля государства. Еще несколько важных принципиальных позиций, которые, на наш взгляд, должны быть учтены при формулировании понятия.

В основу антикоррупционной политики государства должна быть положена соответствующая ей государственная концепция, опирающаяся на криминологический базис (криминологическая информация, криминологический мониторинг, криминологический прогноз, криминологическая детерминация, криминологическое предупреждение и т. п.). В свою очередь, концепция предстает основой для определения оптимальных стратегии и тактики предупреждения коррупции и связанных с ней форм криминального поведения. Концепция первична по отношению к программным и иным нормативным и ненормативным формам ее выражения (например, реализуемым посредством правового образования, просвещения, пропаганды, информирования и т. п.).

Антикоррупционная политика государства чаще всего рассматривается как системная, целенаправленная, комплексная деятельность, в которую включаются различные институты (органы) государства и иные представители общества (негосударственные институты) (Сатаров, 2025). Это представляется оправданным. Цель антикоррупционной политики мы уже обозначили выше, но в ключе политики предупреждения преступности – это сведение к минимуму и устранение негативных последствий преступности, в нашем случае коррупции, что обеспечивает криминологическую безопасность личности, общества и государства.

Выводы. Таким образом, резюмируя философский, нормативный и доктринальный контексты, антикоррупционную политику государства в криминологическом понимании можно представить как основанную на государственной антикоррупционной идеологии научно обоснованную, системную, комплексную деятельность государственных и негосударственных институтов, воздействующую на криминогенные факторы, причины и условия коррупции, направленную на предупреждение и минимизацию негативных последствий коррупции

¹⁴ Бойко, А. И. (2008). *Уголовная политика*. Ростовский государственный экономический университет "РИНХ".

посредством формирования антикоррупционного мировоззрения и соответствующих форм поведения. Такое широкое по объему определение обеспечивает приоритет государственной приверженности в формировании и реализации соответствующей политики, основанной на качественной идеологической составляющей, субъект-объектной связи государственных и общественных институтов (органов, представителей гражданского общества, граждан) с системой детерминации коррупции и нейтрализацией не только криминогенных факторов (причин, условий), но и воздействием на мировоззренческие установки, формируя позитивные паттерны поведения. В свою очередь, предложенное авторское определение позволяет выстраивать концептуально-правовую основу антикоррупционной политики государства с приоритетом мер криминологического характера в контексте форм и методов философско-идеологического, диалектического и структурно-функционального порядка (содержания и формы, причины и следствия и т. п.).

Список литературы

- Астанин, В. В. (2009). *Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты* [Автореферат диссертации доктора юридических наук, Московская государственная юридическая академия].
- Ахмедханова, С. Т., Балаянц, М. С., Быстрова, Ю. В., & Комоско, А. А. (2022). Теоретические аспекты антикоррупционной политики в государстве. *Аграрное и земельное право*, (9), 80–82. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_80
- Баткин, Л. М. (1978). *Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления*. Наука.
- Босхолов, С. С. (1999). *Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты*. ЮрИнфоР.
- Василевич, Г. А. (2015). Противодействие коррупции. *Право и экономика*.
- Горшенков, Г. Н. (2014). Антикоррупционная политика и деятельность. *Актуальные проблемы экономики и права*, (1), 10–17.
- Дорошевич, Э. К. (1971). *Философия эпохи Просвещения в Белоруссии*. Наука и техника.
- Духовской, М. В. (1872). *Задача науки уголовного права*.
- Егорова, Н. А. (2007). Об антикоррупционной уголовной политике России на современном этапе. *Российский криминологический взгляд*, (4), 138–142.
- Зеленков, А. И. (2016). Минская методологическая школа и современные приоритеты философии науки. *Философские науки*, (7), 39–54.
- Кабанов, П. А. (2007). Коррупция и антикоррупционная политика типовая (модельная) программа курса. *Актуальные проблемы экономики и права*, (3), 193–196.
- Клим, А. М. (2017). Опыт Республики Беларусь по реализации государственной политики в области противодействия коррупции: организационно-правовой аспект. В С. Г. Зырянов (Ред.), *Актуальные вопросы разработки и применения современных практик реализации государственной политики в области противодействия коррупции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 25 ноября 2016 года* (Ч. 1, с. 41–49). Челябинский филиал РАНХиГС.
- Клим, А. М. (2021). Становление антикоррупционной политики Республики Беларусь в 90-е годы XX века. *Проблемы управления*, (4), 128–134.
- Козел, А. А. (2018). *Очерки истории политической и правовой мысли Беларуси (XII – XX вв.)*. Право и экономика.
- Лопатин, В. Н. (2001). О системном подходе в антикоррупционной политике. *Государство и право*, 7, 23–36.

- Матвеева, Е. В. (2024). Криминологическая политика как часть государственной политики в сфере противодействия коррупционной преступности. *Юридическая наука и правоохранительная практика*, 2, 97–106.
- Мохнач, Н. Н. (1976). *От просвещения к революционному демократизму (Общественно-политическая и философская мысль Белоруссии конца 10-х - начала 50-х гг. XIX в.)*. Наука и техника.
- Неклюдов, Н. А. (1865). *Уголовно-статистические этюды. Этюд 1. Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению*. Тип. Н. Тиблена и комп.
- Новиков, С. Ю. (2009). *Антикоррупционная политика российского государства в современных условиях* [Автореферат диссертации кандидата политических наук, Ставропольский государственный университет].
- Новік, І. М. (2019). Апроч Абдзіраловіча: характарыстыка жыцця і творчасці Ігната Канчэўскага. *Журнал Беларускаго дзяржаўнага ўніверсітэта. Філасофія. Псіхалогія*, 2, 15–22.
- Номоконов, В. А. (2005). Коррупция и антикоррупционная политика в России. *Политический барометр*, 3, 47–52.
- Номоконов, В. А. (2007). Проблемы формирования антикоррупционной политики в России. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, 4, 39–52.
- Потомский, В. В. (2016). Концептуальные основы антикоррупционной политики государства. *Среднерусский вестник общественных наук*, 11(6), 187–196. <https://doi.org/10.12737/24396>
- Сатаров, Г. А. (2025). *Антикоррупционная политика*. Юрайт.
- Сергеевский, Н. Д. (1896). *Русское уголовное право. Часть общая: Пособие к лекциям* (3-е изд.).
- Сорокин, К. Г. (2013). Актуальные вопросы взаимосвязи политики в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (ПОД/ФТ/ФРОМУ) с антикоррупционной политикой на пространстве Таможенного союза ЕврАзЭС. *Таможенное дело*, 4, 19–30.
- Таганцев, Н. С. (1901). *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года* (11-е изд., пересм. и доп.).
- Филоненко, Т. В., & Гайворонская, Я. В. (2015). Антикоррупционная политика в системе мер правовой политики. *Актуальные проблемы экономики и права*, (3), 109–119.
- Фойницкий, И. Я. (1889). *Учение о наказании в связи с тюремным содержанием*. Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке).
- Хабриева, Т. Я. (2012). *Коррупция: природа, проявления, противодействие*. Юриспруденция.
- Хамазина, О. И. (2008). *Правовые средства противодействия коррупции: проблемы теории и практики* [Автореферат диссертации кандидата юридических наук, Саратовская государственная академия права].
- Хомич, В. М. (2020). Перспективный контент в осмыслении феномена коррупции и национальной антикоррупционной политики (к вопросу о разработке концептуальных основ стратегии). В В. В. Марчук (Гл. ред.), *Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Минск, 29 сентября 2020 года* (с. 47–56). Издательский центр БГУ.
- Чирун, С. Н. (2019). Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики. В *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия*

коррупции: Сборник трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием, Екатеринбург, 26–27 октября 2018 года (с. 91–110). Институт философии и права УрО РАН. <https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.91110>

- Чубинский, М. П. (1905). *Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики, как составного элемента науки уголовного права*.
- Bentham, J. (1820). *Traité de législation civile et pénale (préface de Dumont)*. Rey et Gravier.
- Böhmer, J. F. (1816). *Handbuch der Litteratur des Criminalrechts mit besondrer Rücksicht auf Criminalpolitik*.
- Ferri, E. (1917). *Criminal sociology* [Sociol. crimin.]. BiblioLife. (Original work published 1884).
- Kappler, F. (1838). *Handbuch der Literatur des Criminalrechts und dessen philosophischer und medizinischer Hilfswissenschaften: für Rechtsgelehrte, Psychologen und gerichtliche Aerzte*. Schreile's Buchhandlung.
- Liszt, F. (1900). *Die Aufgaben und die Methode der Strafrechtswissenschaft*. De Gruyter.
- Prins, A. (1899). *Science pénal et droit positif*. E. Bruylant.

References

- Astanin, V. V. (2009). *Antikorrupsionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty* [Avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk, Moskovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya].
- Akhmedkhanova, S. T., Balayants, M. S., Bystrova, Yu. V., & Komosko, A. A. (2022). Teoreticheskie aspekty antikorrupsionnoy politiki v gosudarstve. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, (9), 80–82. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_80
- Batkin, L. M. (1978). *Italianskie gumanisty: stil zhizni i stil myshleniya*. Nauka.
- Boskholov, S. S. (1999). *Osnovy ugolovnoy politiki: konstitutsionnyy, kriminologicheskiy, ugolovno-pravovoy i informatsionnyy aspekty*. YurInfoR.
- Vasilevich, G. A. (2015). *Protivodeystvie korruptsii*. Pravo i ekonomika.
- Gorshenkov, G. N. (2014). Antikorrupsionnaya politika i deyatelnost. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, (1), 10–17.
- Doroshevich, E. K. (1971). *Filosofiya epokhi Prosveshcheniya v Belorussii*. Nauka i tekhnika.
- Dukhovskoy, M. V. (1872). *Zadacha nauki ugolovnogo prava*.
- Egorova, N. A. (2007). Ob antikorrupsionnoy ugolovnoy politike Rossii na sovremennom etape. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad*, (4), 138–142.
- Zelenkov, A. I. (2016). Minskaya metodologicheskaya shkola i sovremennyye priority filozofii nauki. *Filosofskie nauki*, (7), 39–54.
- Kabanov, P. A. (2007). Korruptsiya i antikorrupsionnaya politika tipovaya (modelnaya) programma kursa. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, (3), 193–196.
- Klim, A. M. (2017). Opyt Respubliki Belarus po realizatsii gosudarstvennoy politiki v oblasti protivodeystviya korruptsii: organizatsionno-pravovoy aspekt. V S. G. Zyryanov (Red.), *Aktualnye voprosy razrabotki i primeneniya sovremennykh praktik realizatsii gosudarstvennoy politiki v oblasti protivodeystviya korruptsii: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chelyabinsk, 25 noyabrya 2016 goda* (Ch. 1, s. 41–49). Chelyabinskiy filial RANKhiGS.
- Klim, A. M. (2021). Stanovlenie antikorrupsionnoy politiki Respubliki Belarus v 90-e gody XX veka. *Problemy upravleniya*, (4), 128–134.
- Kozel, A. A. (2018). *Ocherki istorii politicheskoy i pravovoy mysli Belarusi (XII – XX vv.)*. Pravo i ekonomika.
- Lopatin, V. N. (2001). O sistemnom podkhode v antikorrupsionnoy politike. *Gosudarstvo i pravo*, 7, 23–36.

- Matveeva, E. V. (2024). Kriminologicheskaya politika kak chast gosudarstvennoy politiki v sfere protivodeystviya korrupsionnoy prestupnosti. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2, 97–106.
- Mokhnach, N. N. (1976). *Ot prosveshcheniya k revolyutsionnomu demokratizmu (Obshchestvenno-politicheskaya i filosofskaya mysl Belorussii kontsa 10-kh - nachala 50-kh gg. XIX v.)*. Nauka i tekhnika.
- Neklyudov, N. A. (1865). *Ugolovno-statisticheskie etyudy. Etyud 1. Statisticheskiy opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnykh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu*. Tip. N. Tiblena i komp.
- Novikov, S. Yu. (2009). *Antikorrupsionnaya politika rossiyskogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh* [Avtoreferat dissertatsii kandidata politicheskikh nauk, Stavropolskiy gosudarstvennyy universitet].
- Novik, I. M. (2019). Aprox Abdziralovicha: kharakterystyka zhyttsya i tvorchasti Ignata Kancheŭskaga. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*, 2, 15–22.
- Nomokonov, V. A. (2005). Korrupsiya i antikorrupsionnaya politika v Rossii. *Politicheskii barometr*, 3, 47–52.
- Nomokonov, V. A. (2007). Problemy formirovaniya antikorrupsionnoy politiki v Rossii. *Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke*, 4, 39–52.
- Potomskiy, V. V. (2016). Kontseptualnye osnovy antikorrupsionnoy politiki gosudarstva. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 11(6), 187–196. <https://doi.org/10.12737/24396>
- Satarov, G. A. (2025). *Antikorrupsionnaya politika*. Yurayt.
- Sergeevskiy, N. D. (1896). *Russkoe ugovnoe pravo. Chast obshchaya: Posobie k lektsiyam* (3-e izd.).
- Sorokin, K. G. (2013). Aktualnye voprosy vzaimosvyazi politiki v oblasti protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya (POD/FT/FROMU) s antikorrupsionnoy politikoy na prostranstve Tamozhennogo soyuza EvrAzES. *Tamozhennoe delo*, 4, 19–30.
- Tagantsev, N. S. (1901). *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovnykh i ispravitelnykh 1885 goda* (11-e izd., peresm. i dop.).
- Filonenko, T. V., & Gayvoronskaya, Ya. V. (2015). Antikorrupsionnaya politika v sisteme mer pravovoy politiki. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, (3), 109–119.
- Foynitskiy, I. Ya. (1889). *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem*. Tip. M-va put. soobshch. (A. Benke).
- Khabrieva, T. Ya. (2012). *Korrupsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystvie*. Yurisprudentsiya.
- Khamazina, O. I. (2008). *Pravovye sredstva protivodeystviya korrupsii: problemy teorii i praktiki* [Avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava].
- Khomich, V. M. (2020). Perspektivnyy kontent v osmyslenii fenomena korrupsii i natsionalnoy antikorrupsionnoy politiki (k voprosu o razrabotke kontseptualnykh osnov strategii). V V. V. Marchuk (Gl. red.), *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Minsk, 29 sentyabrya 2020 goda* (s. 47–56). Izdatelskiy tsentr BGU.
- Chirun, S. N. (2019). Konsensusnaya (setevaya) korrupsiya i problemy effektivnosti gosudarstvennoy politiki. V *Aktualnye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii: Sbornik trudov po itogam Tretyey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Ekaterinburg, 26–27 oktyabrya 2018 goda* (s. 91–110). Institut filosofii i prava UrO RAN. <https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.91110>

- Chubinskiy, M. P. (1905). *Ocherki ugodovnoy politiki: ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugodovnoy politiki, kak sostavnogo elementa nauki ugodovnogo prava*.
- Bentham, J. (1820). *Traité de législation civile et pénale (préface de Dumont)*. Rey et Gravier.
- Böhmer, J. F. (1816). *Handbuch der Litteratur des Criminalrechts mit besondrer Rücksicht auf Criminalpolitik*.
- Ferri, E. (1917). *Criminal sociology* [Sociol. crimin.]. BiblioLife. (Original work published 1884).
- Kappler, F. (1838). *Handbuch der Literatur des Criminalrechts und dessen philosophischer und medizinischer Hülfswissenschaften: für Rechtsgelehrte, Psychologen und gerichtliche Aerzte*. Schreile's Buchhandlung.
- Liszt, F. (1900). *Die Aufgaben und die Methode der Strafrechtswissenschaft*. De Gruyter.
- Prins, A. (1899). *Science pénal et droit positif*. E. Bruylant.

Информация об авторе

Татьяна Георгиевна Терещенко – докторант научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

About the author

Tatyana G.Tereshchenko – Doctoral student at the Faculty of Science and Education of the 'Academy of the MIA of the Republic of Belarus', Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.05.2026
Одобрена после рецензирования 15.06.2026
Опубликована 30.07.2026

Submitted May 09, 2026
Approved after reviewing June 15, 2026
Accepted July 30, 2026

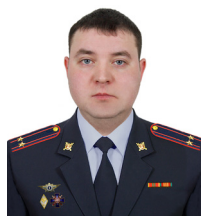
УДК 316.624

Девиантные практики остановки и стоянки транспортных средств: нормы КоАП РФ и меры противодействия

Власова Елена Львовна

Восточно-Сибирский институт МВД России
(Иркутск, Россия)
vlasovael1963@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0929-8176**Фидель Петр Михайлович**

Восточно-Сибирский институт МВД России
(Иркутск, Россия)
p-fidel@mail.ru

ORCID: 0009-0002-1676-362X

Аннотация

Введение. Проблема умышленного нарушения правил остановки и стоянки транспортных средств актуальна по причине роста автопарка и уплотнения городской застройки. Цель исследования – проанализировать такие нарушения как форму девиантного поведения, выявить виды нарушений и проблемные аспекты правоприменения, предложить меры профилактики. Объект исследования – общественные отношения при нарушении правил остановки и стоянки ТС; предмет – нормы КоАП РФ (ст. 12.16, ч. 4; ст. 12.19), региональная практика (закон Иркутской области № 93 ОЗ) и меры противодействия. **Методы:** нормативно-правовой и статистический анализ, эмпирический анализ правоприменительной практики, системный подход, сравнительный и социологический методы. **Результаты:** систематизированы виды нарушений (парковка на газонах, тротуарах, остановках общественного транспорта, местах для инвалидов); рассмотрены меры ответственности (штрафы, эвакуация по ст. 27.13 КоАП РФ); выявлены проблемы правоприменения (сложности автоматической фиксации, неоднозначность квалификации); предложены меры профилактики (совершенствование инфраструктуры, повышение правовой культуры, развитие альтернативного транспорта). **Заключение:** девиантное парковочное поведение обусловлено правовыми и социально культурными факторами (дефицит парковок, низкий уровень правосознания). Комплексный подход, объединяющий правоприменительные меры, развитие альтернативного транспорта и просвещение водителей, снизит число нарушений.

Ключевые слова

девиантное поведение, умышленное нарушение правил остановки и стоянки, административный штраф, ПДД, специализированная стоянка, правоприменительная практика, профилактика правонарушений, транспортная культура

Для цитирования: Власова, Е. Л., Фидель, П. М. (2026). Девиантные практики остановки и стоянки транспортных средств: нормы КоАП РФ и меры противодействия. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 358–370.

Original paper

Deviant practices involving stopping and parking vehicles: provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and countermeasures

Elena L. Vlasova

East Siberian Institute of the MIA of Russia

(Irkutsk, Russia)

vlasovael1963@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0929-8176

Petr M. Fidel

East Siberian Institute of the MIA of Russia a

(Irkutsk, Russia)

p-fidel@mail.ru

ORCID: 0009-0002-1676-362X

Abstract

Introduction. The issue of intentionally violating the rules regarding stopping and parking vehicles is a current one due to the growth in the number of vehicles and the increasing density of urban development. The research aims to analyse such violations as a form of deviant behavior, identify the types of violations and problematic aspects of law enforcement, and propose preventative measures. The object of the study comprises the social relations arising from violations of vehicle stopping and parking rules. The subject encompasses the provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (Part 4 of Article 12.16 and Article 12.19), regional legislation (Irkutsk Region Law No. 93-OZ), and countermeasures against such offences. **Methods:** legal and regulatory analysis, statistical analysis, empirical analysis of law enforcement practices, a system-based approach, and comparative and sociological methods. **Results:** types of offences have been categorised (parking on lawns, pavements, at public transport stops and in spaces reserved for disabled people); penalty measures have been examined (fines, vehicle removal under Article 27.13 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation); problems in law enforcement have been identified (difficulties with automated recording, ambiguity in classification); preventive measures have been proposed (improving infrastructure, enhancing legal awareness, developing alternative transport). **Conclusion:** deviant (non-compliant) parking behavior stems from regulatory and socio-cultural factors (a shortage of parking spaces, low legal awareness). A comprehensive approach combining law enforcement measures, the development of alternative transport and driver education will effectively reduce violation rates.

Keywords

deviant behavior, intentional violation of stopping and parking rules, administrative fine, traffic regulations, vehicle impoundment lot, law enforcement practice, crime prevention, traffic culture

For citation: Vlasova, E. L., Fidel, P. M. (2026). Deviant practices involving stopping and parking vehicles: provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and countermeasures. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 358–370.

Введение

В современных условиях роста автомобильного парка проблема соблюдения правил дорожного движения (далее – ПДД) становится особенно актуальной. По состоянию на начало второго полугодия 2024 г., на учете в ГИБДД зарегистрировано 44,6 млн легковых автомобилей. По данным на 1 января 2025 г., общее число транспортных средств в России достигло почти 62 млн¹. В Иркутской области на каждую тысячу жителей приходится 280 личных автомобилей, т. е. у каждого третьего жителя Приангарья есть собственный автомобиль².

По данным Госавтоинспекции, в пользовании у жителей Приангарья находится около 650 тысяч автомобилей. Такое количество транспортных средств – одна из главных причин роста числа нарушений ПДД в регионе. Среди всевозможных правонарушений наиболее распространенным является умышленное нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств (неправомерная парковка)³ – яркий пример девиантного (отклоняющегося) поведения, нарушающего не только правовые, но и социальные нормы.

По итогам 2023 г., с улиц Иркутска было эвакуировано 20 093 автомобиля на основании ст. ст. 12.19 и 12.16 КоАП РФ – это примерно 56 машин в день⁴.

Чаще всего водителей штрафуют за парковку в запрещенных местах: на остановках общественного транспорта, на газоне, под знаками «Остановка запрещена» и «Работает эвакуатор», на местах для инвалидов, тротуарах и пешеходных переходах. Такие нарушения не просто создают неудобства, но и серьезно препятствуют свободному движению других транспортных средств, ставят под угрозу безопасность пешеходов и водителей, негативно влияют

¹ Тимерханов, А. (2025, Май 14). Парк транспортных средств в России за 5 лет вырос на 6%. АВТОСТАТ. <https://www.autostat.ru/news/60052/>

² ИА Альтаир. (2025, Октябрь 24). Количество автомобилей в Иркутской области выросло до 280 на тысячу жителей. <https://irkutsk.bezformata.com/listnews/do-280-na-tisyachu/152402513/>

³ Неправомерная парковка транспортных средств по КоАП РФ – это нарушение установленных ПДД правил остановки или стоянки автомобилей. Такие нарушения регулируются ст.12.19 КоАП РФ. Согласно данной статье, неправомерной считается: стоянка под знаками «Стоянка запрещена» и «Остановка запрещена» – 2250 рублей (ч. 4 ст. 12.16 КоАП РФ). В Москве и Санкт-Петербурге – 4500 рублей (ч. 5 ст. 12.16 КоАП РФ); остановка или стоянка на пешеходном переходе или ближе 5 метров от него – 1000 рублей (ч. 3 ст. 12.19 КоАП РФ). В Москве и Санкт-Петербурге – 3000 рублей (ч. 6 ст. 12.19 КоАП РФ); остановка или стоянка на остановках общественного транспорта или ближе 15 метров – 1000 рублей (ч. 3.1 ст. 12.19 КоАП РФ). В Москве и Санкт-Петербурге – 3000 рублей (ч. 6 ст. 12.19 КоАП РФ); нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств на трамвайных путях или далее первого ряда проезжей части – 1500 рублей (ч. 3.2 ст. 12.19 КоАП РФ). В Москве и Санкт-Петербурге – 3000 рублей (ч. 6 ст. 12.19 КоАП РФ); стоянка в тоннеле или на проезжей части так, что автомобиль создает помехи для других участников движения – 2000 рублей (ч. 4 ст. 12.19 КоАП РФ). В Москве и Санкт-Петербурге – 3000 рублей (ч. 6 ст. 12.19 КоАП РФ); нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств на месте для инвалида – 5000 рублей (ч. 2 ст. 12.19 КоАП РФ). Кроме штрафов в зависимости от вида нарушения могут применяться и другие меры ответственности, например: задержание транспортного средства; эвакуация автомобиля на специализированную стоянку. Вынужденная остановка не подпадает под действие данных норм. В ситуации, когда парковка была совершена умышленно и при этом нарушила правила, оба термина могут применяться к одному деянию. Например, если водитель сознательно припарковался на месте, предназначенном для инвалидов, не имея на то права, это будет и умышленным нарушением правил стоянки, и неправомерной парковкой.

⁴ Ирсити. (2024, Март 26). *Выходишь, а машины нет. Что делать и куда бежать, если в Иркутске эвакуировали автомобиль*. <https://ircity.ru/text/transport/2024/03/26/73380743/>

на общую дорожную ситуацию в городах и населенных пунктах региона. Кроме того, подобные нарушения не только дорожную обстановку, ведут к снижению уровня комфорта городской среды, мешают работе коммунальных служб и благоустройству территорий, ухудшают внешний вид дворов и наносят вред окружающей среде (например, парковка на газонах).

Подобное поведение отражает пренебрежение общественными интересами ради личной выгоды. Даже при наличии альтернативных вариантов водители сознательно выбирают нарушение правил, считая короткую парковку в запрещенном месте более выгодной. Это свидетельствует о недостаточной сформированности транспортной культуры и неуважении к социальным нормам⁵.

Причины девиантного парковочного поведения разнообразны: это нехватка парковочных мест в плотно застроенных районах, несовершенство организации парковочного пространства, низкий уровень правосознания отдельных водителей, расчет на безнаказанность или минимальные последствия нарушения⁶.

Действительно, в крупных городах, в том числе в Иркутске, в плотно застроенных районах реально ощущается нехватка парковочных мест, что вынуждает водителей искать альтернативные, порой запрещенные места для парковки (Смышляева и др., 2021). Иногда при планировке улиц и организации парковочного пространства не учитываются фактические потребности жителей, что приводит к вынужденным нарушениям правил (Лихвойнен и др., 2021). Особенно остро стоит вопрос при многоэтажной застройке, когда проектной документацией застройщика парковки не предусмотрены и жители вынуждены оставлять машины во дворах, на подъездных путях, что в итоге затрудняет передвижение пешеходов и транспорта, в том числе карет скорой помощи, пожарных машин, снижает комфорт проживания и нередко провоцирует конфликты между жителями (Розанова, 2018).

Иногда водители сознательно выбирают нарушение правил (что является одной из форм девиантного поведения), считая, что короткая парковка в запрещенном месте сэкономит им время или обеспечит более удобное расположение. Например, припарковаться прямо у входа в магазин или офис может показаться более выгодным решением, чем искать парковочное место дальше. Однако в час пик или в популярных районах города найти свободное место на официальной парковке может быть очень трудно, практически невозможно, что подталкивает некоторых водителей к продолжению девиантных практик в сфере парковки.

Результаты исследования

Умышленное нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств представляет собой распространенную форму девиантного поведения, сопряженную с пренебрежением как правовыми нормами, так и общественными интересами.

Статьей 12.16 КоАП РФ устанавливается административная ответственность за несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги. Согласно ч. 4 ст. 12.16 КоАП РФ, если стоянка транспортного средства нарушает требования дорожных знаков, установленных совместно с табличкой 8.24 «Работает эвакуатор», сотрудник ГИБДД на основании ст. 27.13 КоАП РФ составляет протокол о задержании транспортного

⁵ Гилинский, Я. И., & Афанасьев, В. С. (1993). *Социология девиантного (отклоняющегося) поведения* [Учебное пособие]. Филиал Института социологии РАН.

⁶ Гилинский, Я. И. (2024). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений»* [Учебное пособие]. Юридический центр Пресс.

средства и вызывает эвакуатор⁷. Такое поведение водителя отражает сознательное отклонение от установленных правил – типичный пример девиантной модели действий в городской среде.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» стоянка транспортного средства в месте, оборудованном дорожным знаком 6.4 «Парковка (парковочное место)» со знаком дополнительной информации (табличкой) 8.17 «Инвалиды» с разметкой 1.24.3 или без таковой, допускается только в том случае, если на таком транспортном средстве установлен опознавательный знак «Инвалид». Стоянка без законного основания на таком месте квалифицируется по ч. 2 ст. 12.19 КоАП РФ и расценивается как проявление девиантного поведения: водитель осознанно игнорирует специальные правила, предназначенные для защиты прав маломобильных граждан.

Нарушение правил стоянки на тротуаре как элементе дороги, предназначенном для движения пешеходов и примыкающему к проезжей части либо к велосипедной дорожке либо отделенному от них газоном (п. 12.2 ПДД РФ), образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.19 КоАП РФ.

Подобные действия не только нарушают ПДД, но и демонстрируют пренебрежение к безопасности пешеходов – это еще один аспект девиантного поведения на дорогах.

Однако если остановка или стоянка транспортного средства была осуществлена на территориях, на которые не распространяется действие раздела 12 ПДД РФ, такие действия квалификации по ст. 12.19 КоАП РФ не подлежат (Мамаев & Бакиров, 2022). Административная ответственность за указанные нарушения может быть установлена законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. При размещении транспортного средства одновременно на тротуаре и газоне действия собственника транспортного средства подлежат квалификации как по ч. 3 ст. 12.19 КоАП РФ, так и по соответствующей норме закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, если такая ответственность им установлена⁸.

⁷ Эвакуаторы принадлежат специализированным организациям, как правило, это юридические лица или индивидуальные предприниматели, которые предоставляют услуги по перемещению и хранению транспортных средств на специализированных стоянках на платной основе. Специализированная организация заключает соглашение (договор) с государственными органами – например, с министерством транспорта и дорожного хозяйства региона. В Иркутской области порядок заключения такого договора об оказании услуг регулируется постановлением Правительства Иркутской области от 27 декабря 2012 г. № 723-пп (в ред. от 23 апреля 2021 г.). В договоре прописываются условия взаимодействия и координации действий при: перемещении задержанных транспортных средств на специализированную стоянку; их хранении; возврате владельцам. Также могут заключаться договоры с органами внутренних дел и другими уполномоченными органами в рамках законодательства РФ. Специализированная организация получает: плату за услуги – перемещение и хранение задержанных транспортных средств оплачиваются согласно тарифам, установленным региональными органами власти. Например, в Иркутской области тарифы утверждаются Службой по тарифам; регулярный доход – при заключении договора организация получает гарантированный объем работ в рамках соглашения с государственными органами; возможность ведения коммерческой деятельности – организация оказывает услуги в соответствии с законодательством и получает прибыль. При этом организация обязана соблюдать ряд условий, например: обеспечивать круглосуточное оказание услуг; использовать сертифицированные эвакуаторы; оснащать эвакуаторы проблесковыми маячками и средствами видеофиксации; соблюдать сроки прибытия на место эвакуации; гарантировать сохранность транспортных средств и возмещать ущерб в случае его причинения.

⁸ Например, в Иркутской области есть норма, предусматривающая ответственность за размещение транспортного средства на газонах и других неполюженных местах. Согласно закону Иркутской области от 27 марта 2025 года № 18-ОЗ «Об административной ответственности за отдельные правонарушения в области эксплуатации и содержания объектов и элементов благоустройства (инфраструктуры) территорий муниципальных

Согласно пункту 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 года № 20 в случае если остановка или стоянка транспортного средства была в зоне действия дорожных знаков 3.27 «Остановка запрещена», 3.28 «Стоянка запрещена», 3.29 «Стоянка запрещена по нечетным числам месяца», 3.30 «Стоянка запрещена по четным числам месяца» или разметки, например, 1.10, 1.17, действия лица, совершившего остановку или стоянку транспортного средства в зоне действия перечисленных знаков или разметки, подлежат квалификации по ч. 4 ст. 12.16 КоАП РФ, которая является специальной статьей к ст. 12.19 КоАП РФ⁹.

Административное правонарушение, связанное с нарушением правил остановки или стоянки транспортных средств, допущенное в результате одного действия и характеризующееся неизменностью места его совершения, является длящимся. В связи с этим в случае выявления такого административного правонарушения, в том числе при фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, лицо может быть привлечено к административной ответственности за допущенное нарушение однократно до его пресечения либо до добровольного прекращения лицом противоправного действия (Галкина, 2016). Это подчеркивает специфику девиантного парковочного поведения: оно не сводится к единичному акту, а может приобретать устойчивый, повторяющийся характер, особенно при расчете на низкую вероятность наказания.

Термина «девиантное парковочное поведение» нет в официальном юридическом лексиконе – это научно-аналитическая категория, используемая для описания отклонений от нормативно установленного поведения в сфере парковки транспортных средств.

В основе понятия лежит общее социологическое определение девиантного (отклоняющегося) поведения – действий, нарушающих социальные нормы (как формальные, так и неформальные). В контексте парковки это означает нарушение формальных норм – правил дорожного движения, положений КоАП РФ, региональных законов; игнорирование неформальных социальных ожиданий, например неписаных правил уважения к другим участникам движения, пешеходам, к городской среде.

Девиантное парковочное поведение – это устойчивая модель действий водителя, при которой он сознательно или систематически нарушает правила остановки и стоянки транспортного средства, пренебрегая правовыми нормами и общественными интересами ради личной выгоды (экономии времени, удобства и т. д.). Признаками девиантного парковочного поведения являются: осознанность выбора нарушения (не ошибка, а расчет); повторяемость (может быть длящимся или рецидивирующим); расчет на низкую вероятность наказания либо на его незначительность; причинение неудобств другим участникам движения, пешеходам, городским службам; потенциальное создание угрозы безопасности (например, парковка на пешеходном переходе).

Административное правонарушение, связанное с нарушением правил остановки или стоянки транспортного средства, допущенное в результате одного действия и характеризующееся

образований Иркутской области» (ч. 3 ст. 3), размещение транспортных средств на территориях, занятых зелеными насаждениями, газонами, влечет наложение штрафа: на граждан – от 2 до 3 тысяч рублей; на должностных лиц – до 10 тысяч рублей; на юридических лиц – до 20 тысяч рублей. В законе дано определение газона: «Для целей применения настоящей статьи под газоном понимается покрытая травянистой и (или) древесно-кустарниковой растительностью естественного или искусственного происхождения либо предназначенная для озеленения поверхность земельного участка, имеющая ограничение в виде бортового камня (поребрика, бордюра) и (или) граничащая с твердым покрытием пешеходных дорожек, тротуаров, проезжей частью дорог». Таким образом, если транспортное средство размещено одновременно на тротуаре и газоне, собственник может быть привлечен к ответственности: по части 3 статьи 12.19 КоАП РФ за стоянку на тротуаре; по закону Иркутской области № 18-ОЗ – за размещение на газоне.

⁹ Действие знаков 3.10, 3.27-3.30 распространяется только на ту сторону дороги, на которой они установлены.

неизменностью места его совершения, признается длящимся (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5). Это означает, что действие начинается с момента нарушения (например, автомобиль оставлен в неположенном месте); продолжается до момента пресечения (эвакуация, требование инспектора) или добровольного устранения нарушения (водитель переставил машину). В течение всего периода нарушения норма считается неисполненной.

Правовые последствия длящегося характера следующие: лицо может быть привлечено к ответственности однократно за сам факт нарушения – до его пресечения или добровольного прекращения (ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ); фиксация нарушения техническими средствами (фотовидеокамерами) в разные моменты времени не влечет многократного наказания за одно и то же деяние; срок давности привлечения к ответственности (60/90 дней по ст. 4.5 КоАП РФ) исчисляется с момента обнаружения правонарушения, а не с момента его начала (Гарифуллин, 2024).

Длящийся характер нарушения подчеркивает специфику девиантного парковочного поведения: оно не сводится к единичному случаю, а может становиться привычной стратегией (например, водитель регулярно паркуется под знаком «Остановка запрещена», если рядом нет инспектора); создает иллюзию безнаказанности: если нарушение не фиксируют сразу, водитель воспринимает это как «разрешение» нарушать; провоцирует эффект подражания: другие водители могут копировать такое поведение, видя, что оно не пресекается; требует системных мер противодействия – не только штрафов, но и профилактики, улучшения инфраструктуры, повышения правосознания. Считаем, что «девиантное парковочное поведение» – это аналитический термин, описывающий сознательное и часто повторяющееся нарушение правил парковки. Его длящийся характер (когда автомобиль остается в запрещенном месте часами или днями) усиливает негативный эффект и требует комплексного подхода к профилактике – от автоматической фиксации до просвещения и создания удобных парковочных зон.

Основания, по которым автомобиль могут эвакуировать в связи с неправомерной парковкой, предусмотрены ч. 1 ст. 27.13 КоАП РФ, а также Законом Иркутской области от 12 октября 2012 г. № 93-ОЗ «О порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты стоимости перемещения и хранения, возврата транспортных средств на территории Иркутской области» (далее – Закон № 93-ОЗ).

Согласно положениям КоАП РФ и закону субъекта РФ, транспортное средство перемещают на специализированную стоянку на основании решения о задержании, оформленного протоколом в соответствии со статьей 27.13 КоАП РФ. Перемещение осуществляется специализированной организацией на ближайшую к месту задержания стоянку (п. 5 ст. 3 Закона № 93-ОЗ). Перед началом перемещения конструктивно предусмотренные места доступа в транспортное средство опечатываются представителем специализированной организации (п. 7 ст. 3 Закона № 93-ОЗ). Размер платы за перемещение транспортного средства на специализированную стоянку и его хранение устанавливается исполнительным органом государственной власти Иркутской области (п. 1 ст. 5 Закона № 93-ОЗ). Плата за хранение взимается за каждый полный час нахождения на стоянке (п. 2 ст. 5 Закона № 93-ОЗ). Транспортное средство автовладельцу или уполномоченному лицу выдают сотрудники стоянки после оплаты расходов на хранение задержанного транспортного средства (п. 1 ст. 6 Закона № 93-ОЗ).

Тарифы на перемещение и хранение задержанных транспортных средств в Иркутской области установлены приказом Службы по тарифам Иркутской области от 29 января 2020 г. № 4-спр¹⁰.

¹⁰ Автомобильный транспорт: категория А – 634,00 руб. (за исключением районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей) и 764,00 руб. (в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях);

Согласно приказу Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС) России от 15 августа 2016 г. № 1145/16, автовладельцы имеют право погасить расходы на перемещение и хранение задержанных транспортных средств в течение срока, установленного соответствующим субъектом РФ. Этот срок не может составлять менее 30 дней со дня перемещения транспортного средства.

Пункт 3 статьи 46 Бюджетного кодекса Российской Федерации устанавливает, что с 1 января 2025 г. доходы от штрафов за нарушение ПДД распределяются так: в федеральный бюджет – 25 %, в бюджет субъекта РФ – 75 %. Согласно ст. 2 Закона Иркутской области от 3 ноября 2011 г. № 93-ОЗ «О дорожном фонде Иркутской области» (в ред. от 2 мая 2024 г.), к источникам формирования бюджетных ассигнований дорожного фонда области относятся в том числе штрафы, установленные КоАП РФ за нарушение ПДД, правил эксплуатации транспортного средства.

Специализированные охраняемые стоянки в Иркутске¹¹ для хранения задержанных транспортных средств называются арестплощадки или штрафплощадки. Их правовой статус урегулирован законом Иркутской области от 12 октября 2012 г. № 93-ОЗ «О порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты стоимости перемещения и хранения, возврата транспортных средств на территории Иркутской области».

Общий срок хранения транспортного средства на стоянке – один месяц. Отсчет начинается с момента помещения транспортного средства на стоянку. По истечении 1 месяца, если собственник не забрал транспортное средство, оно может быть передано в муниципальную собственность Иркутска. До этого момента администрация стоянки передает собственнику письменное извещение о необходимости получения транспортного средства со стоянки и предупреждает, что по истечении одного месяца с момента получения извещения транспортное средство будет передано в муниципальную собственность. Если собственник не согласен с действиями или решениями, связанными с хранением или передачей транспортного средства, он вправе обратиться за защитой своих прав в суд (Арсланбекова & Гаджиалиева, 2024).

Однако бывают ситуации, когда машину эвакуировали из-за неправомерной парковки, а у гражданина нет денег заплатить за эвакуацию и административный штраф. В этом случае необходимо получить протокол о задержании транспортного средства в отделении ГИБДД, после чего протокол с отметкой об устранении причин задержания следует предъявить на штрафстоянке для получения автомобиля. Штраф за нарушение ПДД можно внести в течение 70 дней после получения постановления (10 дней отводится на обжалование, 60 дней – на погашение штрафа) – об этом говорится в ст. 32.2 КоАП РФ. Нет обязательного требования оплачивать штраф сразу при получении автомобиля. В соответствии с Законом Иркутской области от 12 октября 2012 г. № 93-ОЗ транспортное средство выдается со штрафстоянки только после оплаты расходов на его хранение. Это условие стоянки: без оплаты расходов на хранение сотрудники стоянки не имеют права выдать автомобиль владельцу. Оплата хранения – это не штраф, а компенсация услуг специализированной стоянки, и она не подпадает под те же сроки, что и оплата административного штрафа (Шпарага & Павлов, 2025).

категории В и D массой до 3,5 т – 1 268,00 руб. и 1 527,00 руб. соответственно; категории D массой более 3,5 т, С и Е – 2 536,00 руб. и 3 054,00 руб. соответственно; негабаритные транспортные средства – 3 804,00 руб. и 4 581,00 руб. соответственно.

¹¹ В Иркутске их несколько: «Автолэнд». Адрес: улица Свердлова, 41а/1; «Штрафстоянка на Сурнова». Адрес: улица Сурнова, 29/4; Специализированная стоянка для хранения задержанных транспортных средств ГАИ УВД по г. Иркутску. Адрес: улица Старо-Кузьмихинская, 39а; «ТехАвто38». Адрес: улица Байкальская, 10; .СЭТ38. Адрес: улица Тракторная, 40/1а и др.

Владельцы штрафплощадки обязаны вернуть автомобиль после предъявления протокола с отметкой ГИБДД об устранении причин задержания. Удержание автомобиля из-за отсутствия оплаты на месте неправомерно. Если на штрафстоянке отказываются выдать автомобиль без оплаты штрафа, следует потребовать письменный отказ в выдаче автомобиля с указанием оснований; в случае отказа в выдаче письменного отказа – зафиксировать разговор с сотрудником на камеру мобильного телефона; обратиться в дежурную часть ГИБДД – сотрудники свяжутся со штрафстоянкой и помогут решить проблему; при дальнейшем несогласии со стороны штрафстоянки следует подать жалобу в вышестоящие органы или в суд. Если гражданин считает, что эвакуация была неправомерной, он может обжаловать постановление в ГИБДД или в суде в течение 10 дней с момента получения постановления (Абдулхакова и др., 2025). Также по законодательству РФ возможно получение рассрочки или отсрочки платежа. В некоторых случаях возможно договориться об изменении условий оплаты штрафа или обратиться в соответствующие органы с просьбой о предоставлении рассрочки или отсрочки платежа¹².

Заключение

Следует отметить, что отсутствие оборудованных парковок в центре Иркутска связано с несколькими факторами. Во-первых, центр города характеризуется плотной застройкой, узкими улицами и наличием исторических зданий, что существенно ограничивает возможности для организации больших парковочных пространств. Во-вторых, в центральной части города каждый участок земли имеет высокую ценность и может быть востребован для различных целей – от коммерческой застройки до сохранения зеленых зон и общественных пространств. Выделить участок под парковку бывает непросто из-за конкуренции интересов и нормативных ограничений. В-третьих, власти города на данном этапе считают более приоритетными другие направления развития городской инфраструктуры, а строительство подземных парковок требует значительных инвестиций, сложных инженерных решений. В-четвертых, законодательство может накладывать ограничения на организацию парковок в определенных зонах, например вблизи объектов культурного наследия или в природоохранных зонах¹³.

Правоохранительные органы и администрация региона предпринимают усилия по борьбе с девиантным поведением в сфере парковки, используя законодательные меры, рейды и пропаганду. Так, вступил в силу Закон Иркутской области от 27 марта 2025 г. № 18-ОЗ

¹² В КоАП РФ нет прямых статей, посвященных рассрочке или отсрочке штрафов, однако в ст.32.2 КоАП РФ говорится об уплате административного штрафа и порядке его взыскания. Гражданский процессуальный кодекс и Арбитражный процессуальный кодекс содержат положения, позволяющие ходатайствовать об отсрочке или рассрочке исполнения решения суда. Конкретные статьи: ГПК РФ – ст. 203 («Отсрочка или рассрочка исполнения решения суда, изменение способа и порядка исполнения решения суда»); АПК РФ – ст. 321 («Отсрочка, рассрочка исполнения судебного акта, изменение способа и порядка его исполнения»). Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» регулирует порядок исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, включая вопросы отсрочки и рассрочки исполнения обязательств. В частности, статья 77 этого закона предусматривает возможность предоставления отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа.

¹³ По информации пресс-службы администрации города Иркутска, дефицит парковок отмечается в Октябрьском районе, в «Пассаже» не хватает 73 парковочных мест), в торговом центре «4 Сезона» не хватает 123 парковочных мест, в «Манеже» не хватает 70 мест. Также много лет наблюдается проблема с парковками у ТЦ «Рублев» не хватает 157 мест, а самый проблемный объект – «Торговый комплекс», у него нехватка в 400 парковочных мест. По подсчетам Комитета по градостроительной политике, в центре паркуются около 3–3,5 тысяч автомобилей, 2000 – в районе Центрального рынка. По утвержденным нормативам в центре должно располагаться 790 мест, но их всего 237.

«Об административной ответственности за отдельные правонарушения в области эксплуатации и содержания объектов и элементов благоустройства территорий муниципальных образований Иркутской области», предусматривающий штрафы для нарушителей, которые паркуют автомобили на газонах, т. е. совершают умышленные действия, противоречащие как правовым, так и социальным нормам. Для граждан штраф – до 3 тысяч рублей, для должностных лиц – до 10 тысяч рублей, для юридических лиц – до 20 тысяч рублей (Кодзокова, 2024).

В законе дано конкретное указание, где нельзя парковаться. Например, под газоном понимается поверхность земельного участка, покрытая травянистой и (или) древесно-кустарниковой растительностью, имеющая ограничение в виде бортового камня и (или) граничащая с твердым покрытием пешеходных дорожек, тротуаров, проезжей частью дорог (Шевцова & Мишуков, 2015).

В целях профилактики девиантного парковочного поведения в Иркутске проводятся совместные рейды администрации и сотрудников полиции по выявлению нарушений правил парковки¹⁴. Так, в июне 2025 г. в Свердловском округе Иркутска провели рейд, в ходе которого проверили 10 адресов, из которых чаще всего поступали жалобы от жителей. Выявили 14 нарушителей.

Проводятся разъяснительные беседы с водителями, например, о том, что при нехватке парковочных мест жители многоквартирных домов могут коллективно обратиться в управляющую компанию для организации специальной зоны.

Проблема эвакуации транспортного средства из-за неправомерной парковки тесно связана с нехваткой парковочных мест, недостаточное количество мест которых вынуждает водителей сознательно идти на нарушение правил, т. е. проявлять девиантное поведение ради достижения личной выгоды (быстро припарковаться рядом с нужным объектом). Центральные улицы города часто перегружены, а альтернативные варианты парковки недоступны или неудобны для водителей. Бесспорно, эту проблему необходимо решать совместными усилиями региональных и местных властей. Решением данной проблемы может стать увеличение числа парковок на центральных улицах города, создание системы кольцевых дорог, которые могут помочь перераспределить транспортные потоки и снизить нагрузку на центральные улицы. Снижение трафика в центре потенциально уменьшит потребность в парковке в этом районе, что сделает дорожную ситуацию более комфортной и безопасной для всех участников движения. Развитие альтернативных видов транспорта и инфраструктуры, а именно стимулирование использования общественного транспорта, велосипедов, средств индивидуальной мобильности, поможет снизить количество личных автомобилей в центре. Создание условий для использования каршеринга и сервисов краткосрочной аренды транспортного средства также будет этому способствовать.

В генеральном плане Иркутска предусмотрено создание системы кольцевых дорог, но реализация проекта приостановлена из-за отсутствия финансирования из федерального бюджета. Для запуска проекта могут быть использованы различные механизмы: поиск источников софинансирования с федеральным центром; привлечение частных инвестиций или использование государственно-частного партнерства; рассмотрение возможности использования региональных и муниципальных средств. Думается, что региональные и местные власти могут инициировать более мелкие проекты по улучшению парковочной инфраструктуры, которые не требуют масштабного финансирования.

Кроме того, важно наладить диалог между властями и жителями города для определения приоритетных направлений развития транспортной инфраструктуры путем проведения

¹⁴ Змановская, Е. В. (2008). *Девиантология: психология отклоняющегося поведения* учебное пособие для студентов, изучающих психологию, социальную работу и социальную педагогику [учебное пособие]. Академия.

общественных слушаний, опросов и других форм взаимодействия, которые могут помочь выявить актуальные проблемы и пути их решения. Местные власти могут разработать программы по оптимизации парковочного пространства и контролировать их реализацию, в том числе с акцентом на профилактику девиантного поведения на дорогах через просвещение и формирование транспортной культуры.

Таким образом, проблема эвакуации ТС из-за неправомерной парковки требует системного подхода, грамотного планирования и взаимодействия всех заинтересованных сторон. Увеличение числа парковок и создание кольцевых дорог – важные шаги на пути ее решения, но их реализация зависит от многих факторов, в том числе от финансирования и политической воли. При этом ключевое значение имеет работа с мотивацией водителей: снижение уровня девиантного парковочного поведения возможно только при сочетании жесткого контроля и создания комфортных условий для соблюдения правил.

Список литературы

- Абдулхакова, Е. Р., Чернов, К. Ю., & Клевцова, М. П. (2025). Административная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. *Eroten.Global*, 59, 57–62.
- Арсланбекова, А. З., & Гаджиалиева, М. Р. (2024). Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения. *Вестник Дагестанского государственного университета*, 3, 32–37.
- Арсланбекова, А. З., & Гаджиалиева, М. Р. (2025). Административная ответственность за нарушение правил дорожного движения: новеллы в российском законодательстве. *Вестник Дагестанского государственного университета*, 4, 70–75.
- Гарифуллин, Р. Р. (2024). Перспективы и новый вектор развития административного регулирования в области организации безопасности дорожного движения. *Молодой ученый*, 11, 80–82.
- Галкина, А. В. (2016). Городские парковки - способы решения проблемы. *Экономика и социум*, 4-1, 412–420.
- Канищев, М. В., & Мамин, А. С. (2021). Современные проблемы и пути совершенствования института административной ответственности за нарушение правил благоустройства территории населенных пунктов Российской Федерации. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 12-2, 195–198. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-12-2-195-198>
- Клейберг, Ю. А. (2026). *Психология девиантного поведения: Учебник и практикум для вузов* (5-е изд., перераб. и доп.). Юрайт. <https://urait.ru/bcode/582651>
- Кодзокова, Л. А. (2024). Новеллы законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения. *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*, 4, 58–64.
- Колпачкова, У. В., & Мельник, С. Л. (2025). Эффективность системы штрафов как инструмента регулирования дорожного движения для водителей. *Вестник науки*, 12, 506–514.
- Лихвойнен, А. В., Комарова, М. В., Розов, А. А., Солодкова, Е. В., & Степанова, А. А. (2021). Анализ инновационных технологий организации парковочного пространства мегаполисов. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 6-2, 207–212.
- Мамаев, Г. И., & Бакиров, Л. Ю. (2022). Проблемы уличных парковок и зарубежный опыт организации парковок. *Universum: технические науки*, 5-4, 57–61. <https://doi.org/10.32743/UniTech.2022.98.5.13796>
- Розанова, В. О. (2018). Система парковки. *Молодой ученый*, 51, 285–286.

- Смышляева, А. А., Резникова, К. М., & Савченко, Д. В. (2021). Проблема парковок: зарубежный опыт и состояние в России. *Отходы и ресурсы*, 8(1), Article 05INOR121. <https://doi.org/10.15862/05INOR121>
- Тебелева, Е. С. (2025). Административная ответственность за правонарушения в области организации дорожного движения: современные проблемы и пути совершенствования. *Вестник науки*, (12), 160–169.
- Тебелева, Е. С. (2025). Основные проблемы установления и применения административной ответственности за нарушение правил дорожного движения. *Вестник науки*, (12), 170–181.
- Шевцова, А. Г., & Мишуров, М. С. (2015). К вопросу о правонарушениях стоянки транспортных средств в городах. *Известия Тульского государственного университета. Технические науки*, (6-1), 87–92.
- Шпарага, О. А., & Павлов, Н. В. (2025). Административная ответственность за нарушение правил дорожного движения: анализ проблем и перспектив. *Epomen.Global*, (65), 114–119.
- Ягузинская, И. Ю., & Типушова, И. О. (2015). Современные автоматизированные системы парковки автомобилей. *Концепт*, (35), 156–160.

References

- Abdulkhakova, E. R., Chernov, K. Yu., & Klevtsova, M. P. (2025). Administrativnaya otvetstvennost za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv. *Epomen.Global*, 59, 57–62.
- Arslanbekova, A. Z., & Gadzhialieva, M. R. (2024). Aktualnye problemy privlecheniya k administrativnoy otvetstvennosti za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 32–37.
- Arslanbekova, A. Z., & Gadzhialieva, M. R. (2025). Administrativnaya otvetstvennost za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya: novelly v rossiyskom zakonodatelstve. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 70–75.
- Garifullin, R. R. (2024). Perspektivy i novyy vektor razvitiya administrativnogo regulirovaniya v oblasti organizatsii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya. *Molodoy uchenyy*, 11, 80–82.
- Galkina, A. V. (2016). Gorodskie parkovki - sposoby resheniya problemy. *Ekonomika i sotsium*, 4-1, 412–420.
- Kanishchev, M. V., & Mamin, A. S. (2021). Sovremennye problemy i puti sovershenstvovaniya instituta administrativnoy otvetstvennosti za narushenie pravil blagoustroystva territorii naselennykh punktov Rossiyskoy Federatsii. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 12-2, 195–198. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-12-2-195-198>
- Kleyberg, Yu. A. (2026). *Psikhologiya deviantnogo povedeniya: Uchebnik i praktikum dlya vuzov* (5-e izd., pererab. i dop.). Yurayt. <https://urait.ru/bcode/582651>
- Kodzokova, L. A. (2024). Novelly zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii o bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve. Yuridicheskiy zhurnal*, 4, 58–64.
- Kolpachkova, U. V., & Melnik, S. L. (2025). Effektivnost sistemy shtrafov kak instrumenta regulirovaniya dorozhnogo dvizheniya dlya voditeley. *Vestnik nauki*, 12, 506–514.
- Likhvoynen, A. V., Komarova, M. V., Rozov, A. A., Solodkova, E. V., & Stepanova, A. A. (2021). Analiz innovatsionnykh tekhnologiy organizatsii parkovochного prostranstva megapolisov. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, 6-2, 207–212.
- Mamaev, G. I., & Bakirov, L. Yu. (2022). Problemy ulichnykh parkovok i zarubezhnyy opyt organizatsii parkovok. *Universum: tekhnicheskie nauki*, 5-4, 57–61. <https://doi.org/10.32743/Uni-Tech.2022.98.5.13796>

- Rozanova, V. O. (2018). Sistema parkovki. *Molodoy uchenyy*, 51, 285–286.
- Smyshlyaeva, A. A., Reznikova, K. M., & Savchenko, D. V. (2021). Problema parkovok: zarubezhnyy opyt i sostoyanie v Rossii. *Otkhody i resursy*, 8(1), Article 05INOR121. <https://doi.org/10.15862/05INOR121>
- Tebeleva, E. S. (2025). Administrativnaya otvetstvennost za pravonarusheniya v oblasti organizatsii dorozhnogo dvizheniya: sovremennye problemy i puti sovershenstvovaniya. *Vestnik nauki*, (12), 160–169.
- Tebeleva, E. S. (2025). Osnovnye problemy ustanovleniya i primeneniya administrativnoy otvetstvennosti za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya. *Vestnik nauki*, (12), 170–181.
- Shevtsova, A. G., & Mishurov, M. S. (2015). K voprosu o pravonarusheniyakh stoyanki transportnykh sredstv v gorodakh. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie nauki*, (6-1), 87–92.
- Shparaga, O. A., & Pavlov, N. V. (2025). Administrativnaya otvetstvennost za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya: analiz problem i perspektiv. *Epomen.Global*, (65), 114–119.
- Yaguzinskaya, I. Yu., & Tipushova, I. O. (2015). Sovremennye avtomatizirovannye sistemy parkovki avtomobiley. *Kontsept*, (35), 156–160.

Информация об авторах

Елена Львовна Власова – доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

Петр Михайлович Фидель – доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

About the authors

Elena L. Vlasova – Associate Professor at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies at the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Pedagogy), Docent.

Petr M. Fidel – Associate Professor at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies at the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 01.03.2026

Одобрена после рецензирования 15.06.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted March 01, 2026

Approved after reviewing June 15, 2026

Accepted July 30, 2026

